

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

L Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5137
4

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпуски 3 и 4.

Одесса.

ТИПОГРАФІЯ Л. НИТЧЕ.

1868.

Исторія славянскихъ законодательствъ принадлежитъ къ числу наиболѣе молодыхъ наукъ. До второй четверти текущаго столѣтія являлись только слабые попытки въ дѣлѣ объясненія юридическаго быта различныхъ славянскихъ племенъ. Открытіе и изданіе множества памятниковъ славянскихъ законодательствъ, вмѣстѣ съ опытами систематической ихъ разработки, принадлежатъ послѣднимъ двумъ — тремъ десятилѣтіямъ. Въ это время явились замѣчательныя историко-юридическія изслѣдованія, возбуждшія большой интересъ къ предмету; явилась даже возможность широкаго сравнительно-историческаго изученія славянскихъ законодательствъ. Труды Мацѣйовскаго, Палацкаго, Шафарика, Ирѣчка, Губе, Лелевеля, обоихъ Бантке и другихъ изслѣдователей славянской старины обогатили науку важными открытіями, уяснили многіе темные вопросы по исторіи юридическаго быта Славянъ, вообще положили прочныя основанія для науки исторіи славянскихъ законодательствъ.

Предметъ, впрочемъ, далеко еще не исчерпанъ: исторія славянскихъ законодательствъ только что начинаетъ получать строго научный характеръ. Множество памятниковъ и отдѣльныхъ вопросовъ по внутренней исторіи права остается доселѣ почти безъ всякой научной разработки. Исторію славянскихъ законодательствъ можно считать во многихъ отношеніяхъ не початымъ полемъ для изслѣдованій.

Если исторія древняго польскаго и чешскаго права достаточно выяснена трудами новѣйшихъ дѣятелей, то далеко не то можно сказать о законодательствѣ южныхъ Славянъ. Опыты Палацкаго, Мацѣйовскаго, Рейца, Брстича и другихъ, если и уяснили многіе вопросы по исторіи сербскаго и хорвато-далматскаго права, то все таки не восполняютъ въ ней огромныхъ пробѣловъ. Масса драгоценныхъ памятниковъ, открытыхъ Букуловичемъ-Савцинскимъ, обоими Шафариками, Миллошичемъ, Пуцичемъ и другими, представляетъ доселѣ сырой матеріалъ, безъ всякой критической разработки, — матеріалъ, который раскрываетъ все богатство и разнообразіе юридическихъ институтовъ глубокой древности, удерживавшихся въ нѣкоторыхъ сербскихъ и хорватскихъ земляхъ до нашихъ дней.

Въ числу пробѣловъ по исторіи славянскихъ законодательствъ въ особенности нужно отнести хорвато-далматское право. Можно указать на немногія изслѣдованія по исторіи отдѣльныхъ памятниковъ или юридическихъ институтовъ. Но такія изслѣдованія рѣшительно не объясняютъ послѣдовательнаго историческаго развитія хорвато-далматскаго законодательства. Изслѣдованы только позднѣйшіе переработанные уставы далматскаго Приморья (и то далеко не всѣ), въ которыхъ уже до значительной степени замѣтны чуждыя влиянія (Рейцъ, Венцель и др.). Между тѣмъ, такіе уставы, какъ Винодольскіе Законы или Полицій Статутъ, весьма мало затронуты научной критикой, не смотря на то, что въ нихъ удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности. Объясняя древнее устройство общинъ хорватскихъ и далматскихъ, они могутъ служить также важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи другихъ славянскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и русскаго, коронающагося въ однихъ и тѣхъ же общеплеменныхъ славянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я желаю бы хоть приблизительно дать понятіе о предметѣ, далеко не лишennemъ интереса въ отношеніи къ древнему русскому праву. Нисколько не расцѣпывая изложить полную исторію хорвато-далматскаго права, — трудъ, едва ли исполнимый въ настоящее время, при рѣшительной недоступности многихъ хорватскихъ и далматскихъ уставовъ (напр. хоть уставовъ дубровницкихъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати), я поставилъ своей задачей разсмотрѣть въ особенности три типическіе устава: *Винодольскіе Законы*, *Законы града Загреба* и *Полицій Статутъ* — драгоценные памятники славянской старины, въ которыхъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, по изстариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, при самомъ слабомъ влияніи чуждыхъ источниковъ. Въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ общинная жизнь Славянъ представляется на различной ступени развитія. Винодольскіе Законы воспроизводятъ жизнь „кнежтва“, слагающагося изъ нѣсколькихъ „обтинъ“, жупъ, — Законы града Загреба — жизнь отдѣльной жупы, съ ея центральнымъ мѣстомъ, градомъ. Въ обоихъ памятникахъ изслѣдователь находитъ уже довольно сложныя и развитыя формы общинной жизни Славянъ. Въ Полиціомъ Статутѣ мы, напротивъ, встрѣчаемся съ жупой, въ первичной ея формѣ, состоявшей изъ однихъ селъ, безъ всякихъ градовъ, весьма долго удерживавшей всѣ характеристическія особенности патріархальнаго быта старыхъ Славянъ. Изученіе законовъ винодольскихъ, загребскихъ и полиційскихъ представляетъ для насъ интересъ значительной важности: въ нихъ мы найдемъ удовлетворительное разрѣшеніе множества темныхъ вопросовъ по исторіи русскаго (въ особенности эпохи

III

Русской Правды и мѣстныхъ законовъ) и другихъ славянскихъ законодательствъ. — Изложенію избранныхъ мною памятниковъ я предпослалъ обзорніе другихъ важнѣйшихъ памятниковъ хорватско-далматскаго законодательства. Такимъ образомъ, начѣ очеркъ раздѣляется на слѣдующіе четыре отдѣла:

I. Общее обзорніе памятниковъ древняго хорватско-далматскаго законодательства.

II. Исслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

III. Исслѣдованіе Законовъ града Загреба.

IV. Исслѣдованіе Полицкаго Статута.

Кромѣ исторіи самыхъ памятниковъ (съ указаніемъ на причины ихъ изданія, на источники, списки, порядокъ составленія памятниковъ, на существенныя ихъ отличія по внѣшней системѣ и содержанію), я старался изучить по источникамъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты внутренняго быта общинъ, обращая въ особенности вниманіе на учрежденія и порядки, по чему либо сходные съ учрежденіями по древнему русскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. При этомъ, имѣя дѣло съ отдѣльными юридическими институтами, я поставилъ главной своей цѣлью — изложить ихъ сущность и значеніе, на сколько они формулированы и затронуты въ самыхъ памятникахъ, обращаясь за объясненіемъ къ другимъ источникамъ лишь для болѣе отчетливаго пониманія и уясненія предмета. Сравнительное изученіе памятниковъ и отдѣльныхъ институтовъ по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ не входитъ въ нашу задачу, — иначе намъ пришлось бы излагать чуть ли не полную исторію славянскаго права.

Считаю не совсѣмъ лишнимъ привести здѣсь главнѣйшія *пособія и источники*, которыми можно пользоваться при изученіи древняго хорватско-далматскаго законодательства.

Печатные сборники хорватско-далматскихъ законовъ начинаются съ XVI столѣтія. Изъ древнѣйшихъ сборниковъ извѣстны въ настоящее время слѣдующіе:

Palatino, Libro, nel qual s'insegna a scriver ogni sorte lettera. Roma 1550.

— Compendio del gran volume dell'arte del bene et leggiadramente scrivere tutte la sorti di lettere e caratteri. Venetia 1588.

Statuta Jadertina cum omnibus reformationibus in hunc usque diem factis, additoque indice locupletissimo, nunc primum typis excusa. Venetia 1564.

Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici, sum tabula rubricarum. Venetiis. 1608.

Statuta insulae Curzubad. Ven. 1614. Въ 1643 и 1693 г. вышло

IV

новое изданіе законовъ Корчулы съ добавленіями, подъ заглавіемъ: *Liber Legum et Statutorum civitatis et insulae Curzulae*.

Statuta civitatis Cathari. Ven. 1616 и 1715.

Statuta communitatis Pagi. Ven. 1637.

Statuta communitatis Lesinae. Ven. 1643.

Diversi publici Decreti, Terminationi, Privilegj et Indulti a favor della magnif. Communità della Brazza. In Udine. 1656.

Statuta municipalia ac Reformationes magnif. communitatis Brachiae. Utini. 1656.

Decreta communitatis Brathiae. Ven. 1656.

Ivan Lucio, *Memorie istoriche di Tragurio*. Ven. 1674.

Aloysio Pisani, *Statuta et Reformationis civitatis Tragurii*. Ven. 1708.

Privileggi della Provincia della Cargna. Ven. 1740.

Dolci Sebastiano, *Monumenti storici della Provincia Fracescana di Ragusa*. Napoli 1744.

Farlati, *Illicum sacrum*. Venetiis. 1751—69.

Analecta Scepusia. W. Wiednu. 1774.

Epitome del Privilegio e Rolo di Makarska, Primorje e Craine. In Venezia. 1794.

Исчисленные сборники составляютъ теперь библиографическую рѣдкость. Впрочемъ, болѣе важные памятники извлечены изъ нѣкоторыхъ старыхъ сборниковъ и помѣщены въ новѣйшихъ изданіяхъ Миллошича, Букулевича и др. Въ настоящемъ столѣтіи открыто много новыхъ памятниковъ, мало извѣстныхъ въ прежнее время. Они помѣщены въ слѣдующихъ сборникахъ:

Kreglianovich, *Memorie par la storia della Dalmazia*. Zara. 1809.

Müller, *Privilegium Regis Belae IV a 1258 Nobilibus de Almissio in Dalmatia*. 1817.

Frajo Carraro Sphiscanin, *Archiv Capitolare di Spalato*.

Brodtmann, *Memorie politico-economiche di Trieste, Istria, Dalmazia e Ragusa*. Ven. 1822.

Stulli Luca, *Monumento da inalzarsi alla sacra, zesarska, regia, apostolica maesto di Francesco I. Ragusa*. 1826.

P. I. Safarik, *Monumenta illyrica*. Pragaе 1839.

— *Památky hlalolského pisemnictvi*. V Praze. 1853. (12 хорватскихъ грамотъ XIV — XVI столѣт.).

Обреновичъ, Србскіи споменици или старе рисовуѣ, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, далматински и дубровачки, кралева, царева банова. У Београду 1840.

Solitto Vincenzo, Documenti storici sull'Istria e la *Dalmazia*, raccolti e annotati. Ven. 1844.

Franceschi, Statuti prime leggi in *Ragosnizza*. 1235. Въ журн. Dalmazia 1845. № 22.

Batto, Documenti inediti riportanti il prospetto politico-economico-geographico, delle *comunita dalmatiche* nell'anno 1553. Ibid. 1845 — 47.

Wenzel, Beiträge zur Quellenkunde der dalmatischen Rechtsgeschichte im Mittelalter. (Статуты острововъ *Ластова*, *Мльта* и пр.). Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. I — III.

— Codex diplomaticus *Arpadinus* continuatus. Pest. 1860.

Liber de ordinamenti et de le usance della universitade del Comun de *Melida* fate e ordinate per tuti lihomeni de quela isola in pubblico reggimento delo popolo. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. II.

Vercevic Vuko, Ustanova Gebraljska u Boki *Kotorskoj*. Въ Pravdonosa 1851.

Zakoni i ustanove *dalmatinskih hradovah*. Ibid. 1851 — 52.

Ian Kukuljetic Sakcinski, Arkiv za povestnicu jugoslavensku. I—V knih. U Zargebu. 1051 — 59.

— Отрывокъ *Полицкаго Статута*. Въ соч. Букулевича — Izvjestje o putovanju kroz Dalmaziju. 1857.

— Iura regni *Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. I—VI Vol. Zagrabiae. 1858 — 63.

— Conspectus monumentorum historicorum in manuscripto existentium, quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem *Slavorum meridionalium* tipis vulgari possent. Zagrabiae. 1859.

— Monumenta historica Slavorum meridionalium. Povjestnj Spomenice juznih Slavenah. Knjiga I. *Listine Hrvatske* (acta croatica). U Zargebu. 1863.

М. Банъ. Статутъ острова *Мльта*. Въ III книгѣ сборника — Дубровникъ 1852.

Tafel und Thomas, Griechische Original-Urkunden des Freistaates *Ragusa*. Въ Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. d. Wissensch. 1851, Mai-Heft.

Князь Медо Пучич, Споменници сръбски од 1395 до 1423. I — II. У Београду. 1858 — 62. (*Дубовницкија* грамоты и извлеченія изъ сборниковъ дубровницкихъ законовъ).

Fr. Miklosich, Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosniae, *Ragusii*. Viennae 1858.

Ian Safarik, Пописъ акта принадлежчи къ исторіи Срба и остальи юю-славска, наодечи'се у цег. кр. Млетачкогъ генералногъ архиву. Въ Гласникѣ дружт. срб. словесн., св. X. 1858. Отдѣльно — у Београду. 1858.

Ian Saffarik, Србски исторійски споменници млетачногъ архива. Ibid. 1859 — 62. Отдѣльно — Belgradi. 1860 — 62.

Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium. Rome 1863.

Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavoniae. U Zagrebu. 1862.

Споменници изъ дубровачке архиве. У Београду. 1862.

Макушевъ, Законодательные памятники Дубровника. Въ его изслѣд. объ историч. памятникахъ Дубр. Спб. 1867. (См. ниже).

Отдѣльные памятники помѣщены также въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ; Србско-далматинскомъ магазинѣ (у Зандру), Гласникѣ друштва србске словесности (у Београду), Дубровникѣ, Коло (U Zandru), Sitzungsberichte der kaiserl. Akad. der Wissensch. (Wien), въ Чтеніяхъ въ Общест. истор. и древн. рос. и пр.

Наконѣцъ памятники, касающіеся хорвато-далматскаго законодательства, можно находить въ слѣдующихъ сборникахъ венгерскихъ и венеціанскихъ законовъ: *Schwandter* — Scriptores rerum hungaricarum (Wien 1746); *Iony* — Facies juris Hung. (Iena 1756); *Kaprinai* — Hungaria diplomatica (Vind. 1767); *Werbosz* — Corpus juris Hungarici; *Engel* — Monumenta Ungarica (1809); *Fejer* — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (Budae. 1829); Corpus decretorum juris Hungarici (1844 — 48); *Endlicher* — Rerum hungaricarum monumenta arpadiana (Sangali. 1848); *Szeremi Guörgy* — Monumenta Hungariae historica. (Pest. 1857 — 61); *Theiner* — Vetera monumenta historica sacram illustrantia Hungariam. (Romae. 1859); Volumen Statutorum, Legum ac jurium D. Venetorum (Venet. 1564, 1586, 1691, 1729); *Tafel u. Thomas* — Urkunden zur älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit Beziehung auf Byzanz und Levante (Wien 1856 — 58); Urkunden der Republik Venedig (Въ Fontes Rerum Austriacarum. Wien. 1857. III).

Изслѣдованія по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, главнымъ образомъ, принадлежатъ настоящему столѣтію. Изъ старыхъ сочиненій, касающихся этого предмета, намъ извѣстны только два:

Bona de Nicolai, Praxis judiciaria juxta stylum Curiae ragusanae. Ragusae 1784.

Engel, Staatsrechtliche Untersuchungen über Dalmatien, Croatien und Slavonien. Въ 11 томѣ большаго его сочиненія: Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien u. Slavonien. Halle 1798.

Не раньше второй четверти текущаго столѣтія появляются въ собственномъ смыслѣ историко-юридическія изслѣдованія по славянскимъ законодательствамъ. Начало систематической ихъ разработки положено *Мацѣйовскимъ*, въ двухъ извѣстныхъ его сочиненіяхъ:

VII

Maciejowski, *Historja prawodawstw Stowianskich. I — IV.* Warszawa. 1832 — 35. Новое изданіе въ 6-ти томахъ появилось въ 1856 — 65.

— *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Stowian. I — II.* Spb. 1839.

Исслѣдованія Мацѣйовскаго въ особенности важны, какъ первые обстоятельные опыты сравнительно историческаго изученія славянскаго права. Въ этомъ случаѣ заслуга автора несомнѣнна. Изложеніе его отличается впрочемъ большою неполнотою: авторъ имѣлъ предъ собою слишкомъ широкое и мало обработанное поле изысканій, не могъ притомъ воспользоваться многими источниками, обнаруженными только въ недавнее время. Въ особенности недостаточно и блѣдно изложена внѣшняя исторія славянскихъ законодательствъ; многіе весьма важные памятники даже вовсе не упомянуты авторомъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства Мацѣйовскій изложилъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о Винодольскихъ Законахъ, Брисконъ Статутъ и городскихъ уставахъ далматскаго Приморья; почти только упомянуть Полицій Статутъ — одинъ изъ драгоценныхъ памятниковъ славянскои старины, заслуживающій самаго внимательнаго и всесторонняго изученія. Полнѣе изложена внутренняя исторія. Авторъ съ большимъ успѣхомъ примѣнялъ здѣсь сравнительный методъ изученія памятниковъ, хотя далеко не исчерпалъ всего ихъ содержанія и не избѣжалъ многихъ совершенно произвольныхъ построеній и положеній по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ законодательствъ. (Главнѣйшіе недостатки сочиненія Мацѣйовскаго изложены весьма обстоятельно въ рецензій неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ „Pismo zbiórowe, wydane przez Iosafata Ohryzko“, т. I. Spb., 1859, стр. 374 — 490).

Почти одновременно съ Мацѣйовскимъ явились другіе изслѣдователи, обратившіе вниманіе на славянскую старину, старавшіеся объяснить древнѣйшіе памятники юридической жизни Славянъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства въ особенности важны изслѣдованія профессора Рейца:

Reutz, *Die freien Landgemeinden von Zernohora, Poglizza und andere, ein Beitrag zur Kenntniss des südlichen Slavenstammes.* Вѣ Dorpat. Jahrb. I. 1833.

— *Verfassungs- und Rechts-Zustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter.* Dorpat. 1841. Русскій переводъ, въ Сборникъ историч. и статист. свѣд. о Россіи Валуева (II. 1845), подъ заглавіемъ: Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ. Итальянскій переводъ, въ журн. *Dalmazia* (1845, № 25), — *Stato politico e giudiziario delle città marittime e delle isole dalmate nel medio evo, desunte dai loro statuti municipali.*

VIII

Последнее исследование доселѣ не потеряло значенія въ наукѣ. Въ немъ Рейцъ довольно полно и обстоятельно изложилъ постановленія далматскихъ статутовъ, извѣстныхъ въ то время въ печати (Травы, Цары, Браццы, Себе-нико, Баттаро, Лезины и Корчулы), въ особенности разсмотрѣлъ государственное устройство, сословія, отношенія права гражданскаго, уголовного и процесса. Для насъ представляютъ особенный интересъ факты касательно чисто юридическихъ отношеній. Здѣсь большинство статутовыхъ постановленій — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Исслѣдованіе Рейца тѣмъ болѣе важно, что самыя статуты для насъ рѣшительно недоступны и на Западѣ принадлежатъ къ библиографическимъ рѣдкостямъ: трудъ Рейца представляетъ для насъ главное пособіе при изученіи далматскихъ городскихъ статутовъ.

Кромѣ исчисленныхъ сочиненій по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, намъ извѣстны еще слѣдующія:

Kussevich, De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae. 1830.

Schindler, Darstellung des Colonen- und Contadium-Wesens im Ragusaner Kreise. Въ Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit 1837. Bd. II — III.

О безвластію, бывшемъ у Далмацин, после паденія республики млетачке. Въ Србско-далматин. магазинѣ 1842, година 7.

Briglevich, De jure voti nobilibus in RR. Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae congregat. competente. Zagrabiae. 1843.

Delle femine dalmate e del loro rapporto coi maschi. Въ журн. Dalm. 1846, №№ 4, 35, 37.

Paton, Adriatische Briefe. Verwaltung Dalmatiens. Въ Allgem. Zeitung 1847, № 94.

Construzione di strade in Dalmazia. Въ журн. Dalm. 1847, №№ 4, 37, 40.

Fejer, De comitatibus R. Hungariae. Budaе. 1848.

Wenzel, Studien über den Entwicklungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 1849. Bd. IV и VII.

Chiudino, Statuto e regime municipale della città di Zara. Въ журн. Osservatore dalmato 1850, №№ 138, 148, 165, 171, 172.

Naredba o ustrojenju Ilirie. U Zagrebu. 1850.

Storia e legislazione municipale di Cattaro, nel medio evo. Въ Ossers. dalm. 1851, №№ 119, 123, 130.

Leggi ed uzi notabili del Comuni dalmati, nel medio evo. Ib. № 79 и 91.

Regime e statuto municipale di Curzola. Ib. № 17, 26, 39, 58.

IX

Legislazione municipale di Sebenico, nel medio evo. Ib. № № 95, 97, 102, 106.

Joan Danilov, Knj'ga zakona poljickoga. Въ журн. Pravidnosa 1851 и 1852 г. Разобраны первыя 54 главы Полицкаго Статута.

P. Safarik, Krátka zpráva o Statutu Polickém. Въ Casop. cesk. 1854. Сербскій переводъ этой небольшой статьи помѣщенъ Поповичемъ въ Гласникѣ дружт. срб. словесн. IX. 1857.

Utiesenovic, Hauskommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker- und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes. Wien 1859 Рецензія — въ Рус. Бесѣдѣ 1859. IV.

Вельковичъ, О пороти. У Београду. 1860.

Майковъ, Судъ присяжныхъ у южныхъ Славянъ. Въ Русск. Словѣ. 1861.

Racki, Odlomci iz drzanvoga prava hrvatskoga za narodne dynastie. Вес. 1861.

Pravny pomery a původ kolonů se zvlásntém ohledem na lihoslovany v stredoveku. Въ Památky archeologicke a mistopisne, Prag. V. dil. ses. 2. 1862.

Vojtech Frühauf, Rolnictvi slovanske, thrako-illyrské a germanské v nejs-tarsi dobe. Въ журн. Ziva 1864, № 1.

Свѣдѣнія о хорватскомъ правѣ можно находить въ сочиненіяхъ по исторіи и системѣ венгерскаго и венеціанскаго права:

Kelemen, Historia juris Hungarici privati. Budaе 1818.

Klein, Handbuch der Geschichte von Ungarn u. seiner Verfassung. Leipzig 1833.

Szlemenic, Elementa juris hungarici judiciarii civilis. Posonii 1837.

Puszlay, Die Ungarn in ihrem Staats- u. Nationalwesen von 889 — 1842. Leipz. 1843.

Lustkindl, Das Ungarisch-Oesterreichische Staatsrecht. Wien 1863.

Déak, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht. Pest 1865.

Virozsil, Das Staats-Recht des Königreichs Ungarn. Pest 1865 — 66.

Contarenius, De magistratibus et republica Venetorum. Parisiis 1523—44.

Bregolani, Giurisprudenza civile secondo le leggi Venete. Vienna 1784.

Sclopis, Storia della legislazione italiana. Tor. 1840.

Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien. Leipz. 1847.

Manin, Della Veneta Giurisprudenza. Ven. 1848.

Boza, I feadi e i Comuni. Berg. 1854.

Emiliani Giudici, Storia politica del Municipi Italiani. 1855.

Albini, Storia della legislazione in Italia. Vigev. 1856.

Baschet, Les Archives de la République de Venise. Pâg. 1858.

Есть также нѣсколько монографій по обычному праву хорватскихъ и далматскихъ общинъ:

Срблина, Обычай мира при случаю убійства у общини расань-кой. Въ Магав. далмат. 1844.

— Обычай вѣрытбе у Рисну. Ib. 1845.

— О уговорѣ сватбе и сватова у Рисну. Ib. 1848.

Д. Василевичъ, Описаніе, како треба мирити за мртву главу. Ibid. 1845.

Persic, Dalmatinska zenitba i pirovanie. Въ журн. Zora Dalmatinska 1845.

Luka Lis, Narodni Slavonski obicaji. Zegreb. 1846.

Ljubic, Obicaji kod Morlakah u Dalmazii. U Zandru. 1846.

Raffaeli Urbano, Dei giudizij di sangue nel Circolo di Cattaro. Въ журн. Dalmazia 1846, № 17 и 18. Нѣмецкій переводъ — въ Illustriertes Familienbuch (Triest 1852).

Celakovsky, Slovanská právnická prislovi. Въ Casop. cesk. 1851.

— Mudroslovi národu Slovanského ve prislovich. V Praze. 1852 (Помѣщена и первая статья).

Vallazar Bogisic, Pravni obicaji u Slavena. Privatno pravo. U Zagrebu. 1867.

Важнымъ пособіемъ могутъ служить наконецъ сочиненія и монографіи по исторіи хорватскихъ и далматскихъ Славянъ:

Serafino Vazzi, La storia di Raugia. Lucca 1596.

Lucius, De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami 1666.

— Historia di Dalmazia in particolare delle citte di Trau.

Frescot, Memorie storiche e geographiche de la Dalmatia. Bologna 1687.

Fresne, Illyricum vetus et novum. Pos. 1746.

Ferri Petri Barnabae, Commentarium in monumentum Arusianum. Patavii 1753.

Fortis, Dalmatien. Bern 1776.

Busching, La Dalmazia veneta. Della republica di Ragusa. Въ его сочин. Nuova geografia. Venn. 1777. Vol. XIII и XVIII.

Раучъ, Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, найпаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Въ Виенѣ 1794. (Также въ Будиномъ Градѣ. 1823).

Engel, Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien. Halle 1798.

— Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien 1807.

XI

Bartenstein, Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation in den kaiserlichen Erblanden. 1802.

Historische Nachricht von der Republic Ragusa und ihrem gegenwärtigen Zustande. Berlin 1802.

Ciccarelli, Observazioni sull'isola della Brazza. Ven. 1802.

Appendini, Notizie storico critiche sulle antichita storia e'litteratura de'Ragusei. Ragusa 1802 — 1803.

Mikoczi, Otiorum Croatiae liber unus. Opus posthumum. Budae 1806.

Allegret Philippi, De ragusina nobilitate.

Fejér, Dalmatiae cum R. Hung. nexus. Budae 1834.

Sermage, Die ursprüngliche Vereinigung der Königreiche Croatien, Dalmatien und Slavonien mit der Krone Ungarns. ВЪ Oesterr. Zeitung für Gesch. 1836, № 1 — 3. Отдѣльно — Wien 1836.

Eusebe Salvèrte, De la civilisation: Venise et Raguse. Paris 1837.

Harvóth, Ueber Croatien als eine durch Unterjochung erworbene ungar. Provinz. Leipz. 1844.

Vukotinovich Farkas, R. Slavoniae erga Hungariam legalis correlatio. Zagreb. 1845.

Исторія общины Пастровичіо (Pastrovicchio). ВЪ Магаз. далмат. 1845.

Niseteo, Municipio de'Riditi. ВЪ журн. Dalmazia 1845.

Franceschi, La Poglizza. Ibid. 1846 — 47.

Fejér et Gyurikovits, Responsa ad opera de Croatia et Slavonia. Zagrabiae. 1847.

М. Банъ, Zercalo povestnice Dubrovacke. ВЪ сборн. Дубровникъ. II. 1851.

Maylath, Dalmatiens Verhältniss zu Ungarn, oder, wie war Dalmatien organisirt, als es faktisch zu Ungarn gehörte. ВЪ его соч. — Geschichte der Magyaren. II. 1852.

Гильфердингъ, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Москва 1855—59.

Dümmler, Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien. ВЪ Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wiss. 1856, XX Bd.

Пуцичъ, Pojestnica Dubrovnica. U Zandru. 1856.

Майковъ, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва 1857.

Ранке, Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Перев. Бартенева. М. 1857.

La Croatie et la confédération Italienne. Paris 1859.

La Hongrie et les Slaves. Paris 1860.

Kvaternik, Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreichs Croatien zu der ungarischen St. Stephans Krone. Agram 1861.

XII

Herm. Krecsek, Aktenmässige Darstellung des Verhältnisse der griechisch nicht unirten Hierarchie in Oesterreich, dann der illirischen National-Congresse und Verhandlungs-Synode. 1861.

Tkalac, Hrvatska Povjestnica. Zagreb. 1861.

Deak, Denkschrift über das Verhältniss zwischen Ungarn und Croatien. Wien 1861.

Ladislaus von Szalay, Zur Ungarisch-Kroatischen Frage. Pest 1863.

— Geschichte Ungarns. 1866.

Макушев, Исследование объ исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Спб. 1867.

Fessler, Geschichte von Ungarn. Leipz. 1867.

ОТДѢЛЪ I.

Общее обзорѣніе памятниковъ древняго хорватско-далматскаго законодательства.

Историческое положеніе Хорватовъ, особенно со времени разрыва ихъ съ Сербами. Хорватское право до подчиненія Хорватовъ Коломану: древніе обычаи; первые письменные памятники — грамоты Термимира и Мутимира; вѣчевые уставы X вѣка и Книга Законовъ Сильвестра. Хорватское право съ XII вѣка: вопросъ объ отношеніи права хорватскаго къ венгерскому; вѣчевые уставы и грамоты жалованныя, судныя и пр. Мѣстные хорватскіе и далматскіе законы, въ особенности уставы Сенья, Брка, Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья.

Хорваты составляютъ отдѣльную отрасль Славянъ, носящихъ теперь названіе *южныхъ* или *задунайскихъ*. До второй четверти X вѣка Хорваты вели съ Сербамъ общую историческую жизнь. Переселившись въ VII вѣкѣ изъ-подъ карпатскихъ горъ, они еще долго не оставляютъ дробной жизни мелкими автономическими союзами.

Столкновеніе и борьба Хорватовъ съ сильными сосѣдями (Франками, Болгарами, Византіей и пр.) рано оказываютъ вліяніе на исторію Славянъ хорватскихъ. Уже въ IX вѣкѣ, по словамъ Раича, старыя «звѣрскіе» нравы Хорватовъ стали измѣняться къ лучшему. «Звѣрскія своя переѣннвшіе нравы, учтивѣйшіи начали бывать, и толь добрыя порядки въ государство свое вводили, якоже и въ прочей Европѣ» (Раича Исторія, кн. III. 59).

Разрывъ между Сербами и Хорватами начался вслѣдъ за подчиненіемъ Хорватовъ латинской церкви (со времени Сплѣтскаго собора 925 г. См. Гильфердинга Письма, I. 226—227). Оба народа пошли съ этихъ поръ по различнымъ историческимъ путямъ. Сербы еще долго, до второй половины XII вѣка, ведутъ малоизвѣстную историческую жизнь, — подъ главенствомъ Византіи они знаютъ только свои жупы, свои сходки съ жупанами, безъ мысли о высшемъ политическомъ единствѣ народа. Не то находимъ у Хорватовъ. Уже въ X столѣтіи они образуютъ довольно обширное государство; уже въ это время они вступаютъ въ тѣсныя связи съ западными сосѣдями, незамѣтно подчиняются западно-европейской цивилизаціи. Исторія хорватская отражаетъ на себѣ съ X и слѣдующихъ вѣковъ всѣ главныя движенія въ исторической жизни европейскихъ народовъ.

Не смотря впрочемъ на раннія вѣшнія вліянія, Хорваты X и слѣдующихъ вѣковъ, въ своемъ внутреннемъ бытѣ, немногимъ разнились отъ другихъ южныхъ Славянъ. Въ X вѣкѣ земля хорватская обнимала федерацію *жупаній* (*zupanias* по Порфирородному), соответствующихъ германскимъ *Gaue*, русскимъ волостямъ или жупамъ Сербовъ, Чеховъ и другихъ Славянъ. Во время Порфиророднаго, писавшаго между 925 и 959 г., Хорваты составляли 14 отдѣльныхъ жупъ. Пзъ нихъ 11 союзовъ непосредственно зависѣли отъ великаго жупана — племеннаго главы или старшины хорватскаго народа. Таковы были жупы: *Chlebiana* (теперешній Гливно), *Tzentzena* (Цетина), *Emota* (Имота), *Pleba* (Плева въ Босніи), *Resenta* (Везента тамъ-же), *Parathalassia* (Приморье), *Brebera* (Брибирь), *Nona*, *Tuena* (Кинь), *Sigraga* и *Nipa*. Остальныя жупы хорватскія — *Cribasa* (Крбава), *Litza* и *Gutzeka* (Гадска) — составляли отдѣльное владѣніе, подчинявшееся банами, подъ общимъ главенствомъ великаго жупана (См. Кукуловича *Iuga*. I: 9). Извѣстіе Порфиророднаго о жупахъ хорватскихъ подтверждается болѣе древними свидѣтельствами, въ особенности грамотами Терпиміра 837 и Мутиміра 892. въ которыхъ упоминаются 11 жупановъ, зависѣвшихъ отъ хорватскихъ *duces* — великихъ жупановъ Порфиророднаго (*Ibid.* 5 и 6).

Дробная система волостей господствовала вездѣ, во всѣхъ частяхъ хорватской земли. Нарента (часть теперешней Далмаціи) дѣлилась при Порфирородномъ на три жупы — Растоцу, Мокру и Далсну (Ранчъ, часть II. 31). Общины, разсѣяныя по берегамъ и островамъ Приморья (Задръ, Трогиръ и пр.), составляли съ своими областями самостоятельные союзы, удерживавшіе или усвоившіе позже (напр. Дубровникъ) общинное устройство славянскихъ жупъ. По памятникамъ XI и XII вѣковъ, хорватская земля дробится на болѣе крупныя части, подъ названіемъ *банатствъ* (*Croatia, Bosnia, Slavonia, Posiga* или *Pozega, Podrama, Albania* и *Srema* или *Rama*); но въ каждой области удерживается по прежнему жупное устройство мѣстныхъ союзовъ и общинъ (См. въ *Arkiv za povestn. jugos.* II. 4. грамоту Петара Гумая 1080 г., въ которой сохранилось извѣстіе о 7 хорватскихъ банахъ, избравшихъ князей для цѣлой земли хорватской. О такихъ же 7 банахъ имѣемъ другое свидѣтельство начала XII вѣка. См. *Kukul. Iuga* I. 21 ср. *Pauga*, кн. VI. 268).

Вся эта дробная система хорватскихъ жупъ представляла одно вѣшнее единство. Внутренняя рознь, преобладаніе областной жизни надъ государственной, по словамъ всѣхъ историковъ, изучавшихъ бытъ южныхъ Славянъ, составляло издавна и доселѣ составляетъ общее характеристическое явленіе въ жизни Сербовъ, Хорватовъ и другихъ южныхъ Славянъ (См. въ особенности сочиненіе Іована Хачича — *Духъ народа Србскогъ*, у Карловицы, 1858, гдѣ наглядно развита мысль объ исторической неспособности южныхъ Славянъ къ прочному сплоченію въ одно государственное тѣло). Хорватская исторія X — XI вѣковъ представляетъ много явленій, изъ которыхъ видно, что стремленіе хорватскихъ королей къ политическому объединенію Хорватовъ постоянно встрѣчало сильный отпоръ въ жупахъ, въ самыхъ областяхъ и общинахъ (въ особенности приморскихъ) — *status in statu*, выработанныхъ средневѣковой жизнью Славянъ. Источники полны извѣстіями о борьбѣ общинъ и жупановъ хорватскихъ между собой и съ королями. Власть послѣднихъ часто была только номинальной; все значеніе въ государствѣ принадлежало магнатамъ.

управлявшимъ верѣдко на наследственномъ правѣ своими жупами и областями. Еще въ IX вѣкѣ, говоритъ древній сербскій лѣтописецъ, «иллирійскія жупанства и военачальства въ междоусобной брани забавляхуся, единъ другаго утѣсняваху, неколико князей воедино подчиняху» (См. Гласн. дружт. Срб. слов. V. 52). Жупаны, при всякомъ стремленіи хорватскихъ королей къ болѣе действительному главенству и власти, отказывали имъ во всякомъ подчиненіи, становились почти суверенными главами своихъ областей. Павлиміръ и въ особенности его сынъ Тѣшимиръ, по словамъ Ранча, всю жизнь свою провели «въ присовѣтованіяхъ отступившихъ бановъ, но весь трудъ ихъ суетенъ бѣ» (Ранчъ, кн. VI. 274, 275). Значеніе королей часто до того падало, что никто не хотѣлъ принимать ихъ званія. Иногда (напр. послѣ Списава) государство много лѣтъ оставалось безъ общаго главы, — жупаны, сидѣвшіе по областямъ, пользовались вполне самостоятельной властію, кромѣ своихъ мѣстныхъ общинъ и сходовъ не признавали надъ собой никакой высшей власти общаго главы государства (О внутренней неурядицѣ и смутахъ въ хорватской землѣ до прекращенія туземной династіи королей см. у Ранча III. 75, VI. 264, 267. VII. 355 и пр.).

Неурядица длилась до прекращенія туземной династіи хорватскихъ королей и подчиненія страны королямъ венгерскимъ. Въ 1102 г. Хорваты добровольно признали своимъ главою венгерскаго короля Коломана съ его потомствомъ. Они удержали неприкосновеннымъ свое внутреннее управленіе, свои изстаринныя права и обычаи (См. присягу Коломана, Iuga Kukul. I, 23; тамъ же помѣщены грамоты Коломана и позднѣйшихъ королей на права и вольности хорватскаго народа, — См. ib. 27, 29, 31 и пр. Объ историческомъ значеніи факта подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ см. новѣйшія изслѣдованія одного изъ хорватскихъ патриотовъ — La Croatie et le confédération Italienne Paris. 1859, также упомянутыя выше соч. Кватерника и Гери. Ирѣчка. Тотъ же вопросъ составляетъ спеціальныя предмѣты изслѣдованій Фейера, Сермажа, Горвата, Вукотичовича, Деака и Шалая). Союзъ хорватской земли съ Венгріей имѣлъ характеръ Personalunion. Хорваты вошли въ союзъ съ Венграми только вслѣдствіе добровольнаго признанія однихъ и тѣхъ же государей, не слявшись съ ними въ одно цѣльное государство. Самостоятельное положеніе удерживали Хорваты до позднѣйшаго времени, не испытали такого сильнаго внѣшняго гнета и такихъ глубокихъ потрясеній и переворотовъ, въ народной жизни, какимъ подверглись Сербы подъ игомъ турецкимъ или Славяне Балтійскіе, подавленные господствующей нѣмецкой «культурой и цивилизаціей».

Таково въ главныхъ чертахъ развитіе общественной жизни Хорватовъ. Раннее подчиненіе народа *чуждымъ вліяніямъ* безъ потери національной самобытности, и долгое господство *внутренней розни*, при малой способности народа выработать изъ собственныхъ своихъ силъ и осуществить идею политическаго единства, — главныя явленія, опредѣлившія всю историческую судьбу Хорватовъ.

Тѣ же самыя начала неотразимо вліяли и на *исторію хорватскаго права*. Въ немъ рано начинается вліяніе чуждыхъ источниковъ, въ особенности права венеціанскаго и венгерскаго. Чуждыя вліянія отразились впрочемъ больше въ сферѣ публичныхъ, нежели строго юридическихъ отношеній. Здѣсь до новѣйшаго времени удерживалось много бытовыхъ началъ и порядковъ, возникшихъ изъ внутренней

жизни хорватскаго народа. *Консервативность* — главная черта хорватскаго законодательства. Съ другой стороны, долгое господство внутренней розни въ общественной жизни Хорватовъ отразилось въ развитіи *партикулярныхъ началъ* въ ихъ законодательствѣ. Мѣстные законы отдѣльныхъ земель, часто небольшихъ жупъ и общинъ, становятся съ XII и XIII вѣковъ главными источниками хорвато-далматскаго права. Въ немъ долго преобладали обычаи и законы областные, партикулярные, надъ общимъ законодательствомъ.

О древнихъ хорватскихъ *обычаяхъ* дошло до насъ мало извѣстій. Извѣстно только, что «обычаи предковъ» дѣйствовали у древнихъ Хорватовъ вмѣсто законовъ. По свидѣтельству мѣстныхъ историковъ, старые хорватскіе обычаи удерживались въ жизни до позднѣйшаго времени, часто безъ всякихъ измѣненій (См. напр. Раича, кн. III. 52, 53). Изстаринные обычаи послужили главной основой законодательныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени. Уставы Полипы, Винодога и другіе древнѣйшіе памятники хорвато-далматскаго законодательства находили въ старыхъ обычаяхъ главную основу и источникъ для большинства содержащихся въ нихъ постановленій.

Первые дошедшіе до насъ письменные памятники законодательства Хорватовъ принадлежать IX вѣку. Сюда относятся *грамоты* хорватскихъ князей Терпиміра 837 и Мутиміра 892 г. (Kukul. Juga I. 3 — 7). Обѣ грамоты касаются льготъ и преимуществъ, какими пользовался монастырь Салоны. Кромѣ уясненія отношеній церковныхъ, грамоты даютъ весьма важныя указанія на положеніе древнихъ хорватскихъ князей, вѣчь, жупановъ и другихъ народныхъ старшинъ и главъ (*prishates poruli*).

Вообще говоря, Хорваты въ дѣлѣ законодательства значительно опередили другихъ Славянъ. У нихъ законы въ собственномъ смыслѣ, даже сборники законовъ, являются очень рано: Хорваты имѣли свою Правду чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ раньше изданія Русской Правды. Есть даже указанія, что въ X вѣкѣ Хорваты обладали уже старыми законами и статутами. Этотъ вѣкъ былъ эпохой появленія первыхъ сборниковъ хорватскихъ законовъ. Намъ извѣстны три памятника этого времени: два устава хорватскаго вѣча и Книга Законовъ короля Сильвестра.

Вѣчевые уставы явились въ эпоху отдѣленія Сербовъ отъ Хорватовъ (См. Kukul. Juga. I. 8 — 12). Первый уставъ, изданный въ 914 г. на общей сходкѣ (*consilium*) въ Спалато, въ присутствіи хорватскаго князя Тамислава и римскихъ легатовъ, излагаетъ правила объ устройствѣ хорватской церкви, главнымъ образомъ трактуетъ о судѣ епископскомъ, также о личныхъ, имущественныхъ и другихъ правахъ духовенства; есть, кромѣ того, статьи съ общимъ характеромъ, напр. статья 14-я о порядкѣ наследованія имуществъ. Нельзя не замѣтить значительнаго сходства этого перваго хорватскаго устава съ русскими уставами о церковныхъ судахъ времени Владиміра и Ярослава. Хорватскій и русскіе уставы изданы были съ одинаковой цѣлью — упрочить положеніе зараждавшейся церкви, опредѣлить отношенія ея къ обществу. — Дополнительнымъ уставомъ 927—928 г., изданнымъ при томъ же князѣ, на соборѣ въ Спалато, опредѣлены округи (*diocesi*), подвѣдомственные хорватскимъ епископамъ. Въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ, между

прочить, несомненное указание на старые статутные законы и обычаи хорватской земли (*cunctas provinciae antiquae consuetudines juxta moderamine perseverano, firmavit, omnia secundum veterum Statuta in omnibus Ecclesiis Episcoporum privilegia redintegrari*).

Книга Законов короля Сильвестра не дошла до нашего времени. Въ действительности ея изданія (до 985 г.) не можетъ быть большихъ сомнѣній. Ранчъ, одинъ изъ наиболее добросовѣстныхъ сербскихъ историковъ прошлаго вѣка, прямо говоритъ, что «Сильвестръ крыль ХХХ убо съѣзъ на престолъ отца своего Болеслава, дабы у подданныхъ повѣренность и власть свою сохранилъ, всякими прилежаніемъ старался чрезъ полезная права замѣшательства и неурядки исправити, книгу законовъ сочинити повелѣлъ» (Ранчъ, VI. 280). Можно привести много грамотъ XII и другихъ вѣковъ, въ которыхъ въ одинаковой мѣрѣ упоминаются древніе законы, дѣйствовавшіе вообще въ хорватской землѣ или въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Есть даже извѣстія о статутахъ нѣкоторыхъ городовъ славянскаго Приморья, изданныхъ еще въ византійскій періодъ (т. е. до IX столѣтія). Венеціанскій дожъ Орделафъ, предоставляя грамотою 1118 г. городу Абре различныя права и преимущества, вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ древніе его обычаи и статуты, составленные еще при византійскихъ императорахъ и венгерскихъ короляхъ (*sub Imperatore Constantinopolitano et sub Rege Ungarum*. См. Kukul. Jugа. I. 28). Въ грамотѣ короля Гейзы 1143 г., данной всему хорватскому народу, находимъ олдѣующее мѣсто: «*lege antiquitas constituta cum vestro iudice uli permitam vos*», или въ грамотѣ Стефана III, 1169 г.: «*lege antiqua constituta vos uli permitam*» (Ib. 29, 31, 39 и пр.). Ничто не мѣшаетъ допустить, что здѣсь подъ старыми законами могли именно разумѣться законы Сильвестра, собраннаго въ одну книгу старыя обычаи и законы, какъ это позже дѣлалось въ Винодолѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ. Кромя обычаевъ, книга Сильвестра могла имѣть своимъ источникомъ и мѣстные статуты (хоть напр. Абре), въ особенности приморскихъ общинъ, жившихъ по своимъ законамъ уже въ періодъ зависимости ихъ отъ византійскихъ императоровъ.

Время внутреннихъ смуть, наполняющихъ весь XI вѣкъ, не благопріятствовало развитію хорватскаго законодательства. Можно указать только на нѣсколько жалованныхъ грамотъ этого времени, дававшихся въ особенности церквамъ и монастырямъ. Таковы грамоты Крезиміра 1071, Свяшміра 1076 и др. (См. Kukul. Jugа I. 15, 16 и пр.).

Неурядица завершилась, какъ мы знаемъ, подчиненіемъ Хорватовъ королямъ венгерскимъ. Соединеніе хорватской земли съ Венгріей естественно должно было выдвинуть на первый планъ вопросъ объ *отношеніи права хорватскаго къ венгерскому*. Историки, смотрѣвшіе на союзъ Хорватовъ съ Венграми, какъ на полное подчиненіе народа слабаго другому болѣе сильному, полагаютъ, что самостоятельное развитіе хорватскаго права прекратилось въ силу зависимаго положенія Хорватовъ, — что съ XII вѣка юридическій ихъ бытъ всецѣло проникается началами венгерскаго права. Эта мысль ясно проглядываетъ въ слѣдующихъ словахъ Ранча: во всемъ *едино* стало между ними (Хорватами и Венграми) *право*, тако, яко нравн, одежды и языкъ общая обоимъ сдѣлалася, и фамилія славныя Унгаровъ въ Хорвацію,

и взаимно Хорватовъ въ Унгарію преселились, *едино правосудноупотребляюще*» (Ранчъ, кн. III. 78).

Нельзя вполне отвергать влияния венгерскаго права на хорватское. Оно безъ сомнѣнія было, въ особенности отразилось въ отношеніяхъ жизни публичной; но отсюда, очевидно, еще нельзя заключать объ объединеніи, а тѣмъ болѣе о полномъ подчиненіи хорватскаго права венгерскому. Не нужно забывать широкой сферы юридическихъ отношеній, гдѣ хорватское право развивалось вполне самостоятельно, почти помимо всякихъ внѣшнихъ влияній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бѣгло просмотрѣть хорватскіе памятники: главной основой ихъ были не начала чуждаго права, но туземные законы и обычаи, изстари удерживавшіеся въ жизни хорватскаго народа.

Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи хорватскаго права къ венгерскому порѣшенъ точно и опредѣленно въ моментъ самаго союза обоихъ народовъ. Послѣдующая исторія до новѣйшихъ временъ не представляетъ ни одного примѣра, чтобы этотъ вопросъ перерѣшался въ новомъ духѣ и направленіи.

Неприкосновенность туземныхъ обычаевъ и законовъ, гарантія изстаринныхъ вольностей Хорватовъ, были *conditio sine qua* non подчиненія ихъ венгерскимъ королямъ, — ради сохраненія и упроченія за Хорватами старыхъ ихъ привилегій, короли постоянно давали имъ жалованныя грамоты. Едва ли можно указать хоть на одинъ примѣръ стремленія венгерскихъ королей стараго времени къ введенію въ хорватской землѣ чуждаго права и къ отиженію національнаго. Всѣ старыя памятники, напротивъ, говорятъ, что у Хорватовъ, на ряду съ мѣстными законами, постоянно и неизменно дѣйствовали старыя обычаи предковъ, иногда замѣнявшіе собой законы, — «*consuetudo pro lege valuit*», какъ выражается грамота Беллы IV, 1252 г., говоря о далматскихъ обычаяхъ (Kukul. Jug. I. 68). Самъ Ранчъ признаетъ замѣчательную тождественность между юридическими обычаями древнихъ и новыхъ Хорватовъ: «Сербовъ и Хорватовъ обычаи мало въ чемъ отижили отъ древнихъ суть» (Ранчъ. III. 53), — явленіе, которое совершенно не ширится съ приженіемъ сильныхъ внѣшнихъ влияній въ исторіи хорватскаго права. Таже мысль, какъ нельзя болѣе, подтверждается позднѣйшими наблюденіями надъ народнымъ юридическимъ бытомъ современныхъ Хорватовъ, доселѣ удерживающихъ въ жизни изстаринные свои обычаи и порядки глубокой древности (См. въ особенности *Vogisica Pravnii obicaji i Slavena*).

Вѣчные уставы и грамоты разнаго рода — главныя формы общаго хорватскаго законодательства эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ.

Вѣчные приговоры и постановленія, подъ общимъ названіемъ уставовъ и конституцій (*constitutiones*) хорватскихъ вѣчъ или соборовъ (*generale congregatio*), становятся главной формой общаго хорватскаго законодательства съ XII и особенно XIII столѣтій. Конституціи обнимаютъ множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ законодательства свѣтскаго и отчасти церковнаго. Многія изъ нихъ имѣютъ форму довольно объемистыхъ уставовъ или сводовъ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и пр. Открытіе и изданіе такихъ конституцій принадлежитъ въ особенности Кукулевичу. Въ Архивѣ южно-славянской исторіи онъ помѣстилъ нѣсколько соборныхъ

конституцій по церковнымъ дѣламъ, относящихся къ XIV—XVI вѣкамъ (Arkiv II. 79 — 90). Особенно интересны конституціи (съ XIII вѣка), помѣщенные въ другомъ сборникѣ Кукулевича — *Juga regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Они восполняютъ одну изъ значительныхъ пробѣловъ въ исторіи хорватскаго права, содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для объясненія юридическаго быта древнихъ и новыхъ Хорватовъ.

Кромѣ конституцій, издавались по временамъ отдѣльныя законоположенія, въ формѣ грамотъ жалованныхъ, судебныхъ и другихъ.

Грамоты жалованныя давались королями всему хорватскому народу и отдѣльнымъ общинамъ на различныя права и преимущества. Общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же; кромѣ утвержденія старыхъ законовъ и обычаевъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала государственнаго устройства и управленія, касаются напр. выбора судей общинныхъ (городскихъ или сельскихъ, часто присяжныхъ), старшинъ (*majores, villici*) и другихъ должностныхъ лицъ; встрѣчаемъ положенія о податныхъ и другихъ льготахъ; есть статьи, трактующія объ отношеніяхъ права частнаго, въ особенности о наследствѣ (Kukul. *Juga* I. 31, 39 и т. д.).

Очень важный источникъ для изученія древняго хорватскаго права составляютъ *судныя грамоты (sudovi)*. Они даютъ интересныя указанія на старое судоустройство и на процессуальные порядки. Встрѣчаемъ также данныя по вопросу объ образованіи у Хорватовъ поземельныхъ отношеній, — дѣла по раздѣлу и отчужденію земель составляютъ главное содержаніе *sudovi* (Arkiv. I. 203 — 208).

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о *грамотахъ договорныхъ, уставныхъ* и другихъ оффиціальныхъ актахъ и грамотахъ, дававшихся общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности при пожалованіи земель и въ другихъ случаяхъ. Сюда относятся также *частныя записи и договоры*, сходные съ русскими юридическими актами. Любопытный сборникъ такихъ грамотъ сдѣланъ Кукулевичемъ, въ *Monumenta historica Slavorum meridionalium*, хотя къ сожалѣнію акты, въ большинствѣ отпечатанные глаголицей, не для всѣхъ доступны. Много интересныхъ грамотъ находимъ также въ сборникахъ Миклошича, Пиича, Яна Шафарика и пр.

Перейдемъ теперь къ законодательнымъ памятникамъ отдѣльныхъ земель и общинъ хорватскихъ и далматскихъ.

У Хорватовъ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, жили по своимъ *маржикуллярнымъ* законамъ и обычаямъ, не только отдѣльныя области, но и часто небольшія общины, пользовавшіяся нерѣдко полной политической самостоятельностью. Многие изъ мѣстныхъ уставовъ и статутовъ доселѣ недоступны для научныхъ изслѣдованій; но и тѣ матеріалы, какіе можно теперь имѣть подъ рукой, даютъ довольно полное понятіе о древнемъ хорватскомъ правѣ.

Къ извѣстнымъ намъ памятникамъ мѣстнаго хорватско-далматскаго законодательства принадлежатъ: *Законы града Загреба*, уставы областей, подчинявшихся съ второй половины XIII вѣка князьямъ изъ фамиліи Фрагепановъ (*Законы Винодольскіе, Statutum Segniae* и *Статуты острова Брка*), *уставы далматскаго Приморья* и *Полицкій Статутъ*.

Основа многочисленныхъ памятниковъ принадлежитъ глубокой древности. Существенныя положенія статутовъ и законовъ коренятся въ одномъ источникѣ — древнихъ хорватскихъ обычаяхъ и законахъ; въ нихъ сохранилось множество институтовъ, бывшихъ когда-то въ обычаяхъ у всѣхъ Славянъ. Чуждыя вліянія больше замѣтны въ позднѣйшихъ переработанныхъ уставахъ поморскихъ общинъ и мало встрѣчаются въ уставахъ внутреннихъ областей (Винодола, Полицы и пр.).

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о Статутахъ Сеньскомъ, Кркомъ, также о законахъ Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья. Уставы Винодольскій, Загребскій и Полицій мы рассмотримъ болѣе подробно въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

1. *Statutum Segniae*. Статутъ града Сенья (Segnia, Segna, Scen, Zengh) принадлежитъ къ одному циклу съ Винодольскими Законами. Градъ Сень, вмѣстѣ съ цѣлымъ Винодолемъ, островомъ Кркомъ и другими мѣстами, поступилъ во второй половинѣ XIII вѣка въ наслѣдственное обладаніе отдѣльныхъ князей Франгепановъ (Frangepan), не переставая подчиняться верховной власти королей венгерскихъ (См. въ сборн. Кукулевича Jura, I. 71, и Arkiv, III. 169 — 171, грамоты короля Беллы IV, данныя въ 1260 г. двумъ братьямъ Фридерикю и Варфомою Франгепанамъ съ ихъ потомствомъ на наслѣдственное обладаніе Винодолемъ, Сени и Кркомъ). Подчиняясь однимъ и тѣмъ же князьямъ, Винодолъ и Сень жили по своимъ отдѣльнымъ обычаямъ и законамъ, — не видно, чтобы Винодольскіе Законы, издавныя въ 1288 г., дѣйствовали въ Сени, до изданія въ немъ отдѣльнаго сборника законовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значительнаго вліянія Винодольскихъ Законовъ на Сеньскій Статутъ, представляющій во многихъ положеніяхъ своихъ только дальнѣйшее развитіе институтовъ и началъ винодольскаго права.

Мы имѣемъ мало извѣстій о сеньскомъ правѣ до Статута. Въ Сени, какъ и въ другихъ хорватскихъ общинахъ, дѣйствовали обычай; позже являются и мѣстные законы. Статутъ ссылается на *старые* законы и обычай, какъ на главный свой источникъ.

Статутъ Сеньскій принадлежитъ 1388 г. Въ этомъ году, по желанію общины, поручено было пяти лицамъ, избраннымъ на вѣчѣ (congregatio), составить изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Статутъ, который за тѣмъ и утвержденъ народомъ на общей сходкѣ, состоявшей изъ geotoris, consiliarii et fide digni viri civitatis Signiae (Arkiv. III. 155). Во второй половинѣ XV вѣка прибавлено было къ старому Статуту еще до 40 новыхъ статей. Въ этомъ видѣ и дошелъ до насъ Сеньскій Статутъ, представляющій сводъ двухъ разновременныхъ уставовъ. (См. Arkiv. III. 141 — 170). Въ первой его половинѣ (§§ 1 — 130) собраны старые законы; статьи позднѣйшаго происхожденія изложены во второй половинѣ сборника (§§ 131 — 168).

Явившись спустя столѣтіе послѣ Винодольскихъ Законовъ, Статутъ Сеньскій представляетъ много особенностей, главнымъ образомъ, въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ государственное устройство и отношенія между различными классами общества. Въ составъ Сеньскаго Статута различаются слѣдующія группы статей съ однородными узаконеніями:

а) *О привилегіях nobiles viri*, ст. 1 — 17: о податныхъ льготахъ, правѣ отъѣзда и другихъ преимуществахъ племянчей.

б) *Объ общинныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ, officialis communis*, ст. 18—22: о вѣчѣ, consilium (изъ rectoris, nobiles viri et hominis), собиравшемся по вѣчевому колоколу (sonitus campanae) для суда, общественныхъ выборовъ и пр.; объ общинныхъ судьяхъ, приставахъ (paucleri vel pristau) и cancelarii (дьякахъ).

в) *О гражданскомъ правѣ*, ст. 23 — 26: о правахъ на вещи, о порядкѣ продажи племенщины, о выкупѣ по jus proximitatis aut vicinitatis и о давности.

г) *О судахъ и процессѣ*, ст. 27 — 42: о дворскомъ судѣ и officialis curiae (dovornici — тоже, что русскіе дѣтскіе и дворяне, состоявшіе при князьяхъ, или сербскіе дворскіе; pгaeco, pristavus, nuncius curiae); о вѣчевомъ судѣ, по звону, въ присутствіи судей стоящихъ и сидящихъ и пр.

е) *Объ уголовномъ правѣ*, ст. 43 — 95: о татьбѣ, убійствѣ, ранахъ, личныхъ обидахъ, порчѣ вещей и пр. Система наказаній отличается особенной строгостью: Сеньскому Статуту извѣстны членовредительныя наказанія и повѣшеніе.

ф) *О государственныхъ повинностяхъ* и въ заключеніе о *преимуществахъ nobiles viri*, ст. 96 — 130.

Добавочныя статьи трактуютъ, главнымъ образомъ, объ общинномъ управленіи — о выборѣ vice-comites, vicarii, судей, приставовъ и т. п.

Простой просмотръ содержанія Сеньскаго Статута показываетъ все сходство и различіе его отъ Винодольскихъ Законовъ. Преобладаніе общинныхъ началъ въ администраціи надъ началомъ личнымъ, присутствіе старыхъ порядковъ (часто даже полнѣе развитыхъ въ сеньскомъ уставѣ, напр. jus proximitatis et vicinitatis) въ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовного и процесса — явленія, въ одинаковой мѣрѣ характеризующія оба устава. Съ другой стороны, Сеньскій Статутъ отличается бѣльшей системой, обработанностью отдѣльныхъ узаконеній, содержитъ также новыя постановленія, въ особенности по государственному и финансовому праву. Строгая уголовная политика и сословныя привилегіи племянчей развились подъ вліаніемъ чуждыхъ источниковъ. Viri nobiles, впрочемъ, не исключительно господствуютъ въ своей общинѣ: въ вѣчѣ участвуютъ на ряду съ ними и простолюдины (hominis — кметы Винодольскихъ Законовъ). Сеньскому и винодольскому уставамъ равно не извѣстны люди зависямыя. Община обвиняетъ всѣ общественныя классы, безъ исключительнаго господства однихъ и порабощенія другихъ. Высшіе классы не выдѣляются изъ общины и не преобладаютъ въ ней, какъ это было въ другихъ, особенно приморскихъ, далматскихъ общинахъ, — винодольскіе и сеньскіе племянчые люди составляли только главную земскую силу и опору общинъ.

2. *Статутъ острова Брка* (Krk, Veglium, Veglia, Velia, теперешній Черво) — сборниковъ законовъ, изданныхъ въ различное время (Arkiv. II. 1852). Самые древніе законы принадлежатъ второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1388 году хрѣскіе

законы сведены въ одинъ сборникъ, въ который вошли также постановленія князей и вѣчевыя приговоры. Со времени присоединенія острова къ Венеціи (въ XV столѣтіи), являются уставы венеціанскаго правительства 1483 и другихъ годовъ. Они также внесены были въ сборникъ крскихъ законовъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Статута острова Крка». Онъ представляетъ значительныя отступленія отъ винодольскаго устава. Особенно много измѣненій потерпѣло крское законодательство при венеціанскомъ господствѣ, когда въ Кркѣ введены были нѣкоторыя изъ учрежденій венеціанскихъ. Публичная жизнь подверглась наибольшимъ вліяніямъ и переменамъ, хотя и здѣсь многое осталось не тронутымъ, напр. устройство вѣча, учрежденіе соковъ, сословныя отношенія и пр.

Такимъ образомъ, по Крскому Статуту, во главѣ управленія стоитъ князь, мѣсто котораго обыкновенно заступалъ княжій намѣстникъ. Власть князя въ Кркѣ получала уже значительный перевѣсъ надъ властью вѣчевой, что показываетъ напр. изданіе Статута по распоряженію одного князя, безъ согласія вѣча. Крское вѣче имѣло различный составъ. Иногда оно состояло изъ князя или его намѣстника, судей, вѣчниковъ и добрыхъ мужей; иногда же вмѣсто вѣчниковъ и мужей присутствуютъ на вѣчѣ князь, судья и присяжники. Послѣдніе имѣли значеніе полиціи прокаратуровъ и чешскихъ соковъ; они вчиняли иски въ качествѣ публичныхъ обвинителей и являлись заступниками вдовъ и сиротъ. Крское вѣче до позднѣйшаго времени не теряло народнаго характера старыхъ славянскихъ сходокъ: на вѣчахъ присутствовали иногда и кмети — свободные простолюдины, допускавшіеся къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, въ противоположность общинамъ далматскаго Приморья, гдѣ преобладаніе племячей рано придало сходкамъ аристократическій характеръ. Много старыхъ славянскихъ учреждений и порядковъ удержалось также въ сферѣ отношеній строго юридическихъ. Словомъ, не смотря на значительныя вѣшнія вліянія, Крскій Статутъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ памятниковъ, объясняющихъ устройство далматскихъ и хорватскихъ общинъ и содержащихъ много постановленій несомнѣнно славянскаго происхожденія.

3. *Статуты далматскаго Приморья.* Сербы и Хорваты, занявшіе въ VII вѣкѣ Приморье, первоначально зависѣли отъ Византіи. Въ IX столѣтіи Далмація освободилась отъ этой зависимости. Особенно замѣтную роль рано начинаютъ играть свободныя общины Приморья большею частію римскаго происхожденія, каковы Дубровникъ, Трогиръ, Спльтъ и др. Позже, съ наплывомъ славянскихъ элементовъ, старыя римскія муниципія получаютъ во многомъ характеръ славянскихъ общинъ, — все Приморье слагается изъ свободныхъ общинъ и жупъ, по началу народонравства управлявшихся народными сходками и старшинами. Они подчиняются чуждымъ вліяніямъ, въ особенности со стороны Венеціи, когда стѣсненіе хорватскихъ королей принудило общины Приморья отдаться въ зависимость Венеціи. Съ XII вѣка — эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ — Приморье тянуло то къ Венгріи, то къ Венеціи, удерживавшей до новѣйшаго времени преобладающее вліяніе на цѣломъ Приморьѣ. Съ кампоформійскаго трактата Далмація съ другими хорватскими землями вошла въ составъ Австріи на общемъ положеніи австрійскихъ провинцій.

Общины далматскаго Приморья, въ особенности римскаго происхожденія, съ

незапамятныхъ времяя жили по своимъ отдѣльнымъ уставамъ и обычаямъ. Выше мы привели указаніе памятниконъ на древніе статуты г. Арбе, составленные еще въ византійскій періодъ (до IX вѣка). Тоже могло быть и въ другихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XII вѣка, какъ показываютъ памятники, далматскіе города обладали уже *старыми законами и статутами*, которые постоянно подтверждались правительствомъ тѣхъ государствъ, отъ которыхъ зависѣли общины. Въ первой четверти XII вѣка утверждены древніе статуты и законы *Травы* (Traugia, 1108 и 1124), *Арбе* (Arbun, 1118), *Спалато* (1124 и позже — 1199, 1207, 1388) и пр. См. Kukul Jura I. 26, 28 и т. д. Особенно XIII и XIV вѣка богаты грамотами, дававшимися отдѣльнымъ общинамъ хорватскимъ и далматскимъ на право жить по своимъ законамъ. Въ Jura Кукулевича помѣщены грамоты всѣхъ важнѣйшихъ общинъ — *Varasd* (1209), *Walkow* (въ Славоніи, 1231), *Verowoe* (Verowitica, 1234), *Petrina* (1240), *Samobor* (Zumobor, 1242), *Cris* (Crisio, 1252 — 53), *Krapina* (1347), *Sibenik* (1357, 1358, 1383, 1390), *Kattaro* (1382), *Brachia* (1390), *Pagun* (1396) и др. Виѣсть съ утвержденіемъ старыхъ уставовъ и законовъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала городского устройства, говорятъ о податныхъ льготахъ, общинныхъ выборахъ въ различныя должности, о правахъ по суду и т. д., — начала, развитыя въ подробностяхъ статутными законами отдѣльныхъ общинъ.

Древнѣйшіе статуты не дошли до нашего времени. Теперь извѣстны только позднѣйшіе сборники законовъ, большею частію въ видѣ переработанныхъ статутонъ XIII и слѣдующихъ вѣковъ. Одни изъ таковыхъ сборниковъ обнародованы позже въ печати, другіе составляютъ досель достояніе мѣстныхъ архивовъ или вовсе затеряны, извѣстны по однимъ названіямъ.

Статуты, вошедшіе въ печатные сборники, принадлежатъ слѣдующимъ общинамъ :

а) *Рагосницъ* (Ragospizza). Ей принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, самый древній сборникъ законовъ, сравнительно съ другими дошедшими до насъ сборниками мѣстныхъ далматскихъ законовъ (кроме Статута 1214 г. острова Корчулы, принадлежащаго къ кругу дубровницкаго законодательства). Статуты Рагосницы собраны въ одну книгу въ 1235 г. Въ печати они изданы въ новое время, — помѣщены въ журн. *Dalmatia* 1845, № 23, подъ заглавіемъ : *Statuti prime leggi in Ragospizza 1235*.

б) *Сибенику* (Sibenik). Какъ видно изъ изслѣдованій Рейца, древній сборникъ статутонъ Сибеника принадлежитъ 1292 г. Другое собраніе законовъ, принадлежащее позднѣйшему времени и сохранившееся до сихъ поръ, отпечатано въ Венеціи, въ 1608 г., подъ заглавіемъ : *Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici*. Законы начинаются съ 1319 г.

в) *Задру* (Zadar, Jadera). Сборникъ законовъ этой общины — *Statuta Jadertina cum omnibus Reformationibus* (Venet. 1564) — содержитъ въ себѣ статуты 1305 и 1316 г. съ позднѣйшими реформаціями.

д) *Браццъ* (Brattia, Brachia, Brazza). Эта община имѣла статуты равьше

1305 г., когда они были переработаны и изданы въ новомъ видѣ. Сборникъ 1305 г. отпечатанъ въ Утинѣ въ 1656 г. Въ томъ же году появились въ печати два сборника старыхъ декретовъ и другихъ законовъ (*decreti, terminazioni, privilegi et indulti*) Браццы. См. выше — источники хорватско-далматскаго законодательства.

е) *Cathago* (Cathago). Въ дошедшемъ до насъ сборникѣ, отпечатанномъ въ Венеціи 1616 и 1715 г., статуты начинаются съ 1316 г.

ф) *Trava* (Trobir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Травы, отпечатанный въ Венеціи 1708 г., раздѣляется на три книги: Статутъ 1322, Законы 1420 и Реформаціи 1420 — 1581. Мы уже замѣтили, что Трава имѣла старые статуты еще въ началѣ XII вѣка; дошедшій до насъ сборникъ содержитъ позднѣйшіе статуты и законы, переработанные въ XIV — XVI столѣтіяхъ.

г) *Lesina* (Lesina). Статуты принадлежатъ 1331; явились въ печати въ 1643 (въ Венеціи).

h) *Pagu* (Pag, Pagum). Древнѣйшіе статуты относятся къ 1396 г. (печатно изданы въ 1637 г., въ Венеціи).

Кромѣ печатныхъ сборниковъ, изданныхъ большею частію въ XVI — XVIII вѣкахъ, есть еще много другихъ сборниковъ и отдѣльныхъ статутовъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати. Известны, напр., древніе статуты: *Баставскій, Трсачскій, Нозляскій, Ирѣвичскій, Ветриначскій*, составленные на старомъ хорватскомъ языкѣ и хранящіеся въ городскихъ архивахъ (См. Arkiv I. 186; Гласникъ IX. 129; Мацѣйовск. Hist. I. 313). Имѣемъ также указанія на существованія древнихъ законовъ другихъ общинъ — *Алмиссы, Ноны, Арбе, Пола и Спалато* (См. Рейца Политич. устр. 8). Петеръ, въ своемъ сочиненіи — *Königreich Dalmatien* (IV. 33), упоминаетъ объ известномъ ему сборникѣ древнихъ законовъ Спалато: *Statuta Spalatinae civitatis edita 1322*. Наконецъ законодательство *Дубровника* остается доселѣ мало доступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Кромѣ мѣстныхъ статутовъ *Ласова, Борчулы* и *Малта*, находящихся нынѣ въ печати, да небольшихъ извлеченій изъ старыхъ дубровницкихъ законовъ, помѣщенныхъ въ Споменицахъ Сръбскихъ Пуняча и въ изслѣдованіяхъ Макушева, статуты и законы Дубровника доселѣ хранятся въ городскомъ архивѣ, безъ всякой возможности подвергнуть ихъ критической обработкѣ въ интересахъ научныхъ.

Источники упоминаютъ о слѣдующихъ памятникахъ дубровницкаго законодательства:

- a) *Liber Statutorum civitatis Rhacusii, 1272.*
- ✓ b) *Liber omnium Reformationum, 1335.*
- c) *Liber Legum civitatis Rhacusii dictus Viridis, 1357.*
- d) *Liber Croceus, 1460.*
- e) *Capitulare della Dogana grande* (таможенный уставъ), 1272, 1413.

f) Тетраги *мече* (особенно прегать).

g) *Diversa Cancellariae.*

h) *Diversa Notariae.*

i) *Testamento Notariae.*

к) Писанія, повели, записи и книги — грамоты и акты *дипломатическимъ* сношеній, грамоты *судимыя*, *жалованныя*, наконецъ *частныя* записи по различнымъ дѣламъ.

Болѣ подробный обзоръ дубровницкихъ памятниковъ мы сдѣлали въ статьѣ — о государственномъ устройствѣ стараго Дубровника (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1867, декабрь.

ОТДѢЛЪ II.

Исслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

Исторія составленія Винодольскихъ Законовъ. Общій характеръ ихъ по системѣ и содержанию. I. Государственное устройство по винодольскому уставу: значеніе общинъ и сословія — князей дружны и людей обкинскихъ (племенитыхъ людей и кметей); основныя начала устройства винодольскихъ общинъ; общинныя учрежденія — куль и вича обтинскія, сатавки, граштики и бусовиты; князь и князіе люди — дворникъ, подкнежанъ и слуги; судоустройство — правда княжая и кметская, епископскій судъ; исполнительныя учрежденія — приставы и пр. II. Гражданское право: значеніе семьи и братчины (ближиковъ, племени, рода); вещное и наследственное право; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступлений и наказаній; понятіе виѣненія; система преступлений и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ, доказательства (признаваніе, акты, свидѣтели простые и поротники, присага, лицо и улики) и приговоръ.

Винодолъ, подъ собственнымъ именемъ, является въ исторіи съ XII вѣка. Впрочемъ, еще при Порфирородномъ, къ числу 14 хорватскихъ жупъ принадлежала отдѣльная жупа Вгебега — позднѣйшій Брибиръ, который во время изданія Винодольскихъ Законовъ составлялъ одну изъ винодольскихъ общинъ. Занимая приморскую часть хорватской земли отъ теперешняго города Фише до Нови, Винодолъ слагался изъ небольшихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой градъ и управлялась автономически, по примѣру псковскихъ и новгородскихъ общинъ. Сюда относились: Нови Градъ, Мединце, Брибиръ, Грижане, Дривеникъ, Хрелинъ (Хрилинъ), Бакаръ, Трьсатъ, Гробиникъ, Бѣлградъ и Которъ. Въ началѣ XII вѣка Винодолъ, вмѣстѣ съ другими хорватскими землями, подчинился королямъ венгерскимъ. Въ 1185 г., при распредѣленіи епископскихъ округовъ (pagoschia), Винодолъ съ Новымъ Градомъ отчисленъ къ округу епископа Корбавскаго (Juga I. 33). Со второй половины слѣдующаго столѣтія Винодолъ, какъ мы видѣли, поступилъ въ наследственное владѣніе князей Франгепановъ.

До послѣдней четверти XIII вѣка Винодолъ не имѣлъ отдѣльнаго устава, жилъ по «законамъ своихъ отацъ и делъ и всихъ прѣвыхъ». Законъ у всѣхъ южныхъ Славянъ означалъ обычай; у теперешнихъ Сербовъ и Албанцевъ доселѣ удерживается значеніе закона въ смыслѣ обычая (См. Вука Стеф. Караджича Рѣчникъ и Миклошича — *Lexicon palacosloven. — graeco-latinum, Vindobonae, 1862 — 65, sub voce «законъ»*). Такіе обычай, «старе изкушене законе винодольске», послужили

главной основой устава 1288 г. Мы знаемъ также, что Хорваты, живя по дѣдовскимъ обычаямъ, уже въ X вѣкѣ имѣли книгу или сборникъ общихъ законовъ. Смуты слѣдующаго вѣка могли уничтожить непосредственное дѣйствіе устава; но самыя юридическія правила, развитыя старымъ уставомъ, могли долго удерживаться въ народномъ сознаніи, могли имѣть силу обычая и такимъ образомъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ источниковъ позднѣйшихъ уставовъ, издававшихся въ отдѣльныхъ хорватскихъ земляхъ. Вѣчевыя рѣшенія можно также считать не маловажнымъ источникомъ мѣстныхъ хорватскихъ законовъ. Кромѣ общихъ хорватскихъ соборовъ, законодательная власть усвоилась у Хорватовъ также мѣстнымъ сходкамъ (купамъ, вичамъ) отдѣльныхъ земель и общинъ. Если право издавать законы принадлежало винодольскому купу въ концѣ XIII вѣка, то очевидно тоже право, даже въ большихъ объемахъ, могло существовать гораздо раньше, когда области и общины пользовались почти полною политической самостоятельностью. Винодольскіе Законы упоминаютъ, кромѣ того, о вѣчахъ общинныхъ по отдѣльнымъ городамъ и «инди». На такихъ вѣчахъ получали начало законы градовъ, на которые не рѣдко ссылается винодольскій уставъ (напр. въ § 76 и др.). Эти-то обычаи и законы винодольскихъ общинъ въ концѣ XIII вѣка собраны были въ одинъ уставъ, получили значеніе общихъ законовъ винодольскаго «кнежтва».

Переходя къ болѣе подробному обзорѣ Винодольскихъ Законовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ исторіи составленія памятника и рассмотримъ его систему и содержаніе.

А. Исторія составленія и система Винодольскихъ Законовъ. Законы Винодольскіе открыты въ Новомъ и изданы А. Мужуравичемъ въ загребскомъ журналѣ «Kolo, slanci za literaturu, umetnost i narodni zivot» (III. 1843), откуда перепечатаны Бодянскимъ въ Читеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ (№ 4, 1846). Кромѣ списка Мажуранича, теперь извѣстенъ другой, болѣе исправный списокъ Винодольскихъ Законовъ, открытый въ недавнее время на островѣ Сегеро (старомъ Кркъ. См. Knjizevnik 1865. Rocn IV. 571).

Мажураничъ, руководясь неяснымъ указаніемъ открытаго имъ списка, относитъ изданіе Винодольскихъ Законовъ къ 1280 г. Мацѣйовскій, знакомый съ вновь найденнымъ спискомъ памятника, полагаетъ изданіе его между 1280 и 1288 г. (Hist. I. 313). Ближайшее знакомство съ памятникомъ по новому списку не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 1288 г. былъ дѣйствительно временемъ изданія Винодольскихъ Законовъ.

Введеніе къ памятнику знакомитъ насъ съ самымъ порядкомъ его составленія. Винодольскіе Законы представляютъ актъ одновременной законодательной дѣятельности народной сходы, купа или скупа. Люди винодольскіе, какъ говорится въ введеніи, желая старые свои законы «схрѣяти на пуни», составили въ 1288 г. въ Новомъ Градѣ купъ изъ церковниковъ и людей мірскихъ, для «здраваго света» о составленіи и списаніи винодольскихъ законовъ. Въ присутствіи князя, сходка для того выбрала, въ качествѣ представителей девяти главныхъ градовъ винодольскихъ, до 40 старѣйшихъ (старіишихъ), наиболѣе свѣдущихъ въ мѣстныхъ законахъ. Къ выборнымъ старіицамъ принадлежали: дворникъ, 9 сатниковъ (по одному

отъ града), 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, провады и попы) и 15 мирскихъ лицъ. Каждый градъ имѣлъ 3 — 6 представителей. Имъ поручено было собрать законы всѣхъ винодольскихъ общинъ и списать ихъ въ одну книгу. Законы, составленные выборными «по вогѣ оптинске и единымъ пристаненемъ и нареенемъ», утверждены купомъ цѣлаго Винодола. Положено было составить отдѣльные списки для каждаго винодольскаго града.

Мажураничъ раздѣлилъ весь уставъ на 76 статей. При видимомъ отсутствіи правильной системы въ распредѣленіи статей, можно однакожь различить въ уставѣ три большія группы постановленій. Въ каждой сведены статьи о предметахъ однородныхъ. Между такими группами, какъ и въ Русской Правдѣ, распредѣлены статьи, по своему содержанию не подходящія ни къ одной изъ трехъ большихъ группъ. Эти группы слѣдующія:

а) *Законы церковные*, ст. 1—5. Нужно замѣтить, что сборники средневѣковыхъ Славянъ по большей части представляютъ своды законовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Таково Законякъ Душановъ, отчасти Полицкій Статутъ и другіе памятники. Тоже самое видно и въ Винодольскихъ Законахъ: статьи, трактующія о церковныхъ дѣлахъ, обнимаютъ почти седьмую часть устава. Въ первыхъ пяти статьяхъ излагаются правила о порядкѣ взиманія и количествѣ судебныхъ и иныхъ пошлинъ и поборовъ въ пользу епископа съ церковей, монастырей, поповъ и мирскихъ людей. Сюда же относятся пять статей изъ слѣдующихъ группъ: о служебныхъ обязанностяхъ церковниковъ, о монастырскихъ и церковныхъ имуществвахъ и людяхъ и о татѣбѣ церковнаго имущества (ст. 15 — 17, 36, 58).

б) *Законы уголовные*, ст. 6—37: о разбоѣ, убійствѣ, насиліяхъ и наездахъ, членоврежденіяхъ и личныхъ обидяхъ, зажигательствѣ, татѣбѣ и порчѣ вещей. Подобно Русской Правдѣ, уголовные законы излагаются большею частію вмѣстѣ съ процессуальными постановленіями. Сюда же относятся четыре статьи изъ третьей группы: объ изнасилованіи, отравленіи, зажигательствѣ и измѣтѣ (56, 59, 62, 72).

в) *Законы по судопроизводству*, ст. 38 — 76: вообще объ искѣ, доказательствахъ и пр.

Статьи смѣшаннаго содержанія заключаютъ постановленія о наследствѣ, братчинѣ, вѣчахъ и пр. (13, 14, 32 — 34, 55, 57, 58).

Винодольскіе Законы представляютъ сводъ постановленій, относящихся главнымъ образомъ къ уголовному праву и процессу. Ихъ можно назвать уставомъ *судбно-административнымъ*, служившимъ для руководства судей и правителей. Въ этомъ случаѣ Винодольскіе Законы вполне сходны съ Русскою Правдою и другими памятниками. Въ нихъ все содержаніе возводится къ суду и администраціи; что не имѣло ближайшей связи съ судомъ, то по большей части держалось въ однихъ обычаяхъ.

Есть и другое сходство Винодольскихъ Законовъ съ Русскою Правдою. Оба памятника имѣли матеріальной своей задачей — опредѣлить пошлины и поборы, въ особенности съ суда, въ пользу князя и княжихъ людей, по Винодольскимъ Законамъ также въ пользу общины или ея старшинъ.

В. Обзорные содержания Винодольских Законов. Они относятся по своему содержанию къ драгоценнымъ памятникамъ славянской старины. Исследователь найдеть въ нихъ обстоятельную картину юридическаго быта старыхъ Хорватовъ, — картину, въ которой воспроизведеть народный бытъ той исторической эпохи, когда народъ не успѣлъ еще усвоить себѣ болѣе развитыхъ формъ жизни, дробился на атомистическія части, продолжавшія изстарившую дробную жизнь мелкими союзами — общинами и жупами. Мы изложимъ государственное устройство, гражданское, уголовное право и процессъ, на сколько касается этихъ предметовъ винодольскій уставъ.

I. Государственное устройство. Въ Винодольскихъ Законахъ мы изучаемъ бытъ старыхъ славянскихъ жупъ, названныхъ въ Законахъ *обкинами*, *оптинами*. Винодольскія жупы уже потеряли крайности бытовой розни старыхъ славянскихъ жупъ: обтины сводятся къ болѣе полному единству, въ формѣ большой общины, носящей названіе *кметова* или *оптины винодольской*. Каждая община имѣла свой градъ съ тянувшими къ нему селами. Общины — союзы съ характеромъ автономическимъ. Винодольскіе Законы и не заботятся о поддержаніи автономіи общинъ; она еще крѣпко держится въ обычаяхъ. Кромѣ законодательной власти, отправляемой народною сходкою, община имѣла огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла; общинные органы дѣйствуютъ совмѣстно и на ряду съ княземъ (ст. 14, 16, 17 и проч.); иногда община обходится и вовсе безъ князя, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ общины, напр. въ случаѣ споровъ между «обкинскими» людьми (31, 37, 48). Въ такихъ случаяхъ признавалось въ полной силѣ начало общиннаго самоуправленія, — по внутреннимъ дѣламъ общинъ ихъ органы являлись главными дѣателями, безъ прямаго вмѣшательства князей. Въ пользу общины идутъ судныя пошлины съ общинныхъ людей, часто безъ всякаго участія въ нихъ со стороны князя. Вообще говоря, внутреннія основы жизни винодольскихъ общинъ коренятся въ старомъ славянскомъ общинномъ бытѣ. Система круговой поруки (кличъ — *помагайте!*) развита Винодольскими Законами весьма подробно, какъ изстаривный народный обычай. Полная солидарность между отдельными членами общинъ указываетъ на всю внутреннюю крѣпость связей и отношеній, изъ какихъ слагался внутренній бытъ винодольскихъ общинъ (о круговой поруки см. статьи 7 — 9, 23, 24, 29, 31, 50, 62).

Въ составъ винодольскихъ общинъ входятъ *люди обкинскіе* — *кметы*, *орачи* (тоже, что ратаи Русской Правды, старыхъ сербскихъ и польскихъ памятниковъ, — см. Гласникъ XV. 98; Miklos. Mon. 123; Helcel Pomniki, 289) и *вастыри*; къ обкинскимъ людямъ относятся также *влеменитые люди*, *воны*, вообще *люди мирскіе* и *чорковскіе*. Винодольскіе Законы не устанавливаютъ между ними рѣзкихъ различій съ сословнымъ характеромъ: «закону кметскому» подлежали одинаково всѣ, кто не причислялся къ княжескому двору.

Въ Винодольскихъ Законахъ фигурируютъ только два общественные разряда, съ болѣе замѣтнымъ сословнымъ характеромъ: *княжая дружина* (обитель) и *люди обкинскіе* (5, 17, 25, 36, 66). Княжіе люди, служавники, пользовались иными гарантіями, люди обкинскіе иными. Различныя порядки наблюдались напр. при

убійствъ, личныхъ обидахъ, татѣбъ и другихъ преступленійхъ, направленныхъ противъ княжихъ людей и кметовъ, людей общинныхъ (29 — 31, 35, 36, 50 и пр.); но не дѣлалось особенныхъ различій между людьми племенитыми, кметями и другими разрядами. Между послѣдними еще въ полной мѣрѣ господствуетъ идея общиннаго равенства, безъ рѣзкихъ сословныхъ разграниченій.

Племенитые люди, подобно кметямъ, составляли собственно фактической разрядъ, имѣли въ своихъ общинахъ положеніе высшаго класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами предъ другими общинными людьми. Племенитые люди упоминаются только въ трехъ мѣстахъ (5, 54, 75). Не видно, чтобъ съ званіемъ племенитыхъ людей соединялись какія либо исключительныя привилегіи; одно вступленіе въ княжіе люди давало племичу болѣе льготное положеніе въ общинѣ.

Преобладаніе идеи общинной свободы и равенства высказывается по Винодольскимъ Законамъ и въ другомъ отношеніи. Имъ вовсе не извѣстно рабство: о челяди, въ смыслѣ рабовъ или зависящихъ людей, нѣтъ ни слова въ Винодольскихъ Законахъ. *Кметы* составляли классъ вполне свободныхъ людей, — законъ положительно запрещалъ имъ, не только отдаваться въ частную зависимость, но даже вступать подъ обыкновенное покровительство монастыря или частныхъ лицъ (положити се за обарительника. ст. 17). Кмети — общее названіе городскихъ и сельскихъ жителей (орачей и пастырей). Замѣчательно, что въ уставѣ нѣтъ и намека на горожанъ, какъ отдѣльное сословіе: между жителями градовъ и *орачами* и *пастырями*, жившими «вани из града» (66), не было никакихъ сословныхъ различій. Подъ общимъ названіемъ кметей, они подлежали одному и тому же кметскому закону, вообще пользовались правами обкинскихъ людей.

Внутреннее управленіе и устройство винодольской общины основывается на двойственности учреждений, изъ которыхъ слагалась винодольская *юстода*. Все управленіе дѣлаго Винодола и отдѣльныхъ общинъ построилось на двухъ различныхъ началахъ: *началь общиннаго народоправства*, проявлявшагося въ учрежденіи народныхъ сходокъ и народныхъ старшинъ, и на *началь личномъ*, представителемъ котораго былъ князь и княжіе люди.

Винодольскій *купъ* (вкупъ) — общая народная сходка всѣхъ винодольскихъ общинъ (вспомнимъ литовскія купы или копы — учрежденія, вполне однородныя съ винодольскимъ купомъ). Купъ, на который сходились «винодольскіе люди» (народъ) изъ всѣхъ общинъ, имѣлъ значеніе, не только законодательнаго собранія, но и мѣста общиннаго суда, какъ это видно изъ 69-й статьи, говорящей о купѣ въ значеніи судебной сходки. Сходки мѣстныхъ, по городамъ и «видамъ», назывались просто *вѣчами* (вече). Рѣшенія такихъ вѣчъ, обыкновенно собиравшихся по дѣламъ, «ке би пристояде к обтини», не имѣли никакой силы, если на нихъ не присутствовалъ «кнезовъ челоувѣкъ» (57). Дальнѣйшихъ деталей по устройству сходокъ Винодольскіе Законы не касаются. Впрочемъ, введеніе къ уставу знакомитъ насъ съ составомъ, если не полнаго купа винодольскаго, то по крайней мѣрѣ его части, которой было поручено собраніе законовъ и составленіе винодольскаго устава. Сходка такая составлялась по выборному началу: въ ея составъ вошли

старшинны, какъ представители отдѣльныхъ винодольскихъ общинъ. Въ устройствѣ винодольскаго купа, какъ и вообще сходокъ у другихъ Славянъ, не имѣло мѣста начало народнаго представительства въ современномъ значеніи этого слова. Всѣ источники говорятъ, что старья сходки Славянъ основывались на непосредственномъ участіи въ нихъ всѣхъ членовъ общинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участіе такое имѣло даже обязательный характеръ, если не для всего народа, то для его старшинъ, какъ это было напр. въ Полицѣ, въ которой кнези или катунары (сельскіе старшины) должны были всегда являться на общіе сборы и вѣча Полицы (см. ниже). Можетъ быть, на томъ же началѣ устроился и винодольскій купъ, по всему видно державшійся строго изстаринныхъ обычаевъ и порядковъ.

Народные старшины (старшини) составляли другой органъ народоуправства винодольскихъ общинъ. Винодольскіе Законы не ясно говорятъ, какія именно должностныя лица нужно относить къ разряду старшинъ. Изъ отдѣльныхъ статей устава можно впрочемъ съ достовѣрностью заключать, что значеніе народныхъ старшинъ имѣли, главнымъ образомъ, *сатники*, *граштики* и *бусовиты*. Они въ одинаковой мѣрѣ противопоставляются служабникамъ и княжимъ людямъ, какъ учрежденія, отличавшіяся отъ нихъ въ особенности тѣмъ, что подлежали «закону и правдѣ кметской», а не правдѣ служабниковъ, т. е. не относились къ должностнымъ лицамъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ князя (ст. 25). Въ особенности о сатникахъ можно несомнѣнно говорить, какъ о старшинахъ общинъ: въ такомъ именно значеніи они участвовали на законодательномъ купѣ 1288 г. Эти три должности упоминаются въ уставѣ большею частію вмѣстѣ (напр. въ ст. 25 и 26), изъ чего естественно заключать, что они разсматривались, какъ учрежденія однородныя. Видно также, что должности сатника, граштика и бусовита отправлялись временно, въ теченіи положенныхъ сроковъ, — уставъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ «изшастю ихъ изъ ошниця» (26). Труднѣе рѣшить вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ этими должностями, такъ какъ Винодольскіе Законы даютъ въ этомъ случаѣ очень мало объясненій.

Сатники, какъ и граштики, доселѣ удерживаются въ винодольскихъ городахъ, въ значеніи обыкновенныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ древнее время сатники несомнѣнно занимали совсѣмъ иное положеніе въ общинной администраціи. Изъ введенія къ Винодольскимъ Законамъ ясно видно, что сатники въ то время значили гораздо больше, чѣмъ простые полицейскіе чиновники. Они участвовали въ законодательномъ купѣ, какъ первые и главные общинные представители, — въ ряду выборныхъ, перечисленныхъ поименно, они поставлены выше судей, а известно, какъ высоко цѣмилась должность судей у всѣхъ Славянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ старое время сатники (сѣтвики) встрѣчались у большинства славянскихъ племенъ, въ особенности южныхъ, и при томъ всегда въ числѣ главныхъ народныхъ старшинъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 69. III, 180; Крстича Разсматриваніе о старинныхъ серб. правахъ, въ Гласникѣ IX. 124). Высокое положеніе сатниковъ у южныхъ Славянъ видно изъ одной грамоты 1254 г., данной жупаномъ Холмскимъ Радославомъ Дубровнику: въ числѣ властей холмскихъ, присутствовавшихъ при составленіи грамоты, упоминается Воиславъ Радославичъ, сѣтвикъ пмотьски, который «кледъ се за все людие Радославле» (Miklos. Mon. 45). Въ сказаніи Діоклейскаго

Пресвитера XII вѣка встрѣчаемъ интересное указаніе на бановъ, князей и сатниковъ, какъ на должности, существовавшія въ отдѣльныхъ жупахъ: «*satnike bise nad stolinu* (сотнею) *ljudi da budu receni satnici s bani puku* (народъ) *suditi*» (Arkiv za pov. jugost I. 20). Здѣсь сатникъ является старшиной надъ сотней (учрежденіе, извѣстное и древнему русскому праву). Есть впрочемъ основаніе ставить сатниковъ (по крайней мѣрѣ винодольскихъ) въ параллель съ нашими старыми *посадниками*, въ особенности псковскими и новгородскими. Кромѣ замѣчательнаго сходства въ самыхъ названіяхъ (сатникъ = посадникъ), винодольскіе сатники и русскіе посадники сходны между собой и въ томъ отношеніи, что въ ряду общинныхъ должностей они играли въ равной мѣрѣ первенствующія роли: Винодольскіе Законы вовсе не упоминаютъ о другихъ народныхъ старшинахъ, которые бы стояли выше сатниковъ.

Значеніе *трашниковъ* и *бусовитовъ* неизвѣстно. Изъ приведенныхъ выше указаній можно только заключать, что они, подобно сатникамъ, зависѣли не отъ князя, но отъ общины, принадлежали къ числу общинныхъ должностей.

Таковы общинныя учрежденія Винодола конца XIII вѣка. Не смотря на всю скудость данныхъ, объясняющихъ ихъ устройство, нельзя не замѣтить большого сходства и сродства между ними и общинными учрежденіями старыхъ русскихъ уставовъ (Псковской судной грамоты въ особенности): внутреннее устройство винодольской общины во многомъ напоминаетъ старый Новгородъ и Псковъ, съ ихъ развитой системой народоправства, съ ихъ вѣчами, посадниками и другими народными старшинами.

Не меньше сходства найдемъ также въ положеніи *князя* и *княжизъ людей* въ Винодолѣ и нашихъ сѣверныхъ общинахъ (Новгородъ и Псковъ). Хотя винодольскій уставъ далеко не исчертываетъ этого вопроса, но и того, что въ немъ говорится о князѣ, достаточно для уясненія его отношеній къ общинѣ винодольской.

Князь винодольскій — не столько государь, сколько старшина, въ лицѣ своемъ объединявшій отдѣльныя общины. Онъ на каждомъ шагѣ сталкивается съ сильной общиной, съ ея сходкой и старшинами. Князь присутствуетъ на купѣ; но главная роль принадлежитъ здѣсь цѣлой общинѣ, людямъ винодольскимъ. Главную дѣятельность винодольскаго князя составляли разъѣзды по общинамъ, для производства суда, въ особенности по преступленіямъ (напр. разбою и пр.), имѣвшимъ мѣсто главнымъ образомъ между членами различныхъ общинъ (См. ниже). Вообще винодольскіе князья на дѣлѣ сходны съ князьями новгородскими, поляцкими или дубровницкими. Вліяніе князя на главнѣйшія общинныя дѣла весьма слабо; преобладаніе до значительной степени остается за общиной, народомъ. Но въ положеніи винодольскихъ князей есть одна сторона, съ которой они существенно разнятся отъ народныхъ князей: въ Винодолѣ князь выдѣлялся изъ ряда другихъ общинныхъ учрежденій, какъ отдѣльная власть, пользовавшаяся по крайней мѣрѣ *de jure* самостоятельнымъ положеніемъ. Франгепаны получили въ 1260 г. наследственную власть на Винодолъ, съ правомъ «*tenendi et possidendi*», какъ прежде владѣли Винодоломъ короля Венгерскіе. Въ случаѣ смерти какого либо князя безъ прямыхъ наследниковъ,

право владѣнія Винодоломъ переходить къ другимъ родственникамъ изъ фамилиі Франгепановъ (Жуга. I, 71). *Jus regium* винодольскихъ князей составляетъ капитальное различіе ихъ отъ выборныхъ князей новгородскихъ и другихъ, воплотившихъ отъ своихъ общинъ.

Княжіе люди, служабники, находились въ непосредственной зависимости отъ князя. Изъ нихъ составлялся *кметъ двора* (или просто дворъ), *обитель* — дружина, всегда сопутствующая князю въ его разъѣздахъ по общинамъ. Винодольскіе Законы говорятъ о дворникѣ, слугахъ и другихъ княжихъ людяхъ, не опредѣляя точно и подробно ихъ служебныхъ правъ и обязанностей.

Значеніе *дворника*, называющагося «дворникомъ всего Винодола», видно изъ самаго названія. Дворникъ соответствуетъ палатину (*palatinus*), означаетъ главу княжяго двора. Винодольскій дворникъ равнозначителенъ съ *dvornik*’омъ сеньскимъ, дворьдръжницю, дворскимъ приставомъ или просто дворскимъ сербскихъ памятниковъ (Miklos. Mon. 178, 189, 202 и пр.).

Княжіе люди, входившіе въ составъ двора, носили общее названіе *служабниковъ*, *слугъ*, *дворскихъ официаловъ* или просто *княжихъ людей*. Они состояли при дворѣ, для личныхъ услугъ князю, для исполненія его порученій по суду и пр. Такое же значеніе имѣютъ *перманы*, которыхъ можно сравнивать напр. съ княжими отроками и дѣтскими Русской Правды.

Изъ княжихъ людей избирались княземъ также *подкнежны* — княжіе наѣстники въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ это видно изъ позднѣйшихъ винодольскихъ грамотъ (См. Винод. Зак. въ Чтеніяхъ, стр. 40). Къ нимъ то нужно отнести требованіе Винодольскихъ Законовъ, чтобы на обтинскомъ вѣчѣ всегда присутствовалъ княжій челоувѣкъ, въ значеніи представителя князя, блюстителя его интересовъ.

Двойственность администраціи общинной и княжей представляетъ полнѣйшую аналогію съ такимъ же явленіемъ въ устройствѣ нашихъ свободныхъ общинъ. И у насъ, и въ Винодолѣ, община и ея непосредственные органы, вѣча и старшины, заслоняли собой значеніе князя и княжихъ людей; но при всемъ томъ князь являлся уже отдѣльной властью, въ Винодолѣ даже наследственной, конкурировавшей съ властью общины. Винодольскій князь стоитъ выше народныхъ князей старыхъ Славянъ; въ немъ высказывается, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, глава государства, позднѣйшій русскій князь, смѣнявшійся московскимъ царемъ.

Слѣды подобной же двойственности началъ замѣчаются въ *судоустройствѣ*. Винодольскіе Законы строго различаютъ «правду» кметскую (общинную) отъ правды дворской (княжей), принимая вообще за правило, что одни винодольскіе люди судятся правдою и закономъ кметскимъ, другіе закономъ служабниковъ. Винодольскій уставъ признаетъ двѣ главныя формы суда: судъ или *правду княжюю* и правду общинную или *кметскую*, допуская епископскій судъ въ значеніи особаго при суда (для дѣлъ церковныхъ).

Винодольскіе Законы очень часто говорятъ о *судебной власти князя*. Указанія на нее даетъ напр. 30-я статья (остани ва осуду оном, в ком га *кметъ доте*

осудити) и др. Дворъ — главное мѣсто княжого суда. Судебныя дѣла (пра, тужба), требовавшія разбирательства князя, производились «предъ дворомъ», въ княжей палатѣ, «на полачн» (вспоминиъ сѣни у князя — мѣсто княжого суда по Псков. судп. грам.), или въ другомъ мѣстѣ, особенно во время княжихъ разъѣздовъ по общинамъ (ст. 9, 22, 23, 47, 60 и пр.). Суду князя подлежали прежде всего служабники, *люди княжје*, бывшіе въ непосредственной зависимости отъ князя. Князю принадлежало право мести (матене) за убійство и обиды, наносимыя княжнмъ людямъ; онъ вообще былъ непосредственнымъ ихъ судьей (ст. 29, 30, 35). Князю подсудны были также особенно *важныя преступленія* — измѣна, поджегъ, разбой и пр., по которымъ съ извѣстными ограниченіями подлежали княжому суду люди племенные, церковники, кмети и ные винодольскіе люди (ст. 6, 7, 9, 12, 56, 62, 70, 76). Ограниченіе княжого суда высказывалось, главнымъ образомъ, въ различіи подсудности преступленій, смотря по мѣсту ихъ совершенія. За татьбу или зажигательство хлѣба въ полѣ, вообще за преступленія *въ града* или общины, пеня всегда назначалась въ пользу князя, т. е. другими словами, по такимъ преступленіямъ князь являлся главнымъ компетентнымъ судьей (ст. 8, 11); но тѣ же самыя преступленія, учиненныя въ градѣ, подлежали суду общинныхъ органовъ (14, 31, 37). Винодольскимъ Законамъ воплѣтъ извѣстныя основныя начала древняго славянскаго суда, — начала, въ силу которыхъ общины, по внутреннимъ своимъ дѣламъ, пользовались правомъ самосуда, предоставляя князьямъ судебную дѣятельность во внѣшнихъ отношеніяхъ общинъ, въ особенности при всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ между членами различныхъ общинъ (когда настояла надобность въ посредничествѣ равно обязательной для всѣхъ власти князя). Судебное посредничество князя могло имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда судъ общины оказывался неудовлетворительнымъ. Судъ князя получалъ тогда значеніе высшей апелляціонной инстанціи (какъ увидимъ, такое значеніе и дается ему въ уставѣ загребскомъ). — Княжій судъ производился, не только лично самимъ княземъ, но и людьми княжими, по «заповиди» князя (40, 61).

Судъ общинный, какъ ясно видно изъ Винодольскихъ Законовъ, былъ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Указаніе на него даютъ статьи, говорящія о судѣ «предъ дворомъ и *инди* (38, 51), о судебномъ *купѣ* (69), также о пеняхъ исключительно въ пользу общины (14, 31, 37, 48, 58). Главными органами *правды кметской* были *купы*. Для суда они собирались на «месту обычайномъ», въ особенности гдѣ обыкновенно производилась рота (присяга) по дѣламъ судебнымъ. На судебныхъ купахъ, какъ и на всякихъ «обтинскихъ вѣчахъ», всегда присутствовалъ дворскій человекъ (69. Ср. 57). Для суда въ общинахъ назначались въ особенности *судцы* (судацы), бывшіе въ числѣ общинныхъ выборныхъ на законодательномъ вѣчѣ 1288 г. (отъ града Хрилина — Живина судацъ, изъ Църсата — Доминикъ судацъ). *Сатники* также упоминаются въ числѣ учреждений, имѣвшихъ участіе въ общинной администраціи и судѣ (61).

Наконецъ, намъ кажется, Винодольскіе Законы даютъ указаніе на *присяжные судей* — «ротниковъ», производившихъ судъ предъ дворомъ, а можетъ быть, и на судебныхъ сходкахъ, какъ это было въ Дубровникѣ издавна. Дѣло въ томъ, что въ Винодолѣ позовники, т. е. лица, специально производившія позовы, раздѣлялись

на простых и присяжных (65, 73): первые позывали предъ обыкновенныхъ судей, вторые — предъ присяжныхъ. Объ этихъ-то послѣднихъ и говорить ст. 63: «И оште позовници имаю бити ротени и такое кмети имаю се позивати од свакога предъ дворомъ *предъ ротника*». Впрочемъ, зная испорченность списка устава (по изданію Мажуранича), мы не можемъ считать своего положенія несомненно вѣрными. Очень можетъ быть, выраженіе «предъ ротника» принадлежитъ къ числу испорченныхъ мѣстъ устава. Измѣнивъ это выраженіе въ другое, именно «*чрезъ ротника*» (чрезъ ротника), мы дадимъ приведенной статьѣ иной смыслъ, далекій отъ указаній на присяжныхъ судей. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что Мацѣйовскій, въ переводѣ своего Винодолскихъ Законовъ (Hist. VI. 340), говоря, что «*kmiecie wzywaja sie na dwór przed przysięznika*», совершенно произвольно объясняетъ значеніе послѣдняго, какъ урядника, «*któru przysięgami kieruje*». Ни въ Винодолѣ, ни у другихъ Славянъ, сколько намъ извѣстно, никогда не было отдѣльныхъ чиновниковъ, специально назначавшихся для завѣдыванія присягами — дѣла, производившагося обыкновенными исполнительными лицами, напр. приставами, дѣтскими (по Русской Правдѣ) и пр. Ротниковъ, упоминающихся въ 73 статьѣ Винодолскихъ Законовъ, можно объяснять въ двоякомъ смыслѣ: какъ присяжныхъ судей и какъ «ротенихъ» позовниковъ. Мы больше склоняемся въ пользу перваго объясненія. Общій строй винодолскихъ градовъ, удерживавшихъ всѣ существенныя принадлежности старославянской общинной жизни, вполне допускала существованіе въ Винодолѣ суда присяжныхъ — института глубокой старины, когда-то составившаго общую принадлежность всѣхъ Славянъ и очень долго удерживавшагося у большинства южныхъ племенъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ.

О *епископскомъ судѣ* упоминается только мимоходомъ (ст. 3). Ему подлежатъ «попы и жакни» (діаконы), — ихъ *дуз* или *зрешме* (собственно церковныя преступленія) судятся бискупомъ, имѣющимъ право на вниманіе съ ихъ судимыхъ меней (осуд). Нужно замѣтить, что въ Винодолѣ духовенство не такъ рѣзко отдѣлялось отъ другихъ общественныхъ разрядовъ, какъ это было напр. у Сербовъ и другихъ Славянъ. Церковники допускались къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, могли являться на народныя сходки, подлежали общественнымъ повинностямъ, напр. обязаны были отправлять сторожевую повинность (15) и пр. Съ другой стороны, община и князь значительно ограничивали церковную юрисдикцію. По Винодолскимъ Законамъ, безъ воли общины и князя «ни един жакан не море приети стихъ реди кнежтва» (должности священника); за нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей (т. е. если не служить ежедневно «*машу и свете други ошци*»), поплъ подлежатъ пени въ пользу общины и князя (о епископѣ нѣтъ ни слова), да и вообще люди церковные подлежатъ «правдѣ» князя, на равнѣ съ людьми племенитыми, кметями и другими винодолскими людьми (См. 16, 58, 75).

Къ *исполнительнымъ должностямъ* по суду и администраціи относились: *приставы, парманы, слуш, нослы, арсалы* (послы отъ двора) и *позовники*. Подобно отрокамъ, дѣтскимъ и другимъ сходнымъ учрежденіямъ Русской Правды, они состояли при князѣ и другихъ должностныхъ лицахъ, для исполненія различныхъ судебныхъ дѣйствій и другихъ порученій (5, 19, 30, 48 — 51, 53, 65 и пр.).

Винодолскимъ Законамъ извѣстно наконецъ учрежденіе, сходное съ чешскими

соками и ябедниками Правды. Имъ дается характеръ судебный и вѣсть еискаль-ный. Соки не только разыскивали пропажу и преслѣдовали частныя преступленія, въ качествѣ публичныхъ обвинителей, но и открывали злоупотребленія по службѣ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣла касались княжихъ доходовъ и имущества. За «остаченье» они получали особенную плату (цпну или лркуф), но съ тѣмъ, чтобы остаченье было доказано; иначе клеветнику грозитъ та же пеня, которой подвергся-бы обвиненный при дѣйствительности клепа (45, 46, 60).

II. *Гражданское право.* Винодольскіе Законы даютъ нѣсколько очень интерес-ныхъ указаній на отношенія семейныя, имущественныя, наследственныя, также на обязательства. Вездѣ мы найдемъ учрежденія и порядки глубокой древности, во многомъ объясняющіе юридическій бытъ Славянъ. Мы приведемъ главнѣйшія изъ такихъ указаній.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе, ясно представляющееся въ Винодольскихъ Законахъ между простой *семьей* и *семейной общиной*, сходной съ сербской задругой и полицкой вервью, дружиной. Семья противопоставляется *ближ-никамъ, роду, племени, братчинь*. Отецъ съ своими *реди*, собственно наследниками, составляютъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, *обитель* (обителью называлась и княжная дружина). Отецъ, сынъ, братья и другія лица могутъ также жить въ болѣе обширномъ союзѣ, — подъ общимъ титуломъ братчины, рода, племени или ближиковъ, могутъ сообща владѣть *зборомъ* — общимъ семейнымъ имуществомъ, или стоять «*всак по себи*», раздѣлиться «*мею собом*». До раздѣла удерживается между членами полная солидарность, — начало круговой поруки было главной основой союза ближиковъ. Ближники, племя, родъ винодольскаго устава, подобно верви Правды и Полицкаго Статута, играютъ главную роль въ ученіи о дикой вирѣ (вражбѣ Винодольскихъ Законовъ): обязанность платить дикую вирю лежитъ прежде всего на ближикахъ преступника (если онъ уклоняется отъ наказанія). Наша вервь и винодольскіе ближники — въ этомъ случаѣ тождественныя учрежденія (13; 31, 29, 62, 67).

По *вещному праву* встрѣчаемъ только нѣсколько указаній. *Ричъ, благо* — общее названіе имущества. Винодольскимъ Закономъ извѣстно имущество движимое и недвижимое (*имбле* и *неимбле*, собственно *имине*, т. е. земли, виноградники, кучи и другая недвижимость), благопріобрѣтенное и наследственное, въ особенности *блаво очино* и *материно*. Благо можетъ состоять на правѣ полной собственности и простаго владѣнія; *свое*, иногда и *пошишюны*, означало имущество, состоявшее на правѣ полной собственности; но подъ пошишюномъ иногда разумѣется и имущество, бывшее въ простомъ пользованіи (по залогу и пр.). Имущество общее, *зборъ*, противопоставляется частному. Упоминаются также вещи княжія, церковныя, племенитыхъ людей, кметей и проч. Изъ способовъ пріобрѣтенія правъ на вещи извѣстны находка и договоры (завези). Вещныя права строго охраняются закономъ отъ нарушеній; безъ суда нельзя брать насильно чужой вещи, но «*пошишюны та слободно и мирно уживай тере държи*». Ученіе о правахъ на вещи вообще коренится въ старыхъ обычаяхъ (14, 32, 45, 51, 55, 76 и пр.).

Наследственное право имѣетъ строгій семейный характеръ. Право «аредитати»

усвоается «дншамъ», прежде всего сыновьямъ, а если ихъ нѣтъ, то дочерямъ. Этими лицами и ограничивался кругъ *реди* (наслѣдниковъ), прямо отличающихся отъ ближковъ и племени: если вовсе нѣтъ реди, имущество считается выморочнымъ (*омашно*), отходить къ князю, какъ и по Русской Правдѣ. Изъ винодольскаго устава видно также, что въ его время благо могло быть *за душу суено*, что указываетъ по крайней мѣрѣ на зародышъ завѣщательнаго порядка наслѣдованія имущества (31 — 37, 76).

Изложенный порядокъ наслѣдованія имущества, очевидно, имѣлъ силу только въ такомъ случаѣ, кода «стое всак по себи и раздѣлени есу мею собом». Задружная жизнь, какъ она развилась у Хорватовъ, Сербовъ и другихъ Славянъ, условливала иные порядки въ отношеніяхъ имущественныхъ и наслѣдственныхъ. «По закочу въкожизныхъ боговъ, будета нитъ оба въ *одно власти*, чи се *раздѣлимъ ровну мѣру*», — основной законъ задружной жизни Славянъ, такъ мѣтко формулированный чешскимъ сказаніемъ о судѣ Любуши. Въ задругѣ собственно нѣтъ мѣста наслѣдственному праву. Раздѣлъ задруги — первый моментъ, съ котораго начиналось для расходившихся членовъ задруги дѣйствіе наслѣдственнаго права на общемъ основаніи. На этотъ-то моментъ указываютъ Винодольскіе Законы, говоря о братчинѣ, которая «дѣли сбор мею собу, държана е дати десетину на пунн» (13). Сборъ, общее имущество братчины, дѣлится между ея наличными членами, при чемъ на нихъ лежитъ обязанность выдѣлить десятину, десятую часть имущества, вѣроятно — въ пользу церкви, а можетъ, и государства (десятина въ Полицѣ принадлежала къ числу государственныхъ доходовъ; тоже могло быть и въ Винодолѣ). Нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе къ сбору (при его раздѣлѣ) ближковъ, вышедшихъ изъ союза, стоящихъ «всак по себи». Изъ самаго существа дѣла вытекало возрѣніе на нихъ, какъ на лицъ *чужихъ* въ отношеніи къ союзу, изъ котораго они вышли, — право на участіе въ сборѣ ограничивалось только *наличными* членами союза, состоявшими въ немъ въ моментъ его раздѣла. Въ свою очередь, братчина и отдѣльные ея члены, ближники, не имѣли никакого дѣла къ имуществу лица, вышедшаго изъ союза, не причисляясь къ числу его реди, такъ что, если не было у него дѣтей, то по его смерти имущество становилось выморочнымъ, по Винодольскимъ Законамъ отходило не къ ближкамъ, но къ князю. Изложенныя начала въ старое время имѣли силу у всѣхъ Славянъ, а у южныхъ удерживаются доселѣ безъ особенно важныхъ измѣненій (См. Bogisic Pravnî obisajj, стр. 162 и слѣд.).

Ученіе объ *обязательствахъ* не развито Винодольскими Законами во всѣхъ его деталяхъ. Объ обязательствахъ личныхъ нѣтъ ни слова, — уставъ трактуетъ только объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договоровъ по имуществу, именно о *куплѣ* — *продажѣ*, *оареніи* и такъ называемомъ *дугѣ*. Въ понятіе послѣдняго входятъ ссуда и заемъ вещей и денегъ, съ залогомъ и безъ него: въ послѣднемъ случаѣ дугъ называется *кърденче* (отъ итальянскаго *credenza*). Предметомъ договоровъ можетъ быть ричъ (собственно имущество движимое, вещь, *res*) и иныя — земля, виноградникъ, куча и другіе виды имущества, принадлежащихъ хозяину на правѣ пошншона. Право вступать въ обязательства предоставлялось двору, дворскимъ людямъ и всѣмъ людямъ обкискимъ. Главнымъ условіемъ дѣйствительности

договоръ было совершено ихъ въ присутствіи «сведомовъ» (да то е било предъ они сведоки то е учинено); не видно, чтобы требовалось еще совершено ихъ на письмѣ, — упоминаются одни «квадрьши» — торговыя книги, принимавшіяся за доказательство въ спорахъ между торговцами. Впрочемъ, и свидѣтели требуются только при большой цѣнности договоровъ (свыше 10 или 20 солидновъ); по малымъ дѣламъ допускались договоры и безъ свидѣтелей. Въ случаѣ споровъ по нимъ, дѣло рѣшалось по присягѣ истца. Касательно взысканій по обязательствамъ встрѣчаемъ правило, запрещавшее искать судебнымъ путемъ долги съ дворскихъ людей раньше года со времени «изсшаста с тога оициа» (42—44 63 76).

III. *Право уголовное.* Оно развито въ Винодольскихъ Законахъ гораздо полнѣе и отчетливѣе другихъ отраслей права. И здѣсь, правда, встрѣчаемъ не рѣдко одни намеки на институты, коренившіеся въ обычаяхъ и мало затронутые законодательствомъ; но за то есть пропасть вполне развитыхъ установленій, принадлежащихъ самой глубокой древности. Исгѣдователь найдетъ въ этомъ случаѣ огромное сходство между винодольскимъ уставомъ и напр. Русской Правдой или другими старославянскими уставами, — сходство, которое нужно считать не дѣломъ простаго случая, но результатомъ правльнаго развитія однихъ и тѣхъ-же общеплеменныхъ порядковъ и обычаевъ.

1. *Преступленіе*, по ученію Винодольскихъ Законовъ, не вполне еще утратило *частный* характеръ. Въ понятіе преступленія входитъ прежде всего *школа* или *худоба* — дѣйствіе, соединенное съ матеріальнымъ вредомъ для отдѣльныхъ лицъ; *кривина* — неправда прежде всего противъ правъ лица и потому уже общества. Винодольскіе Законы трактуютъ, въ большинствѣ своихъ статей, только о преступленіяхъ противъ правъ личныхъ и имущественныхъ; ученіе о преступленіяхъ государственныхъ почти только въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Винодольскіе Законы рассматривали преступленіе исключительно съ частной точки зрѣнія: имъ уже известна внутренняя преступность дѣйствій, идущихъ въ разрѣзъ съ нравственными началами, — дѣйствій, въ особенности характеризуемыхъ названіемъ *зрешене, дуи, трих*. Въ разбохъ или дѣйствіяхъ «предаваець» (измѣнниковъ) Законы видятъ *зло* (зло творене или створене) — правонарушеніе, вредное какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльныхъ лицъ (7, 21. 24. 41. 56. 60. 66).

Подобно тому, какъ преступленіе не получило еще строгаго юридическаго понятія, опредѣлялось по отдѣльнымъ, болѣе внѣшнимъ, нежели внутреннимъ, признакамъ, такъ и понятіе о преступникѣ и *уголовномъ вѣнчаніи* не сложилось еще въ строго опредѣленную и законченную формулу. Подъ преступникомъ разумѣется *шкодникъ* (шкодникъ), *кривацъ, сакрешени, злотворцъ* или *злочинацъ* — термины, соответствующіе названіямъ самаго преступленія. Шкоднику вѣнялось преступленіе, школа, по вѣсколькимъ началамъ, составлявшимъ по крайней мѣрѣ въ зародышахъ ученіе Винодольскихъ Законовъ объ уголовномъ вѣнчаніи. Злой умыселъ упоминается только мимоходомъ (27, 64). *Зла воля* шкодника мало принималась во вниманіе при опредѣленіи наказуемости его школы, — въ винодольскомъ уставѣ нѣтъ ни одной статьи, въ которой сколько нибудь опредѣленно говорилось бы о различіи между преступнымъ дѣйствіемъ случайнымъ (безъ злаго умысла) и преступленіемъ,

совершеннымъ въ злой волѣ. Подобно Русской Правдѣ, винодольскій уставъ принималъ главными моментами наказуемости и виѣненія преступленій, не столько внутренне, сколько вишіе ихъ признаки. Такимъ образомъ, уставъ довольно категорически рѣшаетъ вопросъ о преступленіяхъ, учиненныхъ *първо* и *вете*, облагая преступленія повторенныя болѣе тяжкими наказаніями, сравнительно съ преступленіями, учиненными впервые (59, 62). Не дѣлается различія между взрослымъ и малолѣтнимъ шкодникомъ, между главнымъ зачинщикомъ и простыми участниками (62). Съ другой стороны, винодольскому уставу извѣстно, по крайней мѣрѣ отчасти, ученіе о состояніи *необходимой обороны*: убійство разбойника или татя на шкодѣ оставалось безнаказаннымъ, если онъ сопротивлялся, не отдаваясь добровольно въ руки настигшихъ его на преступленіи (71). Преступленіе опредѣлялось также, смотря по характеру и свойству *нарушенныхъ правъ и интересовъ*, какъ и по общественному положенію въ особенности обиженнаго (25, 29 — 31, 25 и пр.). Есть и другія различія, напр. между преступленіями *ночными* и *дневными*, учиненными на полѣ или въ градѣ, — между преступленіемъ съ *ключемъ* (о помощи, со стороны обиженнаго) или безъ него. Наконецъ, отвѣтственность по преступленіямъ падала, не только на самаго виновнаго, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на *сторонниковъ*: ближика и община, въ силу круговой поруки, несли повинность платежа пеней, въ особенности при уклоненіи преступника отъ наказанія (напр. 29, 31). Всѣ такія явленія, въ болѣе или меньшей степени, повторяются въ другихъ старославянскихъ уставахъ, не достигшихъ, вообще говоря, до полного развитія ученія объ уголовномъ виѣненіи.

Въ ученіи о преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ, исчерпывающихъ по Русской Правдѣ всю область уголовного права, винодольскій уставъ не многимъ отличается отъ этого памятника. Убійство, разбой, членоврежденія, побои и другія личныя обиды, татьба и порча чужихъ вещей — преступленія, развитыя винодольскимъ уставомъ рѣшительно въ духъ Русской Правды. Къ новымъ явленіямъ, не извѣстнымъ послѣдней, относятся: измѣна, преступленія по должности, лжесвидѣтельство, изнасилованіе женщинъ, отравленіе и наконецъ преступленія церковныя.

а) *Убійство* (убойство). Винодольскій уставъ опредѣляетъ сущность этого института въ духъ Правды, различаетъ убійство княжскихъ людей и кметовъ, — людей, подлежащихъ правдѣ и закону кметскому, съ установленіемъ различныхъ наказаній за тѣхъ или другихъ. Статья Правды: «аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ», вполне соответствуетъ статья Винодольскихъ Законовъ: «оште ако разбойника звѣрху мое шкоди нанду въ ноти» (71). Правда и Законы не подвергаютъ никакой отвѣтственности убійство по нуждѣ, напр. при поимкѣ и сопротивленіи татей и разбойниковъ. По словамъ Винодольскихъ Законовъ, если я найду разбойника на моей шкодѣ въ то время, когда «мне шкоду чинеть», и не могу взять его живьемъ, или его не знаю (чтобъ можно было послѣ звать его на судъ) и убью его, то ни въ какомъ случаѣ не подлежу за то суду (у виединой ричи ни мам се осудати) и никто не можетъ выступить противъ меня (съ обвиненіемъ). Вражда винодольская вполне соответствуетъ дикой вирѣ Правды, какъ и осудъ — простой вирѣ. Въ ученіи о наказаніяхъ мы скажемъ подробнѣе о сущности вражды и осуди.

Особые виды убійства составляютъ отравленіе и разбой.

а) *Тварници* (отравители), пойманные въ первый разъ на злодѣяніи, подлежатъ отвѣтственности на равнѣ съ простыми убійцами. При вторичномъ обвиненіи они выдаются князю на потокъ, — «гда кнез ю каштигаи по нега воли» (59).

б) *Разбой* (рубани, иногда сила) отличается отъ убійства, какъ преступное дѣйствіе, нарушавшее личныя и имущественныя права, совмѣщавшее въ себѣ убійство и грабежъ, или отнятіе чужаго имущества. Разбой можетъ быть произведенъ «на пути и инди», безразлично называется рубани и сила. Иногда впрочемъ рубани и сила имѣютъ значеніе двухъ различныхъ институтовъ — собственно разбоя (рубани) и грабежа (сила). Въ такомъ значеніи говорится о нихъ въ 66-й статьѣ о свидѣтельскихъ показаніяхъ орочей и пастырей, допускаемыхъ въ свидѣтели «такое в рубани, тако въ силахъ». Значеніе силы объясняется въ особенности закономъ о личбѣ (*vadum*), имѣвшей мѣсто и при силѣ (39): личба допускалась только въ вещныхъ искахъ, когда какимъ либо образомъ — грабежемъ или иначе — нарушены имущественныя права отдѣльныхъ лицъ, — при убійствѣ и разбоѣ имѣли мѣсто другія процессуальныя дѣйствія (о рубани и силѣ см. 11, 39, 66, 71).

в) *Членоврежденія и личныя обиды* (уражене, ранене, біене, бранене, стучене и пр.). Винодольскіе Законы различаютъ, подобно Правдѣ, поврежденіе членовъ (ники уд усикал или схабил тако, да би од тога не могал прити на прьво здраве), нанесеніе ранъ, побоевъ и толчковъ (стучене) отъ простой брани (бранене, псость езика) и другихъ обидъ. Подобно убійству, членоврежденія и обиды различаются, смотря по общественному положенію обиженнаго. Напр., за уражене княжихъ людей положенъ потокъ, за другія обиды — 50 либръ общественной пени съ частною подувирой; напротивъ, за обиды кметей платится только 2 либра. Усиленные пени назначены также за обиды, наносимыя женщинамъ. Изнасилованіе, по количеству пени, уравнивается съ убійствомъ, сверженіе ховерлицы (женскаго головного убора) мужчиной — съ разбоемъ. Обиды послѣдняго рода между одними женщинами наказываются обыкновенной пеней (18, 25, 27, 28, 30, 56).

Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ упоминаются татьба, грабежъ, зажигательство и порча чужихъ вещей.

а) *Татьба* (татба). Винодольскіе Законы различаютъ татьбу, смотря по времени и мѣсту ея совершенія, также по состоянію обиженнаго.

Большой татьбой считается татьба, учиненная «в ноци», — татьба дневная наказывалась меньшими пенями. Съ дневной татьбой уравнивается впрочемъ и ночная, если, при открытіи татя на преступленіи или вообще при открытіи школы, не слыанъ былъ кличь (помагайте). Тать «клицанный» равнозначителенъ съ татемъ приличнымъ или лицованнымъ другихъ старославянскихъ законодательствъ (о татьбѣ дневной и ночной, съ кличемъ и безъ него, см. 7 и 8).

Различается, далѣе, татьба «в граду», въ особенности татьба градскаго «храма», отъ татьбы въ пристанищѣ (пристани) винодольскомъ: на полѣ и вообще внѣ града (украл в оскуку ники скот, воля на гумну жито, воля ва улицы, в мести, гди се схраняю пчеле, мед). Градская татьба (кромѣ храма) считается малой татьбой и

оплачивается одинаковой пеней, будет ли она учинена днем или ночью, съ кличем или безъ клича; пени съ градской татьбы идетъ общинѣ. Татьба внѣ града относилась къ роду большой татьбы, особенно если учинена ночью и былъ при ней кличъ о помощи, — пени съ такой татьбы идетъ князю. Тать градскаго храма рѣшительно напоминаетъ «кромскаго» или «храмскаго татя» Псковской судной грамоты: въ винодольскомъ и псковскомъ уставѣ разумѣется здѣсь одинъ и тотъ же институтъ кражи, совершенной въ храмѣ — мѣстѣ хранения общинной казны (7, 8, 11, 37).

По принадлежности воровскихъ вещей, винодольскій уставъ различаетъ татьбу вещей, принадлежащихъ князю, двору и вообще службникамъ, отъ татьбы кметской. За послѣднюю назначается «шкода дупла» (двойное вознагражденіе противъ стоимости вещей воровскихъ); татьба вещей княжихъ и дворскихъ оплачивается всею рою. Съ кражей дворской сравнена кража вещей церковныхъ и монастырскихъ (35, 36, 50).

б) *Грабежь* (сила). Сюда относятся отнятіе и насильное завладѣніе чужой вещью. Грабежь наказывается на равнѣ съ татьбой (7, 71). Какъ мы видѣли, подъ силой разумѣется иногда и разбой. Она употребляется также въ значеніи чешскаго *hrdost* — *насилія безъ грабежа*; въ такомъ смыслѣ и изнасилованіе женщинъ иногда называется силой (яко би ни учинилъ силу жени).

с) *Истребленіе и порча чужихъ вещей*. Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, отлѣчаютъ зажигательство (пожгане) отъ другихъ видовъ истребленія и порчи вещей. Подъ пожгане разумѣется зажигательство дома, храма, скотнаго двора и пр. (яко би ни положилъ въ кутю огонь или храмъ воля вничіи осия); за пожгане угрожаетъ высшая жѣра наказаній (100 лѣбрь или потокъ). Упомянется «разбіеніе» храма, вмѣстѣ съ кражей и отдѣльно отъ нея (7, 62).

Кромѣ преступленій противъ личныхъ и имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, Винодольскіе Законы говорятъ также о преступленіяхъ съ характеромъ *публичными*: измѣнѣ и преступленіяхъ по должности.

а) «*Предавцы* господина князя натурадскога» считаются лихими людьми. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываетъ зло — правонарушеніе съ общественнымъ характеромъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что Винодольскіи Законы едва ли были дѣвственъ институтъ *измѣны* въ позднѣйшемъ значеніи политическаго преступленія. Въ дѣйствіяхъ предавцовъ нужно видѣть правонарушеніе, направленное прежде всего *лично* противъ самаго князя. Предавцы наказывались не строже отравителей и поджигателей: въ то время, когда послѣднимъ грозитъ сожженіе (за отравленіе), осужденіе на смерть, наказаніе предавцовъ зависитъ отъ воли князя. Онъ могъ ихъ наказать, но могъ и вовсе освободить отъ наказанія (70).

б) Такой же характеръ дается *преступленіямъ приставовъ* въ ихъ служебной дѣятельности. Уставъ говоритъ, во 1-хъ, о *вымогательствѣ* приставомъ съ тяжущихся судныхъ платежей, сверхъ установленной закономъ таксы, и во 2-хъ, о *живыхъ показаніяхъ* пристава предъ судомъ. Въ обоихъ случаяхъ приставъ наказывается прежде всего за «кривину», частную шкоду. *Фадсо* приставовъ

уравнивается съ *ложесвидѣтельствомъ* частныхъ лицъ, дающихъ на судъ показанія въ качествѣ свидѣтелей (48, 51, 52).

Отдѣльный видъ преступленій по должности составляютъ *преступленія церковныя* (дуг, згрѣшене), въ особенности нарушеніе поповскихъ «офцій» (3, 58).

2. Сущность *наказанія*, какъ и преступленія, опредѣляется также прежде всего съ частной точки зрѣнія. Старый частный характеръ наказанія проглядываетъ въ самомъ названіи его — *матене* (29, 31, 70), что означаетъ мѣсть, воздаяніе за «шкоду» равносильной шкодой, вредомъ. Общественная власть *мститъ* виновнику преступленія, на манеръ частныхъ отместниковъ стараго времени. *Пена, осуд, банд, рачени*, употребляются также въ значеніи наказанія вообще, иногда только денежныхъ пеней (3, 24, 25, 30, 59, 74, 75 и пр.).

Матене — прежде всего общее названіе наказаній. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. 31) названіе *матене* дается и денежнымъ пенямъ. Но оно имѣетъ и болѣе специальный смыслъ. относится къ наказаніямъ, касавшимся *личности* виновнаго; сюда въ особенности принадлежитъ наказаніе, въ существѣ своемъ вполне сходное съ потокомъ Правды. *Платежи денежные*, специально называвшіеся *осуд, пена, банд* и пр., составляли второй видъ наказаній. *Матене* и *осудъ* — два основныя вида наказаній, на которыхъ построится все ученіе Винодольскихъ Законовъ о наказаніяхъ по преступленіямъ.

а) Къ наказаніямъ, поражающимъ *личность преступника*, Винодольскіе Законы относятъ въ особенности: осужденіе на животь и смерть, также выдачу преступника въ «пуну область» князя — тоже, что потокъ Правды. *Матене*, въ обоихъ видахъ, состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на смерть или выданнаго на произволъ князя и другихъ лицъ.

а) *Осужденіе на смертную казнь* (осуд на живот и на смьрт). О немъ говорится въ двухъ статьяхъ: о тварницахъ и поггане (59, 62). Въ обоихъ случаяхъ преступникъ, впервые обвиненный въ преступленіи, подлежитъ осуди на смерть, если не имѣетъ средствъ для уплаты денежной пени, положенной въ законѣ за отравленіе и зажигательство: отравитель подвергается *сожженію* (се сажти), зажигатель — «осуди на животь». За вторичнымъ поджегомъ и отравленіемъ слѣдуетъ вмѣсто денежной пени смертная казнь (поджигателя) и выдача (отравителя) на произволъ князя.

б) *Потокъ*. Значеніе потока имѣетъ выдача преступника въ «пуну область» (власть) князя, который могъ учинить надъ нимъ «матене на свою волю». Потокъ подлежатъ въ особенности предавацы князя и убійцы княжихъ людей; тоже наказаніе положено за членоврежденія, наносимыя княжимъ людямъ, иногда и за повторенныя преступленія (отравленіе); наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, когда присужденные къ денежной пени не имѣли средствъ къ ея уплатѣ, князь «надъ нихъ животи море учинити волю свою, ча буде нему драго». Въ понятіе потока входило также изгнаніе въ чужую землю; съ «сгонникомъ» запрещалось имѣть никакихъ сношеній, давать ему «исти, или пити, или ину ку помоть, воля светъ». Сгонникомъ объявлялся въ особенности преступникъ, скрывшійся въ другую землю и этимъ заставившій

своихъ ближиковъ или общину платитъ вмѣсто него виру; при поимкѣ его, предоставлялось князю или *другому вмѣсто него* — учинить матене по своему желанію, «учинити когоди матене буте хотилъ» (12, 29 — 31, 59, 70, 74).

б) По Винодольскимъ Законамъ, потокъ всегда соединялся съ *грабежомъ*: на тене распространялось на личность и имущество преступника, — вмѣстѣ съ выдачею его въ полную власть князя, все его имущество подвергалось конфискаціи въ пользу князя. Такимъ образомъ, предаваецъ выдавался на потокъ князю, который могъ учинить «матене звѣрху нега и звѣрху негова блага (имущества) на свою волю». Значеніе *самостоятельнаго* наказанія дается грабежу въ статьяхъ о «фалсѣ» (ложномъ показаніи на судѣ) пристава, также объ общинныхъ вѣчахъ, учреждавшихся безъ княжяго челоуѣка: въ обоихъ случаяхъ виновные «згублю все свое благо, ча се гible и не гible». Конфискованное имущество отдается князю (51, 57, 70).

Осужденіе на животь и смерть, потокъ и грабежъ, составляютъ чрезвычайныя наказанія, поражающія особенно тяжкія преступленія. Между ними замѣчается самая тѣсная связь; они входятъ въ понятіе одного и того же института *матене*, суть которой заключалась въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на животь и смерть или къ выдачѣ въ полную власть князя, вмѣстѣ съ грабежемъ всего его имущества. Различіе между ними заключалось только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ опредѣлялъ родъ и характеръ матене, указывая видъ самаго наказанія (осудъ на животь и смерть, сожженіе), въ другихъ предоставлялось самому князю, въ каждомъ данномъ случаѣ, опредѣлить степень и видъ наказанія.

с) *Денежныя взысканія* были различны и назывались *пена, осудъ, рачени, бандъ, вражба, заговори* и *завези*. Ученіе Винодольскихъ Законовъ о композиціяхъ даетъ много интересныхъ указаній на общій характеръ и многія детали этого несомнѣнно изстариннаго общеславянскаго института. Въ то время, какъ напр. Русская Правда излагаетъ неясное и неполное ученіе о вирахъ и продажахъ, Винодольскіе Законы содержатъ вполне развитую систему композицій, въ главномъ же отступая отъ основныхъ положеній, одинаково развитыхъ всѣми славянскими законодательствами.

Въ Винодольскихъ Законахъ строго опредѣлена система пеней *общественныхъ* и *частныхъ*, указаны начала, въ силу которыхъ устанавливаются различныя общественныя пени, слѣдовавшія князю, общинѣ и иной «господѣ» и vznikавшіяся съ виновныхъ и людей стороннихъ (дикая вира, вражба), — «осуди, завези и заговори», или частныя пени и вознагражденіе за шкodu, кривину, вообще за частный убытокъ и вредъ, возникающій изъ преступленій.

а) *Пени общественныя*. Винодольскій уставъ ясно показываетъ, что пени общественныя вмѣстѣ съ частными составляли одинъ нераздѣльный институтъ: въ понятіе осуди, или пени, входило вознагражденіе, не только въ пользу князя или общины, но и лицъ обиженныхъ. Въ Законахъ говорится иногда, что виновный платитъ такую то пеню, а за тѣмъ уже она раздѣляется между княземъ и лицомъ

обиженнымъ (напр. 27). Иногда называли осуди, въ значеніи главнаго платежа, дается по преимуществу частному вознагражденію, — цена общественная получаетъ характеръ платежа придаточнаго (31). Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не вается непосредственно частныхъ лицъ (измѣна), назначается не денежное взыскаеніе, но выдача виновнаго на потокъ (70).

Осудъ Законовъ рѣшительно напоминаетъ собой виру и продажу Правды. Подобно Правдѣ, различающей четыре отдѣльные вида виру — въ 80 (двойная вира), 40, 12 и 5 гривенъ, Законы также говорятъ о четырехъ видахъ осуди, назначавшейся въ количествѣ .р. (100), .м. (50), .ка. (24) и .в. (2) либровъ (либра — венеціанская монета, заключающая въ себѣ 20 солдиновъ, или нынѣшнихъ 12 крейцеровъ серебр.). Различіе между обоими порядками можно видѣть лишь въ томъ, что Правда назначаетъ свои четыре пени, главнымъ образомъ, за убійство, устанавливая впрочемъ соответственные четыре пени (40, 20, 12 и 3 гр.) и за другія болѣе важныя преступленія (увѣчья, личныя обиды и пр.), Законы пошли дальше, принявъ четыре пени за общія нормы денежныхъ взысканій (общественныхъ) по всѣмъ родамъ преступленій.

Винодольскіе Законы руководятся различными началами, при опредѣленіи количества пеней за тѣ или другія преступленія. Естественно требовать, чтобы преступленіе облагалось тѣмъ болѣе пенью, чѣмъ важнѣе и выше нарушенныя имъ интересы и права частныя и общественныя. Пени различались также, смотря по мѣсту и времени совершенія преступленій. Татьба въ градѣ, какъ и татьба «храма» (кромская татьба Пск. суд. гр.) въ градѣ, облагались высшими пенями сравнительно съ градской татьбой. По времени совершенія преступленій, татьба полевая или сельская, также татьба и разбіеніе (разрушеніе) градскаго храма, учиненныя днемъ, значительно разнились, по количеству пеней, отъ тѣхъ же преступленій, учиненныхъ ночью, — кража ночная вообще оплачивалась болѣе пенью, нежели кража дневная. Иногда и ночныя преступленія наказывались не одинаковыми пенями, смотря по тому, сдѣланъ ли былъ кличь о помощи (помогайте) при ихъ открытіи, или нѣтъ. Это начало не вполне выдержано: городская татьба подлежала одиваковой пени — съ кличемъ и безъ него. — Можно наконецъ замѣтить вліяніе сословныхъ различій на болѣе или меньшее количество пеней. Это начало, развитое до значительной степени въ Русской Правдѣ и другихъ старославянскихъ уставахъ, стоитъ далеко не на первомъ планѣ въ Законахъ Винодольскихъ. Вліяніе его отразилось главнымъ образомъ въ ученіи о наказаніяхъ за убійство, личныя обиды и татьбу; но и здѣсь дѣлается различіе только между служабниками (княжими людьми) и кметями, — другіе общественные разряды подводились къ тому или другому классу, смотря по подчиненію ихъ «закону и правдѣ кметской», или закону служабниковъ (25, 29 — 31).

На основаніи изложенныхъ началъ Винодольскіе Законы устанавливаютъ слѣдующій рядъ общественныхъ пеней:

1. *Столибровая пеня*, соответствующая двойной или 80-ти гривенной вирѣ Правды. Она назначена за зажигательство и отравленіе — болѣе тяжкія преступленія, учиненныя въ первый разъ (59, 62).

2) *Пятидесятилибровая пеня* (40 — гривенная вира Правды). Она назначается за разбой, ночную татьбу виѣ града (съ ключемъ), за изнасилованіе женщины, за насиліе въ винодольской пристани, за побой и раны, наносимыя княжымъ людямъ (6 — 8, 11, 12, 30, 48, 56).

3) *24-хъ либровая пеня* (12 грив. вира Пр.) упоминается, какъ наказаніе за татьбу въ пристани винодольской (11).

4) *Двулибровая пеня* (5 грив. вира Пр.) — обыкновенная общественная пеня по остальнымъ преступленіямъ. Сюда относятся въ особенности: ночная (безъ ключа) и дневная татьба виѣ града, также градская татьба, безъ различія дневной отъ ночной; побой, раны и другія личныя обиды между кметями; личныя обиды, наносимыя женщинамъ; убійство кметей (7, 8, 25, 28, 31, 37).

Къ разряду общественныхъ пеней нужно также относить особую осудъ (въ 2 либра), платившуюся въ пользу епископа по двамъ церковнымъ (3).

Пени общественныя иногда идутъ одному князю, иногда одной общинѣ, или дѣлятся «наполь» — между княземъ и общиной, градомъ. Иногда просто говорится, что пени «гре оптини, а пол господи онога града, гдѣ буде то учинено» (14). Различіе между пенями княжими и общинными встрѣчаемъ въ большинствѣ южнославянскихъ уставовъ стараго времени. Законы Загребскіе, какъ увидимъ, говорятъ только объ общинной пенѣ. По Статуту Полицкому, пени идутъ въ пользу тѣхъ учреждений и лицъ, которые рѣшали данное судное дѣло — въ пользу общины, если судъ производился на вѣчѣ, или въ пользу князя съ его судами, или наконецъ въ пользу судей — ротниковъ. Такое же правило имѣетъ силу въ Винодольскихъ Законахъ: осудъ получаетъ князь или община, смотря по тому, производилось ли дѣло предъ дворомъ, или на сходкѣ, предъ общинными судьями.

Право князя на пени ясно высказано въ двухъ статьяхъ Законовъ: надъ «бавди, заговори и завези» имѣетъ князь полную «власть», т. е. право располагать ими по своей волѣ; всѣ завези, назначенныя княземъ властью своей или общинной, «будуте лега и нему да имаю прити» (55, 75). Здѣсь утверждается одно изъ существенныхъ правъ князя — право суда, или, говоря точнѣе, право на доходы съ суда. Подлѣ такого права князя стояло также не менѣе самостоятельное право общины на судные доходы, о которомъ говорится напр. въ 14 статьѣ: завези «оптивски воля навлашни» (частныя, установленныя самими сторонами) слѣдуютъ общинѣ, поволамъ съ господой (судцами, сатниками и пр.) того града, гдѣ учинено преступленіе.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ о границахъ между княжескимъ и общиннымъ правомъ на полученіе осуди, — вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны другіе, не менѣе важные вопросы, напр. о судебной компетентности, о власти князя и объ отношеніи его къ общинамъ. Послѣднихъ вопросовъ мы уже слегка касались, говоря о судоустройствѣ по Винодольскимъ Законамъ. Здѣсь мы изложимъ нѣсколько соображеній о правѣ князя и общины на полученіе пеней съ преступниковъ.

Статьи, трактующія объ общественныхъ пеняхъ, даютъ довольно ясна указанія на тѣ общія причины, по которымъ одни пени всегда отчисляются къ князямъ, другія — къ общинамъ.

Въ пользу князя идутъ пени, во 1-хъ, съ убійства *княжскихъ людей*, съ наносимыхъ имъ членоврежденій, личныхъ обидъ и пр. (29, 30). Законъ служаниковъ, между прочимъ, состоялъ въ томъ, что они подлежали суду князя, въ пользу котораго и шли общественныя пени за наносимыя имъ обиды и оскорбленія.

Во 2-хъ, въ пользу князя идутъ пени съ тата, который «украл в оснку ники *скот*, воля гумну *жито*, воля ва улици, гдѣ се скрамяю пчеле, *медв*» (8), также съ татбы въ *пристанищъ* винодольскомъ и въ *градскомъ храмъ*, тогда какъ татба *въ граду* вообще оплачивается пенями въ пользу «оптина града, гдѣ се та татба учине» (37). Кража скота, жита, меда, т. е. вообще предметовъ *сельской жизни*, противопоставляется кражѣ градской: первая составляетъ доходную статью князя, вторая — общины. Къ княжескимъ доходамъ относится также пени съ татбы въ пристанищъ и храмъ — учрежденіяхъ, составлявшихъ *общую* принадлежность общинъ и бывшихъ въ распоряженіи князя.

Въ 3-хъ, князей пеней облагались: *дорожный* разбой (рубани на пути или гдѣ няди) и другія преступленія, нарушавшія *земскій миръ* (каковы измѣна и зажигательство) или противныя *нравственнымъ интересамъ* (извасялованіе) и пр.

Наконецъ въ 4-хъ, князь получалъ пени въ такихъ случаяхъ, когда обиженный, не удовлетворившись судомъ общины, обращался къ непосредственному суду князя.

Сводя приведенныя данныя къ одному знаменателю, мы видимъ, что преступленія, бывшія доходной статьей князя, имѣютъ слѣдующіе общіе признаки:

а) Принадлежность къ *княжеской дружинѣ* лицъ, противъ которыхъ направлено преступленіе, — преступленія людей «обкинскихъ» могутъ облагаться князей пеней, если сами стороны обратятся къ княжескому разбирательству.

б) Совершеніе преступленія *въ граду* — на пути (разбой), въ оснку, пристанищъ и пр., также въ мѣстахъ, составлявшихъ *общее* достояніе общинъ.

в) Особенная *тяжесть* преступленія, безъ различія лицъ, противъ которыхъ оно направлено, и мѣста, гдѣ совершено.

Последнее начало всегда и вездѣ получало силу, чуть только возникала общая власть, представителями которой становились князья, обязанные охранять земскій миръ и наказывать направленные противъ него преступленія. Здѣсь проявляется важное значеніе княжеской власти, какъ объединяющаго элемента въ составѣ союзныхъ общинъ.

Первые два признака, напротивъ, говорятъ о силѣ и крѣпости самыхъ общинъ, куда въ обыкновенныхъ случаяхъ еще мало проникла власть князей, — имъ непосредственно подчинялись только лица, находившіяся въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ. Внутри себя общины пользовались полнымъ правомъ самосуда:

преступленія, совершенныя внутри общинъ и направленные непосредственно противъ ихъ членовъ, вызывали реакцію самыхъ общинъ и потому составляли ихъ доходную статью (убійство кметей, городская татьба, — 31, 37). Ничто не мѣшало обиженному обратиться отъ суда общины къ суду княжескому, особенно если онъ не удовлетворялся первымъ; но это нисколько не уменьшало общаго значенія само-суда общинъ.

По началу личному объясняются совмѣстныя права князя и общины на нѣкоторыя пени — съ приставовъ и поповъ, при обвиненіи ихъ въ нарушеніи служебныхъ обязанностей (48, 58). Какъ лица, не исключительно принадлежавшія къ общинѣ, они уплачивали пени на «пол» между общиной и княземъ.

Изложеннымъ началамъ противорѣчатъ, повидимому, нѣкоторыя статьи Винодольскихъ Законовъ, говоряція о пеняхъ въ пользу князя съ личныхъ обидъ и ссоръ «мею кмети» (25), съ оскорбленія женщинъ и другихъ маловажныхъ преступленій (27, 28), безъ всякихъ указаній на развитые въ другихъ статьяхъ признаки личные и иные (различія по лицамъ, мѣсту и тяжести преступленій). Дѣло въ томъ, что Винодольскіе Законы наполнены множествомъ недомолвокъ и темныхъ мѣстъ, которыя чуть не въ каждой статьѣ и строкѣ попадаютъ въ Русской Правдѣ и требуютъ тщательнаго соображенія ихъ съ цѣлымъ уставомъ, въ особенности съ такими его положеніями, гдѣ яснѣе высказаны общія начала и воззрѣнія, проникающія собой всѣ отдѣльныя казуистическія статьи устава. Къ такимъ казуистическимъ статьямъ, безспорно, нужно относить и только что указанныя мѣста Винодольскихъ Законовъ. Въ статьѣ объ обидахъ «мею кмети» можно видѣть не больше, какъ извлеченіе изъ княжяго приговора на данный случай (когда кмети отъ своихъ судей обратились къ княжескому). Эта и другія ей подобныя статьи легко объясняются въ смыслъ изложенныхъ мной началъ, лежащихъ въ основѣ ученія Винодольскихъ Законовъ, какъ о власти князя и объ отношеніяхъ его къ общинамъ по суду и управленію, такъ и объ общественныхъ пеняхъ за уголовныя преступленія, — не противорѣчатъ положенію о различіи пеней княжихъ и общинныхъ, смотря по общественному положенію лицъ, по мѣсту совершенія преступленій и по большей или меньшей ихъ тяжести.

Пеня общественная уплачивается самымъ кривцомъ. Но бываютъ случаи, когда обязанность платить пеню можетъ падать и на другихъ лицъ. Винодольскіе Законы относятъ сюда такіе случаи, когда виновный уйдетъ, «ако убигне и не могал се ети». Такимъ образомъ, если скрывался убійца княжяго челоуѣка, князь взыскивалъ *вражду* (дикую виру Правды) съ «племене» скрывшагося убійцы. Какъ наказаніе самаго убійцы предоставлялось вообще усмотрѣнію князя, такъ и вражда опредѣлялась княземъ, по «заговору» (соглашенію) съ племемъ убійцы, обязаннымъ уплачивать только половину взысканія (другая берется изъ имущества преступника). Такимъ же образомъ князь получалъ вражду при заигательствѣ, если преступникъ скрывался и не могъ быть пойманъ (29, 62). Право на вражду усвоется и общинѣ — въ случаѣ убійства кмета или кого либо изъ «рода» кметовъ: половина вражды уплачивается ближиками, другая наследниками (реди) убійцы (31). Обязанность платить вражду лежитъ на ближикахъ и реди до поимки

преступника; впрочемъ, если преступникъ пойманъ послѣ совершения «направы», т. е. постановленія приговора и взыскавія пени, то послѣдняя уже не возвращалась тѣмъ, кто ее уплатилъ (29, 31). Вражда обвиняла собой, не только пеню общественную, но и частную. Это ясно видно изъ постановленія о враждѣ за убійство кметей: Винодольскіе Законы, подобно Загребскимъ, вѣвняють въ обязанность ближникамъ уплачивать и частное вознагражденіе, вмѣстѣ съ пеней общественной (31). Это правило рѣшительно въ духѣ старославянскаго права и не оправдываетъ вывода нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что общины никогда не вѣвнялось въ обязанность уплачивать частное вознагражденіе (См. Ланге — Исслѣдов. объ уголов. пр. Р. Правды, 100). Правила уставовъ винодольскаго и загребскаго ясно показываютъ, что законъ уже въ старое время одинаково защищалъ права общества и частныхъ лицъ, — что, въ случаѣ нарушенія ихъ, считалось одинаково важнымъ и необходимымъ удовлетвореніе общества и обиженной стороны, все равно, слѣдуетъ ли удовлетвореніе со стороны самаго преступника, или (въ силу круговой поруки) его общины и семьи. Начало такое необходимо вытекаетъ изъ цѣлой системы уголовного права Русской Правды и вообще всѣхъ древнихъ славянскихъ законодательствъ. Оно только яснѣе и нагляднѣе развито винодольскимъ и загребскимъ уставами.

Повинность вражды была однимъ изъ проявленій *круговой поруки* — главной основы общиннаго устройства у всѣхъ Славянъ. Члены общинъ (семейныхъ и терригоріальныхъ — безразлично) обязаны были, въ случаѣ какой либо шкоды, идти на помощь, по первому требованію (кличу) обиженнаго, — обязаны были преслѣдовать и выдавать преступниковъ или платить вмѣсто нихъ виру. *Кличъ* (вапай) — помогайте — вполнѣ извѣстенъ Винодольскимъ Законамъ: «всяки море звати — помогайте, ако види делаютъ ники зло» (24). Съ обязанностью являться на кличъ, естественно, должна была также соединяться повинность дикой виры, при неявиѣ сосѣдей на кличъ или невыдачѣ ими виновнаго (о кличѣ см. 7 — 9, 23, 24). По Винодольскимъ Законамъ, повинность вражды падаетъ прежде всего на ближиковъ (вервь Правды) и реди, или семью виновнаго. Если этотъ не имѣлъ ближиковъ, или, чтѣ одно и тоже, не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ «сам по себѣ», то по общему началу круговой поруки, повинность вражды перелагалась на общину терригоріальную, къ которой принадлежалъ преступникъ. Впрочемъ, этотъ случай не предусмотрѣнъ Винодольскими Законами; но рѣшающее его правило — въ духѣ славянскихъ законодательствъ, въ особенности подробно развито Полицимъ Статутомъ и Душановымъ Законникомъ — памятниками, основанными на истарянныхъ общеславянскихъ обычаяхъ.

Замѣтимъ наконецъ, что вражда имѣла мѣсто, не только при убійствѣ, но и при зажигательствѣ, татьбѣ и другихъ преступленіяхъ (кличъ о помощи допускался при всякомъ «злѣ»), какъ это напр. было и по старочешскому праву. Чешская дикая вира, подъ общимъ названіемъ *venditio* (*venditio hominum*), раздѣлялась на *hlavu* (собственно дикая вира Правды), *svod* (при татьбѣ), *nárok* (при разбоѣ и грабежѣ), *nedoregné* (при членоврежденіяхъ и ранахъ) и *hrdost* (при простомъ насиліи, безъ грабежа).

β) *Пени частныя*. По всякимъ преступленіямъ противъ личныхъ и имущест-

венныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, взыскивалось вмѣстѣ съ общественной пеней, также частное вознагражденіе въ пользу обиженнаго, а по убійству — въ пользу дѣтей убитаго пополамъ съ его ближними (31). Частная пена бралась, не только въ такомъ случаѣ, когда преступникъ былъ на лицо, но и, какъ мы видѣли, при взысканіи вражды.

Частныя пени раздѣлялись на нѣсколько видовъ, смотря по роду самыхъ преступленій. Преступленія противъ личныхъ правъ облагались иными пенями, преступленія противъ правъ имущественныхъ — иными: въ обоихъ случаяхъ установилась различная система частныхъ пеней.

Пени за убійство, раны, побои и другія личныя обиды назначались самымъ закономъ въ точно опредѣленномъ количествѣ. Виводольскіе Законы устанавливаютъ здѣсь такую же постепенность взысканій, какъ и при опредѣленіи пеней общественныхъ:

1) *Столибровая пена* — главнымъ образомъ, за убійство кметей. Пена за княжнихъ людей назначалась самымъ княземъ.

2) *Пятидесятилибровая пена* — за изнасилованіе женщинъ. За сверженіе мужниной ховерлицы (покрывача) съ головы женщины положена пена въ 48 либръ.

3) *25-ти либровая пена* — за побои и раны, наносимыя княжнми людьми.

4) *Двулибровая пена* — вообще за безчестіе: «кто неподобно рече или ствар буде говорити никому мужу воля никон жени».

Обиды уплачивались иногда *натурой*, вмѣсто уплаты деньгами. За побои, раны и другія личныя обиды между кметями, обиженный получалъ двухъ барановъ и «ликарию» (гѣбное Правды); точно также двѣ овцы получала женщина, если другая сбрасывала съ нее головной покровъ (25, 27, 28, 30, 31, 56).

Отношеніе частныхъ пеней къ общественнымъ было различно. Одни пени, напр. за убійство кметей или безчестіе женщинъ, значительно превышали пени общественныя, составляли главную часть осуди или вражды; пена княжая или общинная составляла какъ бы придаточный платежъ (за убійство кметей назначалась частная пена въ 100 либръ, общинная — только въ 2 либра; за безчестіе женщина получала 48 либръ, при княжей пенѣ въ 2 либра). Другія пени (за изнасилованіе и «неподобно ствар») уравниваются съ вирой или составляютъ ея половину (полувиры Правды). Полувиры назначаются за раны и личныя обиды княжнихъ людей (28, 30, 56 и др.).

Частное вознагражденіе по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ устанавливается на иномъ основаніи — соразмѣрно съ цѣною воровскихъ или испорченныхъ вещей, вообще смотря по шкодѣ, также по общественному положенію лицъ, которыхъ права нарушены. При татѣвѣ кметь беретъ «шкоду дуплу» (въ другомъ мѣстѣ — «од еднога .в.»), т. е. *вдвое* больше противъ личнаго; княжій дворъ и служабники — *всемеро* (од еднога .з.). Поджигатель платитъ вообще «шкоду» частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ поджога (8, 35, 36, 50, 62).

Винодольскіе Законы не опредѣляютъ «цѣны» за воровство и порчу вещей, какъ это мы видимъ напр. въ Русской Правдѣ, устанавливающей разъ навсегда опредѣленныя нормы частнаго вознагражденія по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Виновный, по Законамъ, платитъ вдвое или въ семь разъ больше противъ поличнаго, вообще «шкоду»; но при этомъ не опредѣляется, кто и какъ именно оцѣняетъ шкоду и назначаетъ сообразное съ ней количество частной пени. Можно думать, что если дикая вира въ нѣкоторыхъ случаяхъ (за княщихъ людей) опредѣлялась судьей, именно княземъ, по договору (заговору) его съ тѣми, кто долженъ платить виру, то такой же самый порядокъ могъ быть общимъ правиломъ и при назначеніи татѣбныхъ и иныхъ пеней, не опредѣлявшихся точно закономъ. Къ такимъ пенямъ, количество которыхъ не опредѣлялось закономъ, нужно въ особенности примѣнять названія — *завезы*, *заговоры* и *рачени*, упоминающіяся въ числѣ судебныхъ пеней (14, 55, 75). Они имѣли значеніе пеней, опредѣлявшихся не закономъ, но договоромъ или соглашеніемъ (заговор, завез—отсюда и самое названіе пеней) сторонъ съ судьей. Какъ видно изъ указанныхъ статей, завезы могъ назначать князь и общинные судьи, смотря по подсудности дѣлу, подлежащихъ суду князю или общинному.

d) Упоминаются наконецъ взысканія по преступленіямъ противъ *должностей*. Приставъ, взявшій съ тяжущихся излишнюю плату за помощь на судѣ, лишается (въ видѣ штрафа) одного вола или платитъ осудъ (50 либръ), въ пользу князя и общины пополамъ; за ложное показаніе на судѣ онъ лишается всего имущества и удаляется съ должности (48, 51). Подобнымъ образомъ, попъ, не исполняющій своихъ «офицій», теряетъ вола въ пользу князя и общины (58).

Такова система наказаній Винодольскихъ Законовъ. Она слагается изъ матене и осуди — главныхъ наказаній, къ которымъ можно возвести всѣ отдѣльные ихъ виды.

Матене состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго «на животь и смерть» или къ выдачѣ на произволъ князя. Въ такомъ смыслѣ матене назначается, какъ возмездіе за особенно важныя преступления — измѣну, убійство и членоврежденія княжихъ людей, за нѣкоторыя повторенныя преступления — отравленіе и зажигательство; матене допускается также въ значеніи замѣны денежныхъ взысканій, при несостоятельности виновнаго къ ихъ уплатѣ.

Осудъ имѣла значеніе денежнаго выкупа за частную «шкоду» и общественное «зло». По количеству осуди общественной и частной, преступления, не влекшія за собой матене, группируются въ три главные вида :

а) Отравленіе и зажигательство, учиненныя впервые; изнасилованіе женщинъ, убійство кметовъ и личные обиды княжихъ людей;

б) разбой, грабежъ и ночная татьба внѣ града (съ кличемъ);

γ) личные обиды кметей и вообще безчестіе безъ побоевъ; градская татьба вообще и татьба дневная (и ночная, безъ клича) внѣ града.

IV. *Процессы*. Винодольскіе Законы, въ большинствѣ своихъ статей, представ

ляютъ большую аналогію съ старорусскими судными грамотами, по преимуществу излагающими правила судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы имѣли главной своей цѣлью — установить точныя правила по преимуществу обвинительнаго суда (*правды, наравы, иногда осуди*), безъ особыхъ различій между процессомъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы не представляютъ такихъ рѣзкихъ особенностей въ процессѣ по отдѣльнымъ ролямъ дѣлъ, какими вообще отличается процессъ Правды. Казуистическія статьи попадаются и въ Винодольскихъ Законахъ; по на ряду съ ними усиливаются общія положенія (напр. въ ученіи объ искѣ, доказательствахъ и пр.), дающія отдѣльнымъ процессуальнымъ дѣйствіямъ болѣе опредѣленный и законченный характеръ. Вообще процессъ Законовъ отличается еще патриархальной простотой и несложностью формъ: нѣкоторыя части процесса, напр. личба (*vadium*), могли производиться, между прочимъ, предъ сатникомъ или его женой, «какъ би сатникъ онде не билъ». Самый судъ имѣлъ посредническій характеръ; судьи какъ бы только присутствовали на судѣ, — наиболѣе дѣятельная роль принадлежала самымъ тяжущимся.

Стороны носятъ различныя названія. *Страна* — общее названіе истца и отвѣтчика. Истецъ также называется *парац*, отвѣтчикъ — супротивъ, *супротивникъ, страна супротивна, держан, осваен, остачен* (7, 28, 47, 48, 51 — 53, 56, 60, 68). Каждый могъ, не только лично являться на судѣ, но и посылать вмѣсто себя *одветника (одговорника)*. Послѣдній получаетъ, за свое *одговорене*, отъ пригласившей его стороны плату по узаконенной таксѣ, — за большое дѣло не больше 10 солиновъ, за малое — 5 солд. Отговорникъ долженъ принадлежать къ одному состоянію съ своей стороною: кметъ, безъ дозволенія двора, не могъ быть отвѣтникомъ племяннаго человѣка и на оборотъ (10, 54).

Винодольскимъ Законамъ не извѣстны ограниченія *права судебной защиты*, встрѣчающіяся въ Правдѣ и другихъ древнихъ уставахъ Славянъ. Не развѣвъ института холопства, винодольскій уставъ вовсе не касается вопроса о положеніи холоповъ въ сферѣ суда, — вопроса, отрицательно рѣшаемаго Правдой. Можетъ быть, право судебной защиты не было доступно для однихъ стонниковъ, стоявшихъ какъ бы внѣ закона, лишенныхъ всякой правоспособности.

Съ другой стороны, Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, допускаютъ «правду», не только противъ виновнаго, но и противъ другихъ лицъ. Ближники, иногда и община (территориальная), призывались къ суду, для отвѣта по дѣламъ своихъ членовъ, лично уклонявшихся отъ суда и наказанія (см. о дикой вирѣ).

Процессъ, какъ и въ Русской Правдѣ, могъ вчиняться, или вслѣдствіе поимки виновнаго на преступленіи, съ *знаменемъ, тратомъ* (лицомъ Правды), или въ слѣдствіе *тужбы, остаченія* (поклепа). Въ обоихъ случаяхъ устанавливались различныя процессуальныя порядки.

Поимка преступника съ знаменемъ должна была всегда сопровождаться *кличемъ — помачайте*. Людямъ, сходившимся на кличъ, показывалось лицо и самъ преступникъ, который вслѣдъ за тѣмъ представлялся въ судѣ (по 14 статьѣ, не дальше трехъ дней должно представить поличное въ судѣ). Дѣло рѣшалось на судѣ, безъ особеннаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «верованихъ

сведоковъ», которымъ послѣ клича дѣлалось объявленіе (*показаніе*) о шкодѣ. Показанія обиженнаго и сведоковъ были главной основой суда надъ лицами, пойманными съ знаменемъ (23, 41). Такой же самый порядокъ суда «лицованныхъ» преступниковъ, съ немногими исключеніями, былъ издавна въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. О немъ говоритъ Русская Правда, старыя чешскіе и другіе памятники славянскихъ законодательствъ (Ланге Исслѣд. 256 Ирѣчка Slav. pr. I. 188. П. 223).

Тужба и *остаченъе* (иногда притча, пра) соотвѣтствуютъ поклепу Правды, чешскому нарку или литовскому соченью. *Пра* и *притча* означали собственно искъ и дѣла гражданскія; но иногда и акты вчинанія процесса по уголовнымъ дѣламъ называются пра. Большою же частію, уголовный клеветъ носить названіе тужбы и остаченья (9, 22, 23, 27, 48, 53 и пр.). Въ тужбѣ нужно видѣть первый актъ вчинанія процесса противъ нелицованнаго преступника, не пойманнаго съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія. По Винодольскимъ Законамъ, гдѣ нѣтъ тужбы, тамъ нѣтъ и суда (кади не би била тужба, ній едан осуд). Никого нельзя принуждать къ вчинанію тужбы: она предоставляется свободной волѣ каждаго (ш нега добру волю); начатую тужбу слѣдуетъ «на конецъ припелати» (38). Всякая тужба должна быть доказана; иначе за нее грозитъ пеня, какой подлежалъ бы обвиненный при дѣйствительности остаченья (60).

Винодольскій уставъ не говоритъ подробно объ отдѣльныхъ *поклепныхъ актахъ*. Изъ соображенія отдѣльныхъ статей видно, что къ такимъ актамъ относились: указане стороннимъ людямъ и суду шкоды и лицъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе и обвиненіе въ ея совершеніи, — осмотръ шкоды и вызовъ отвѣтчика къ суду. Къ предварительнымъ судебнымъ дѣйствіямъ въ гражданскомъ процессѣ относится главнымъ образомъ позовъ; въ вещныхъ цѣскахъ допускается такъ называемая личба.

Указане соотвѣтствуетъ оповѣди (opoved) чешскаго права, заповѣди Правды, и состояло въ заявленіи стороннимъ людямъ и суду о шкодѣ. Если сосѣди созывались, посредствомъ клича, при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. Объявленіе такое, посредствомъ *клича* (заклича Правды) сосѣдей, было существенной принадлежностью процесса у всѣхъ Славянъ; указанія на него встрѣчаемъ также въ винодольскомъ уставѣ. Кромѣ клича сосѣдей, обиженный долженъ былъ заявлять о своей шкодѣ суду. «Я теби показую такова од такове ричи, или: тебѣ дим, да таков е учинилъ такову рич», — обыкновенная формула первоначальной тужбы истца или сока, заявлявшаго предъ судомъ о шкодѣ и ея виновникѣ (60).

Для *осмотра* шкоды, по заявленной тужбѣ и остаченью, судъ отряжалъ пристава; показанія его на судѣ принимались послѣ въ число основаній судебного приговора. Приставъ получалъ особое вознагражденіе за свой трудъ; если при осмотрѣ оказывалось, что поличное малой цѣны (напр. мало говедо, мелкій скотъ) не обрѣталось въ цѣлости, то оно отдавалось приставу, а хозяинъ «ишти свое правди» (48 — 50).

О *позвѣ* мало говорятъ Винодольскіе Законы. Извѣстно только, что для про-

изводства позововъ означались особыми лицами, подъ названіемъ позовниковъ (65, 73); но какъ и въ какихъ формахъ производился самый позовъ, — объ этомъ ничего не известно.

Винодольскіе Законы упоминаютъ еще о *личбѣ*, какъ объ отдѣльномъ процессуальномъ дѣйствіи, не указывая впрочемъ на сущность этого учрежденія. Личба можетъ имѣть мѣсто предъ княземъ и всякимъ его официаломъ, также предъ сатникомъ, а въ его небытность, — и предъ его женой. Лица, предъ которыми производится личба, получаютъ осудъ отъ сторонъ (не больше 6-ти либръ). Исследователи видятъ въ личбѣ сходство съ судебнымъ zakładомъ — чешскимъ *vdání*, *vadium*, *traditio* или *assignatio* другихъ законодательствъ. (См. Винод. Зак. 39, 61. Объ общемъ значеніи этого учрежденія у Славянъ см. Ирѣчка *Stav. pr. I. 178—181. II. 217 — 222; Мацѣйовскаго Hist. I. 243. III. 275 — 279; Шафарика O Wzdání. въ Casop. cesk. 1844, стр. 385 — 399).*

Болѣе подробно развито ученіе о *судебныхъ доказательствахъ* (показане). Винодольскіе Законы относятъ къ нимъ собственное признаніе, письменные акты, показанія свидѣтелей, присягу, поличное и улики, въ значеніи главныхъ и вспомогательныхъ средствъ судебной защиты. Въ особенности ученіе о свидѣтеляхъ (простыхъ сведокахъ и поротникахъ), ротѣ и лицѣ построено на началахъ, одинаково развитыхъ Русскою Правдою и другими памятниками славянскихъ законодательствъ. Собственно въ одномъ пунктѣ замѣтно значительное отступленіе Винодольскихъ Законовъ отъ Правды; въ нихъ нѣтъ ни слова объ *ордаляхъ*, развитыхъ въ особенности древнимъ законодательствомъ русскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Изъ хорватскихъ памятниковъ мы встрѣтили указанія на божьи суды, впрочемъ какъ уже на отжившій свое время институтъ, только въ грамотахъ XIII вѣка (1231 и др. годовъ), отмѣнявшихъ вездѣ обычай судебныхъ поединковъ (*Kukuljevića Jura I. 57. 113 и пр.*). Нѣтъ сомнѣнія, что у Хорватовъ, какъ и у всѣхъ Славянъ, въ старое время были въ обычаѣ и другіе виды ордалій (жельзо, вода); въ періодъ статутовъ XIII вѣка они уже потеряли практическое значеніе. Въ позднѣйшихъ уставахъ нѣкоторыхъ далматскихъ общинъ, вмѣсто ордалій, упоминаются муки, въ общемъ значеніи пытокъ (Рейца *Полятич. устр. 22, 193*).

Мы скажемъ объ отдѣльныхъ родахъ судебныхъ доказательствъ, насколько они развиты въ Винодольскихъ Законахъ.

а) *Собственное признаніе*. Сюда относится слѣдующее правило Законовъ: подсудимый, при допросѣ (пристава или истца) — «е тако, воля ній», можетъ сознаться въ своей винѣ, но можетъ и отречься, «повидати волянъ е, воля танти» (21). Признанію дается вполне свободный характеръ; къ нему нельзя никого принуждать насильно.

б) *Письменные акты*. Упоминаются одни «квадрьни», — торговые книги, входящія въ число доказательствъ по спорамъ между торговцами. Книгамъ не дается, впрочемъ, полной доказательной силы; при нихъ требуются еще свидѣтели, а по долгамъ меньшей важности (до 50 либровъ) дозволяется подкрѣплять книги присягой (44).

в) *Свидѣтели* (сведоки, свидоци, свидочаство). Этотъ родъ судебныхъ

доказательствъ особенно подробно развитъ вь Винодольскомъ уставѣ, придававшимъ свидѣльскимъ показаніямъ весьма важное значеніе въ процессѣ по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Показанія свидѣтелей, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, имѣютъ полную доказательную силу: при нихъ не требуются другія доказательства, необходимыя только при недостаткѣ свидѣтелей. Въ уставѣ прямо говорится: кто представляетъ предъ судомъ доказательства, тотъ долженъ прежде всего сослаться (помянуть) на свидѣтелей и доказать, «да тако ест». Съ другой стороны, если сторона представляетъ другія доказательства, особенно не имѣющія полной силы, они должны быть подтверждены свидѣтелями (11, 22, 56, 64 и пр.).

Винодольскій уставъ, подобно Правдѣ, различаетъ сведоковъ и поротниковъ, устанавливая спеціальныя условія дѣйствительности показаній тѣхъ и другихъ.

а) *Сведоки*. Подъ ними разумѣются очевидцы, посторонніе знатоки дѣла. Отъ сведоковъ требуются слѣдующія условія:

1) *Доброе имя* (добрый гласъ). Винодольскіе Законы требуютъ, чтобы къ показаніямъ на судѣ, въ качествѣ сведоковъ, допускались «добрые, вѣрованные люди или подобные сведоки, добрые мужи, сведоки добра гласа». Только показанія добрыхъ людей, пользующихся хорошей репутаціей, принимаются за «веровано сведоцтво». Добраго гласа, а съ нимъ и права быть свидѣтелемъ, лишаются въ особенности люди, изобличенные въ «фалсъ», жесвидѣльствѣ. (7, 18, 23, 27, 28, 30, 44, 52, 53, 59, 66).

2) *Знаніе дѣла*. Стороны (истецъ и отвѣтчикъ) доказываютъ своими свидѣтелями, «да тако ест». Ссылаясь на свидѣтелей, истецъ или отвѣтчикъ обращался къ судѣ съ словами: «та и таков *ви* (вѣдаетъ, знаетъ), да тако естъ» (22, 47). Кромѣ свидѣтелей, непосредственно знакомыхъ съ обстоятельствами, о которыхъ даютъ показанія, дозволялось въ вещныхъ и долговыхъ искахъ прибѣгать къ доказательству «*мъртвыми сведоки*», т. е. истцу дозволялось, если не было въ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ, сослаться на стороннихъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ *по слуху*, слышавшихъ о дѣлѣ отъ очевидцевъ при ихъ жизни. Свидѣтельство по слуху не имѣетъ полной доказательной силы; при этомъ требуется еще подтвердительная присяга стороны, ссылающейся на свидѣтельство по слуху (76).

3) *Число* сведоковъ опредѣляется различно. Иногда требуются просто «сведоци» или «веровани сведок». Въ большинствѣ случаевъ принимается *мінімумъ* — три свидѣтеля по большимъ дѣламъ и одинъ свидѣтель — въ обыкновенныхъ случаяхъ (7, 23, 27, 28, 52).

4) Не видно, чтобы отъ сведоковъ требовалась *присяга*. Она составляла главное условіе дѣйствительности показаній поротниковъ.

5) Въ некоторыхъ случаяхъ принималось во вниманіе *общественное положеніе* сведоковъ. Сатникъ, грашникъ и бусовить, по дѣламъ, имѣвшимъ связь съ ихъ службой, допускались къ свидѣтельству не иначе, какъ по прошествіи года со времени оставленія ими должностей (26). Собственно сословныя различія не имѣли

жалобы или обвиненія (тужбы, остаченья). *Отвѣтчики очищали* свою невинность, тоже посредствомъ своихъ поротниковъ: «осваени од негa нма се *очиститими* само педесет, найдуть своихъ поротники». Поротники, по выраженію чешскихъ источниковъ, подтверждали «*dobru aneb zlu povest*» (хорошую или дурную репутацію) отвѣтника или истца (о поротникахъ истца см. Винод. Закон. 41, 56; отвѣтника — 9 — 10, 68).

Поротники допускались только при тужбѣ въ *тяжкихъ* преступленіяхъ и устраивались въ такихъ случаяхъ, когда требовались положительные доказательства, безъ помощи поротниковъ. Къ дѣламъ, по которымъ они допускались, Винодольскіе Законы относятъ: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщннъ, также татьбу и зажигательство (9 — 11, 56, 68).

Къ главнымъ условіямъ допущенія поротниковъ по исчисленнымъ дѣламъ относятся:

1) *Тужба (остаченья)*. Поротники допускаются только противъ и для «осваениныхъ», т. е. лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но уличенныхъ, явно подозреваемыхъ въ совершеніи преступленія (ако су в тои татби шкоднѣ), особенно если противъ нихъ «клицано — помагай». Тужба голословная, ни на чемъ не основанная, не считается еще достаточнымъ поводомъ допущенія очистниковъ, — для этого необходимы прежде всего явныя улики въ винѣ подсудимаго. Винодольскіе Законы считаютъ поротниковъ вполне «верованными», если истецъ, при своей тужбѣ, представитъ въ судъ положительное, какъ главную улику противъ подсудимаго: «оним ротником ни ма се веровати, него ако возму vsаки трат ки е преграшил за негa кривину знамене» (9. 41, 68).

2) Недостатокъ *сведочастивъ* и другихъ *положительныхъ доказательствъ*. Истецъ могъ обращаться къ своимъ поротникамъ, если, при явныхъ уликахъ, онъ не имѣлъ свидѣтелей и другихъ прямыхъ доказательствъ: «ако се не буде могал направити ш ню по ники закон, воля ако од речене сили ни ма сведоки», — или просто: «ако ни ма сведоци свѣрху кривца». Въ тѣхъ же случаяхъ отвѣтчикъ долженъ былъ присягать съ поротниками, если истецъ откажется отъ своего довода, пустить противника на присягу, «пусти се на роту» (9, 11, 56, 68).

3) *Число* поротниковъ точно опредѣляется самымъ закономъ. Винодольскій уставъ призываетъ поротниковъ, назначая *минимумъ*, смотря по роду дѣла. Самое большее число поротниковъ требуется при разбой: кривацъ, пущенный истцомъ на роту, долженъ присягать «само .п. тер .е.». — съ 85 поротниками (въ параллельномъ текстѣ, по ошибкѣ, сказано: .к. тер .е.). Обвиненный въ убійствѣ очищается «само педесет». При изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татьбѣ — 12, малой — 6 поротниковъ (9 — 11, 56, 68). Эти числа означаютъ только *минимумъ*; но уставъ часто предлагаетъ истцу или отвѣтчику — «вацди поротнике како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море». При недостаткѣ требуемаго числа поротниковъ, сторона, ихъ представившая, обязана сама произвестъ очистительную присягу за каждого изъ недостающихъ поротниковъ (10, 56, 68).

4) Поротники должны были удовлетворять также общимъ условіямъ на равнѣ съ простыми сведоками. По крайней мѣрѣ, поротники избирались изъ *добрыхъ* (вѣ рованныхъ) людей, пользовавшихся хорошей репутаціей; изнасилованная женщина представляла поротниковъ изъ *женщины же*, «како болю вѣ» (41, 56). Не видно, чтобъ допущеніе кого либо въ поротники зависѣло отъ общественнаго положенія и семейныхъ связей съ тяжущимися.

Поротники собирались на купы, «на месту обичайномъ», всегда въ присутствіи дворянскаго человѣка (пристава и пр.). Послѣ предварительнаго заявленія сходкѣ со стороны отговорника о готовности поротниковъ къ присягѣ, они присягали вмѣстѣ съ своей стороной или отдѣльно отъ нея, каждый порознь касаясь рукой евангелія и произнося «роту» по установленной формѣ. Отъ поротниковъ требовалось, чтобъ они произносили роту (форму присяги) безъ ошибки, «не уманькаю»; иначе сторона, съ которой они присягали, терла свое дѣло: супротивникъ «буде одришен од грѣха» (42, 44, 56, 69). При безукоризненномъ исполненіи роты, дѣло считалось окончательно порѣшеннымъ.

Замѣтимъ наконецъ, что показанія поротниковъ, какъ видно изъ Винодольскихъ Законовъ, почти уравнивались съ судебнымъ приговоромъ. Выраженіе: «люди ротници за *осудити* кривце», ясно указываетъ на важную роль поротниковъ въ процессѣ. Своими присяжными показаніями они осуждали виновнаго; для судей ничего больше не оставалось, какъ только формулировать приговоръ поротниковъ. Поротники такимъ образомъ сближались до извѣстной степени съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ, въ значеніи не сторонниковъ тяжущихся, но судебныхъ органовъ.

d). *Присяга* (рота). Показанія сведоковъ и поротниковъ принимаются Винодольскими Законами, какъ главные средства судебной защиты, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Рота выступаетъ на первый планъ только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ свидѣтелей. Въ Законахъ прямо говорится: «вапѹт убо помагайте (при ночной татѣбѣ, безъ свидѣтелей), есу веровани, *ако реку с роту* (подъ присягой), да есу онога злотворца познали» (7); или еще яснѣе: «ако парац *ни ма свидочаства* свѣрху кривца и пусти се на роту»; или «ако убо онде *ни су сведоци добри*, присези, ки таи» (9, 27). Подобнымъ же образомъ, истецъ или отвѣтчикъ восполнялъ собственной присягой не достающее число поротниковъ (10, 56, 68). Во всѣхъ такихъ случаяхъ присяга имѣла значеніе *полною* судебного доказательства. Иногда присяга требовалась, только какъ *вспомогательное* доказательство, при другихъ не имѣвшихъ полной силы. Такимъ образомъ, «кърв (кровавыя раны, имѣвшія сами по себѣ не полную силу) ну е верована, ништар няѣт *ниа с роту потвѣрдити*, ако ну су онде сведоци» (64): при ранахъ необходимы еще дополнительныя доказательства — свидѣтели или присяга, восполняющія доказательную силу ранъ. Въ значеніи же вспомогательнаго средства допускается присяга въ долговыхъ и вещныхъ искахъ. Если цѣнность иска превышала положенную норму (50 либровъ — въ спорахъ между торговцами, 1 либрь — въ меньшихъ школахъ), то книги (торговныя) нужно было еще «притвѣрдити» присягой (42 — 44).

Стороны присягали сами, а въ болѣ важныхъ случаяхъ — съ поротниками, которые, какъ мы видѣли, призывались въ важнѣйшихъ дѣлахъ и подкрѣпляли въ данномъ случаѣ достовѣрность присяги истца или отвѣтчика. По различію сторонъ, приносившихъ присягу въ защиту своей правоты, присяга раздѣлялась на *подтвердительную* и *очистительную*. Подтвердительная присяга истца дозволялась предпочтительно предъ очистительной присягой отвѣтчика (о присягахъ истца см. 7, 42—44, 64; отвѣтчика — 9, 27). Истцу въ особенности давалось преимущественное право на присягу, если противъ отвѣтчика предъявленъ поклепъ или есть какія либо улики, напр. клячь, знаки или слѣды преступленія и пр. (7, 64). Въ такихъ случаяхъ завсѣло отъ воли истца — присягать ли самому, или «пустить на роту» отвѣтчика, возложить на него обязанность очиститься отъ обвинения присягой, или наконецъ вовсе освободить его отъ присяги (добро простати или пустити роту), ограничившись лишь показаніями по совѣсти (9, 27, 69).

Присяга имѣла тѣ же послѣдствія, какъ и показанія свидѣтелей. Присяга имѣла вполне дѣйствительную силу, если произнесена «с рота свержъ книгъ» («таштут у свето евангеле»), «не уманькау», безъ запяпки и ошибокъ (42, 44). Кто надлежащимъ образомъ исполнитъ присягу, тотъ «буди прост, одришен од тога гриха», — «од те правде (суда) ни ма се вете наприд брижити (прити, искать), на паче пошнціон та (о которомъ шелъ споръ) слободно и мирно уживай тере държи» (27, 56, 76).

е) *Полчинов* и *улики* (знамене, трат, кърв, знаки и пр.). Лицу Правды соотвѣтствуетъ *знамене* Винодольскихъ Законовъ, какъ и *лицованный* злотвораць вполне напоминаетъ лицованнаго (prilicny, licovany, licny) преступника чешскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ. Понимка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ клячь, сама собой изобличала его въ преступленіи, была такимъ же рѣшительнымъ доказательствомъ, какъ и показанія свидѣтелей (23, 71).

Подъ знаменемъ разумѣются въ винодольскомъ уставѣ также простыя *улики* (трат, слѣд, кърв, знаки и проч.). Знаменіе, въ значеніи лица и простой улики, должно быть предварительно показано «верованнымъ сведокамъ» и представлено судьямъ, «приказано к правдѣ». Изъ статьи о кровавыхъ ранахъ (кърви) видно, что простыя улики не составляли полного доказательства, восполнялись еще вспомогательными средствами — свидѣтели или присягой (23, 41, 64).

Ученіе о судебныхъ доказательствахъ, какъ главномъ основаніи цѣлаго процесса, почерпываетъ собой почти всѣ постановленія Винодольскихъ Законовъ по судопроизводству. Опредѣляя до подробностей средства судебной защиты, Законы заканчиваютъ этия свое ученіе о процессѣ, въ особенности почти вовсе умалчиваютъ о постановленіи и исполненіи *судбныхъ приговоровъ* (направа, осуд, одсуд). Видно только, что правѣ *мелокимни осуд* усвоится судьямъ. «Показаніе» (доказательства) сторонъ — главныя основанія приговора; въ немъ судья оправдывали или обвиняли отвѣтчика, назначая пени по закону или «заговору» сторонъ. Обвиняемый, доисправившійся своего права по суду, могъ требовать, чтобы за обиду было ему «задоволе учинено» (25, 31, 40).

Винодолскіе Законы представляют сборникъ старыхъ обычаевъ, по которымъ издавна жили винодолскія общины. Подобно Русской Правдѣ, Псковской судной грамотѣ и другимъ древнѣйшимъ русскимъ уставамъ, Законы отличаются судебно-административнымъ характеромъ, главнѣйшимъ образомъ касаются отношеній права уголовного и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе въ уставѣ винодолскомъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ общинъ. Любители славянской старины найдутъ въ немъ пропасть указаній на институты глубокой древности, берущіе свое начало чуть ли еще не въ эпоху общеплеменной жизни Славянъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что Винодолскимъ Закономъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ, — ихъ нужно ставить рядомъ съ Русской Правдой, Душановымъ Законникомъ, Полцкимъ Статутомъ и пр.

Мы не совсѣмъ исчерпали богатое содержаніе Винодолскихъ Законовъ, только намѣтили бодѣ крупныя явленія, указывающія съ особенной яркостью и очевидностью на сходство Законовъ со всѣми древнѣйшими памятниками славянскихъ законодательствъ. Полное объясненіе Винодолскихъ Законовъ въ настоящее время едва ли и возможно, при большой испорченности многихъ мѣстъ устава по изданію Мажуранича. Можно пожелать, чтобы вмѣсто доступнаго доселѣ для научныхъ изслѣдованій стараго списка Законовъ, читающагося съ большимъ трудомъ, обнаруженъ былъ вновь открытый его списокъ, сколько извѣстно менѣе испорченный, сравнительно съ старымъ спискомъ.

Мацѣйовскій, переводомъ Винодолскихъ Законовъ на польскій языкъ (Hist. VI. 332 — 350), значительно облегчилъ пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, переводомъ Мацѣйовскаго нужно пользоваться съ большою осторожностію: въ немъ нередко допущены большія неточности и крайне произвольныя толкованія, извращающія настоящій смыслъ постановленій, — не вѣрно переданы, не только отдѣльныя слова и выраженія, но и часто цѣлыя статьи устава. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшія мѣста, не точно переданныя Мацѣйовскимъ.

Ст. 3. Оште свѣрху поп *оптине речене* та исти бискуп не море ниште заповнати, воля взети, *пере да он сам пошле*, воля гре по кнежтву.

Nie może też Biskup Księżom jakowej gminy nakazywać lub odejmować im co, chyba gdy wprost od siebie da nakaz, lub uczyni to w czasie swego po księstwie przejazdu.

Въ переводѣ невѣрно передано значеніе «*оптине речене*». Здѣсь, какъ видно изъ самаго смысла статьи, говорится не объ отдѣльной общинѣ, входящей въ составъ Винодола, но о цѣломъ Винодолѣ, называвшемся также оптиной. Кроме того, переводъ цѣлой статьи просто не имѣетъ смысла, грѣшитъ явнымъ противорѣчіемъ между обѣими частями постановленія: если епископъ не могъ ничего приказывать, то не значить ли это, что онъ и «*wprost od siebie*» не могъ давать «наказа»? Дѣло въ томъ, что 2 и 3 статьи говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ — о запрещеніи епископу брать что либо у церквей, монастырей и поповъ самовольно, безъ согласія церковныхъ старостъ и поповъ. По второй статьѣ, «*eпископъ не можетъ ничего налагать или брать у церквей, аббатствъ или монастырей,*

кроме того, что дадутъ церковные старосты по своей доброй волѣ». Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ переводить и третью статью:

«Епископъ не можетъ ничего приказывать, ни брать у мона упоминаемой общины (Винодола), кроме тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ (т. е. поплъ) пошлетъ (епископу), или когда (епископъ) идетъ по княжеству».

Ст. 9. Ако буде пред двором од силн пра, воля од татби, свърху ке буду ричи, и парац ни ма сведочаства свърху кривца и пусти се на роту, *од рубань* *) *има кривац присет само .п. тер. .е., **)* и от татби именовани свержу само .vi., ако су в тои и татби шкодни, и ако онде е кличан — помазан.

Gdy się spierają przed dworem (czyli księciem) o gwałt lub kradzież jakiej bądź rzeczy, a powód nie mogąc przeciwnika przeprzeć świadkami puści się na przysięgę o rozboj, (ma wtedy oskarżony (o tenże rozboj) przysiądz samo 20 lub 25, a powód samo 12 tylko: ów że nie słusznie oskarżony jest, a ten że skarży go słusznie i że wolano pomagajcie.

Мацѣйовскій рѣшительно не понялъ смысла статьи. Въ ней дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда истецъ, въ дѣлѣ по разбою или татьбѣ, не имѣетъ свидѣтелей (простыхъ очевидцевъ) и пустить отвѣтника на присягу, т. е. предоставить ему очиститься отъ обвиненія собственной присягой съ поротниками. Пуская отвѣтника на роту, истецъ тѣмъ самымъ отказывался отъ своего права обратиться къ поротникамъ, — дѣло рѣшалось по одной очистительной присягѣ отвѣтника. Въ настоящемъ случаѣ говорится объ обвиненіи по двумъ различнымъ преступленіямъ (разбою и татьбѣ) и о поротникахъ одного отвѣтника. Естественно требовать, чтобы обвиненіе въ болѣе тяжкомъ преступленіи (разбой) очищалось и болѣшимъ числомъ поротниковъ (85-ю, а не 20 или 25-ю по переводу), чѣмъ обвиненіе въ меньшемъ преступленіи (татьбѣ, — только 12 пороти.). — Окончаніе статьи, отъ словъ: «акои су въ тои и татби», также невѣрно понято. Дѣло въ томъ, что истецъ не всегда могъ пускать отвѣтника на роту, т. е., другими словами, не всегда могъ валагать на него часто хлопотливую и затруднительную обязанность отыскивать поротниковъ и присягать съ ними. Русская Правда допускаетъ очистниковъ только при поклепѣ, чешскіе законы — тоже только при соченьи или нарокѣ. Того же начала держатся и Винодольскіе Законы. Въ нихъ принято за правило — дозволить истцу пускать кривца на роту только въ такомъ случаѣ, когда кривацъ «в тои и татби шкодни», т. е. когда явно подозрѣвается или обвиняется въ совершеніи татьбы, и когда при томъ былъ кличъ о помощи. И такъ, настоящую статью слѣдуетъ переводить такимъ образомъ:

«Если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло по разбою или татьбѣ какой либо вещи и истецъ, не имѣя свидѣтелей, пустить виновнаго на присягу, то виновный долженъ присягать — по разбою самъ 85-ть, по татьбѣ самъ 12-ть, коль скоро онъ (виновный) подозрѣвается въ совершеніи татьбы и былъ при томъ кличъ о помощи».

*) Въ параллельномъ текстѣ не вѣрно поставлена запятая послѣ слова «од рубань». Ея мѣсто предъ ижъ.

***) Въ паралл. текстѣ, по ошибкѣ, поставлено: „.п. тер .е.“

Ст. 10. И оште од татбе, од мошуне и отъ жита пожгана, ко стон на поли, и од сена взета и на стогу в ноти од тога учинена¹, има се одприсети само шест. И ни ма имити одговорника тат през воле двора: ниште мане он, ки присети има, нанди поротнике....

Także oskarżony o kradzież, o popalenie zboża będącego w wiązce, lub żyta stojącego na polu, zżęcie w nosy stana na łące, lub w brogu złożonego, ma odprzysiądz się samo sześć, a złodziej nie ma odprzysiądz się też, chyba gdy dwór pozwoli na to; ten zaś który przysięga, to jest powód, może przywieść oszustników....

Сравнивъ эту статью съ только что разобранный, увидимъ, что въ обѣихъ развивается мысль объ одномъ и томъ же предметѣ, именно объ условіяхъ, при которыхъ допускается для отвѣтчика (не истца) очистительная присяга. Статья девятая обязываетъ отвѣтчика, пущеннаго на роту, нѣтъ въ дѣлахъ по татбѣ (*большой*) 12 поротниковъ. Дальнѣйшее развитіе того же правила представляетъ слѣдующая за тѣмъ десятая статья. Смысль ея слѣдующій: въ тѣхъ же случаяхъ, т. е. когда истецъ пуститъ на роту, обвиняемый въ *малой* татбѣ долженъ присягать самъ — шесть. «Безъ дозволенія двора, татъ не можетъ нѣтъ отговорника (который бы вмѣсто него присягалъ); но тотъ, кто долженъ присягать (татъ), пусть найдетъ поротниковъ» и т. д.

Ст. 22. Оште ако се ки прикаже пред двором притча показане, има помакнути свидоки и указати, да тако ест.

Gdy się kto przykaże ku rozprawie sądowej, slyli zobowiąże stanąc przed dworem i zapisze się na stawienictwo, ma też stawić świadków i pokazać że tak jest, nie mitrząc czasu, i nie nalegając na to ażeby drugi jeszcze дано termin dla stawienia świadków.

Здѣсь также допущено произвольное толкованіе. «Притча» встрѣчается въ древнихъ русскихъ и сербскихъ законахъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи судебного дѣла, исва или тяжбы. Такой же смыслъ имѣетъ притча Винодольскихъ Законовъ, — въ другихъ статьяхъ она называется «пра», что значитъ судебный споръ, искъ. «Показане» — вообще доказательство, представляемое въ подтвержденіе или отрицаніе притчи. Въ настоящемъ случаѣ говорится о доказательствахъ, которыя «приказываетъ» (заявляетъ, представляетъ) истецъ въ подтвержденіе своей притчи. О явкѣ на судъ здѣсь нѣтъ и помину. И такъ, 22 статья можетъ быть переведена такъ:

«Кто представляетъ предъ дворомъ доказательства по (своему) дѣлу, тотъ долженъ сослаться на свидѣтелей и доказать, что такъ есть (какъ утверждаетъ истецъ)».

Ст. 29. И оште ако би ки убил од мокмежиков или од слугу од обители кутине или, од перманов, тер би умал и не могол се оти, да князь вазме вражду.... да ако се еме та злотворац и нега има та исти княз или никн место нега учинити когоди матени буде хотил.

Gdy zastępca księcia lub stuga dworowy księcia pana czyli perman, zabójstwo popełniwszy zbiegnie, i złapany być nie może, wtedy książę wezmie (zrobi) wroźbę.... gdy się pojawi ów zloczynca, może go książę, nikt zaś inny, męczyć jak zechce.

Выраженіе: «ки уби од подкижиновъ», сходно съ слѣдующимъ мѣстомъ 31-й статьи: «ако би ки уби никога кмета или од рода кметъ». Въ обояхъ случаяхъ употреблено одинаковое выраженіе и въ одинаковомъ смыслѣ: кто убилъ *кою* изъ подкижиновъ; кто убилъ какого нибудь кмета или *кою* изъ рода кметовъ. Дѣло въ томъ, что въ 29 — 31 статьяхъ различается одно и тоже положеніе уголовного права. Винодольскіе Законы различаютъ преступленія, касавшіяся княжихъ людей и кметей, людей обтинскихъ. За убійство княжихъ людей вира берется («вазме» не вѣрно пояснено въ переводѣ словомъ «згрові») княземъ; ему же принадлежитъ и право мести (матене). Вира за убійство кметей платятся общинѣ. Вражда равнозначительна съ дикой вирой Правды. Матене не точно переведено словомъ *тѣслубъ*: здѣсь нужно видѣть не больше, какъ выдачу преступника на произволъ князя, — наказаніе, весьма близко подходящее къ потоку Правды. Право «матене» представляется здѣсь не одному князю, какъ говорится въ переводѣ, но и всякому другому, который, вѣсто князя, можетъ учинить матене.

Можно привести еще до десятка мѣстъ, не точно переведенныхъ Мацѣйовскимъ. Таково начало 30-й статьи:

«И оште ако ки учини заседање од речаниа подкижминовъ», т. е. если кто учинитъ засаду *вадъ* кѣмъ изъ упомянутыхъ подкижминовъ. Въ переводѣ сказано: кто изъ подкижиновъ учинитъ засаду.

Статью 32-ю о наслѣдствѣ нужно переводить такъ: «если по смерти отца и матери останутся сыновья и дочери, то къ наслѣдству призываются сыновья (братья тѣхъ дочерей); когда сыновья остались и умерли безъ наслѣдниковъ (роды), тогда имущество отцовское и материнское получаютъ дочери, съ обязанностію отправлять въ пользу двора всю ту службу, которой были обязаны ихъ отецъ и мать».

Въ 43 статьѣ говорится о гвермарѣ и его подружничѣ, «ки вино продае», — о хозяинѣ корчмы и его товарищѣ, или прикащикѣ, отъ имени хозяина завѣдывавшемъ продажей вина. Переводъ говоритъ о «азупкагъ'в оспѣломъ и не оспѣломъ, развозящемъ вино по краю».

Не точно передана вся 45 статья, изложенная въ текстѣ впрочемъ крайне запутано. Прежде всего слѣдуетъ исправить ошибки параллельнаго текста, затѣмъ выясняющія смыслъ закона. Вторую половину статьи мы читаемъ слѣдующимъ образомъ:

.... «схранено, ако би гдну кнезу видети вете дати знати за инки худ оѣицій воля инку ину рич (ка би видети пристояти истому тому кнезу) зверх тих .м. солднин. Има присет, како е дал, вола обетал е дати, он, ки говори, да е ту исту цену дал. И да ю е възскал и знашал, двору за осуда од тих .м. солднин вина ниште дат нере солднин .е.; за воаку малу живину — солднин .е.»

Т. е.: исключая тотъ случай, когда князь захочетъ дать больше 40 солдатъ, за открытіе какого либо злоупотребленія по службѣ или за иное дѣло, касающееся князя. Кто говоритъ (въ случаѣ спора о платѣ), что далъ цѣну или обѣщаль ее дать, тотъ долженъ присягнуть (въ томъ), что онъ (дѣйствительно)

ее дасть. И (въ такомъ случаѣ) тотъ, кто получилъ ее, долженъ дать двору осудь (судебную пеню) изъ тѣхъ 40 солдинновъ не больше 5 солдинновъ, за всякое малое животное — 2 солдина.

Мѣсто 53-й статьи: «вола ако е няки сведок помакнен за няку рич пред двором, а ня(ка) од стран отела би понти супрот своему сведоцеству, море учинити, ако има сведоке», слѣдуетъ переводить такъ:

«Или если какой либо свидѣтель призванъ предъ дворъ по какому либо дѣлу, а одна изъ сторонъ захочетъ пойти противъ своихъ свидѣтелей (т. е. будетъ отрицать ихъ показанія), то ей дозволяется это въ такомъ случаѣ, когда она имѣетъ (другихъ) свидѣтелей».

Мѣсто въ концѣ 56 ст.: «И вси не поротници маю бити жене; и ка се овде рота, да не одговорник има одговорити, да с ону роту присегу, а она има присети, како е згора речено», переводится такъ:

«И всѣ ея (не) поротники должны быть женщины; и когда (наступить) присяга, ея отговорникъ (судебный защитникъ) долженъ заявить, что они (поротники) присягнутъ по ротѣ (формѣ присяги), а она (обиженная) должна присягнуть, какъ выше сказано».

Въ 62-й ст.: осудить «на живот и на смѣртъ» означаетъ осудить на смертную казнь, а не «на заключеніе въ тюрьму, а потомъ на смѣртъ» по переводу.

«Завези и заговоря» 14, 55 и 75 статей означаютъ не «обязательства, противныя закову или заключенныя княземъ безъ воли вѣча», но обыкновенныя судебныя ясни, назначавшіяся не закономъ, но соглашеніемъ сторонъ съ судьями. Пени же слѣдуетъ видѣть въ «рачени, обранене, осуд и банд» 40 и 75 статей. «Банд» 25 статьи = не «гѣкоімі», но также осудь.

Встрѣчаемъ и другія неточности. Напр., «бранене» (брань) 18-й статьи переведено, какъ «danie potnosu znajdujasetu się w potrzebie obgonu». «Господа» 14-й статьи не вѣрно пояснена словоиъ «рап». «Ротники» 73 ст. означаютъ не урядниковъ, завѣдывавшихъ присягами, но присяжныхъ мововниковъ или, что еще вѣроятнѣе, присяжныхъ судей.

ОТДѢЛЪ Ш.

Исслѣдованіе Законовъ града Загреба.

Исторія памятника и обзоръ его содержанія. Указанія по государственному устройству : составъ заградской области; банъ, majores и jobagiones; сопвасationis. Судебныя учрежденія. Гражданское право. Уголовное право. Процессъ.

Загребскіе Законы — небольшой сборникъ, дающій интересныя указанія на учрежденія стараго времени. Мы скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней исторіи памятника и рассмотримъ содержаніе въ особенности древнѣйшихъ законовъ загребскихъ.

Сборникъ состоитъ изъ трехъ разновременныхъ уставовъ: Statutum 1242, Statuta nova 1405 и Statuta 1425 — 29. Для насъ интересенъ преимущественно первый Статутъ, излагающій постановленія по внутреннему устройству общинъ. Остальные два Статута трактуютъ спеціально о границахъ заградской области, о дѣлахъ торговыхъ и о различныхъ повинностяхъ жителей.

Первый Статутъ принадлежитъ къ числу наиболѣе древнихъ хорватскихъ памятниковъ. Составленный въ 1242 г. по желанію жителей и съ дозволенія короля Бела IV, Статутъ нѣсколько разъ подтверждался въ теченіи XIII — XV столѣтій. По позднѣйшей его редакціи 1425 г., онъ изданъ въ архивѣ южнославянской исторіи (I 186—202; также въ Југа I.64 — 65), вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими Статутами.

Къ главнымъ источникамъ Статута 1242 г. нужно относить прежде всего древніе обычаи, какъ это видно изъ первой статьи устава, опредѣляющей виру «juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem». Статутъ составленъ также на основаніи *уставовъ стараго времени* (Statuta et Privilegii), данныхъ Загребу въ различное время.

Статутъ 1242 г. раздѣляется на 15 отдѣльныхъ статей. Большинство статей имѣетъ заглавія и трактуетъ о предметахъ уголовного права и процесса. Статутъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ русскими уставными грамотами, напр. съ Двинской и Бѣлозерской. Кромѣ предметовъ уголовного права и процесса, есть нѣсколько указаній по государственному и гражданскому праву.

а) Государственное устройство по Загребскому Статуту 1242 г. Загребъ съ своей областью, *комитатомъ*, еще до значительной степени удерживаетъ характеръ старой славянской *жупы*, т. е. союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ (*vicus, villa* или просто *communió*), съ центральнымъ своимъ мѣстомъ — *градомъ* (*civitas*). *Territorium* такой жупы слагается изъ *земель* (*тегга*) — округовъ отдѣльныхъ общинъ.

Въ понятіе *conspivium* входитъ вообще совокупность гражданъ пѣлаго Загреба; но иногда подъ *conspivium* разумѣются только члены меньшихъ общинъ. Замѣчательно, что въ Статутѣ 1242 г. вовсе не упоминаются сословія: ему извѣстны только туземцы, собственно граждане (*civis, indigenae, incolae*) и чужеземцы (*hospilis, extranei*). Чужеземцы пользуются защитой закона, на равнѣ съ горожанами.

Король (*гех*) упоминается въ значеніи верховнаго судьи. *Банъ* (*banus*) — мѣстный правитель Славоніи; при немъ состоитъ *vices-banus*. Баны принадлежатъ къ древнѣйшимъ хорватскимъ учреждениямъ. О нихъ упоминаетъ еще Порфирородный. По извѣстіямъ XI — XII вѣковъ, хорватскихъ королей избирали, по обычаю земли, слѣдующіе семь бановъ: *banus Croatiae, b. Bosniae, b. Sclavoniae, b. Posigae, b. Podgratae, b. Albaniae* и *b. Sremi* (Jura I. 21 Arg. II. 4). Какъ видно изъ старыхъ грамотъ, баны уравнивались вообще съ *comes, ducis, jupanis* (жупаны). Изъ позднѣйшихъ учреждений имъ соотвѣтствуютъ *spani, knezi*. Названіе бановъ удержали областные правители хорватскіе до новѣйшаго времени (Jura I. 15, 46. II. 344. Arg. I 203 и слѣд.). Баны извѣстны также въ Босніи и другихъ земляхъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 42. Кстича Разсматривая о старимъ сръбскимъ правнма, въ Гласн. IX, 106).

Общины загребской области управлялись старшинами — *majores* и *jobagiones*. Старшины городскіе носятъ общее названіе *majores civitatis*, сельскіе — *jobagiones de villis*. По грамотѣ 1298 г. загребскаго епископа Августина (сельскимъ общинамъ комитата Загреба) къ *majores civitatis* относятся *comes* града и *castellanus*, къ старшинамъ сельскимъ — *majores villae et senioris*. Старшины избираютъ общины (Jura I. 488).

Названіе *jobadiones* перешло изъ венгерскаго права и означаетъ то же самое, что и славянская *господа*. *Domini terrae* загребскаго устава, по нашему мнѣнію, нужно понимать именно въ смыслѣ *господы*. У всѣхъ южныхъ Славянъ, *господа* означала совокупность учреждений и властей, завѣдывавшихъ общественными дѣлами. Винодольскіе Законы говорятъ въ значеніи *господы* о купѣ, князѣ и другихъ старшинахъ, иногда просто о «господѣ онога града». Въ старыхъ грамотахъ часто упоминается «господа сръбска, рашска, хумьска, дубровачька» и пр. *Господа* извѣстна Полицкому Статуту, Псковской судной грамотѣ, древнимъ чешскимъ законамъ. Вездѣ *господа* означаетъ старшинъ, властелей, главарей, *primates populi, pioseres* и пр. (Jura I. 6, 8, 10 и пр.). Хорватскіе памятники, начиная съ XIII вѣка, говорятъ въ смыслѣ такой же *господы* о *jobadiones*, къ которымъ относятся бановъ, князей, жупановъ, *majores villae* и другихъ народныхъ старшинъ, иногда и *palatini, comitis curiali regis* и пр. (Jura I. 64 — 67, 80. III. 3 и др.). *Господа* и *jobadiones* соотвѣтствуютъ уряду и урядникамъ чешскимъ, польскимъ и литовско-русскимъ.

Въ обычаѣ были наконецъ сходки (*convocatio*) старшинъ и общія народныя сходки. *Fogim* (торгъ Русской Правды, *trh* чешскаго права) — главное мѣсто общихъ сходокъ для суда, торго и другихъ общественныхъ дѣлъ. Въ Статутѣ 1242 г. положено учреждать *fogim* два раза въ годъ — *die Lune et die Jovis*.

Главная дѣятельность господа, т. е. сходокъ и старшинъ, проявляется въ сферѣ суда. Статутъ 1242 г. различаетъ слѣдующія судебныя учрежденія.

1) *Judicium ad regis*. Король считается верховнымъ судьей; къ нему дозволяется апеллировать отъ другихъ (мѣстныхъ) судей.

2) *Судъ общинныхъ старшинъ*. Онъ учреждается на общей сходкѣ (*convocatio*), особенно когда стороны будутъ недовольны приговоромъ своихъ городскихъ судей и перенесутъ дѣло на разсмотрѣнiе старшинъ (*maiores civitatis*).

3) *Судъ городской*. Общинѣ дозволяется ежегодно избирать *judicis civitatis*, по собственному усмотрѣнiю, изъ среды гражданъ, для отправленiя суда въ трибуналѣ или inomъ мѣстѣ. Въ составъ городского суда входили: *judex* и нѣсколько судебныхъ помощниковъ или застѣателей (*assessoris vel consiliiarii*). Нельзя точно опредѣлять значенiя такихъ застѣателей. Въ позднѣйшемъ Статутѣ 1425 — 29 г. часто упоминаются вмѣстѣ *judicis et jurati* (см. Ark. I. 198, 199). Можно полагать, что *assessoris* стараго Статута и позднѣйшіе *jurati* — разныя названiя одного и того же учрежденiя. Ихъ значенiе объясняютъ до значительной степени старыя «hrvatski sudovi» (судныя грамоты). Въ нихъ говорится о судѣ (*stol* или *sud kralea*), состоявшемъ изъ *главнаго судьи* (*knez, zupan*), *присяжныхъ судей* (*sudci rotni*) и *vladania* — племенитыхъ людей, присутствовавшихъ на судебной сходкѣ; приговоръ постановляется присяжными судьями по совѣту (*svit, dogovor*) съ *vladnem*. Такія сходки присяжныхъ судей и *vladania*, какъ и сходки загребскихъ *assessoris* и *jurati*, можно ставить въ параллель съ дубровницкимъ *stanišim* и сербской поротой. Нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣнiй, чтобы уяснить вполнѣ значенiе *jurati* Загребскаго Статута. Замѣтимъ, что въ загребскомъ судоустройствѣ играли довольно замѣтную и, какъ видно, самостоятельную роль «добрые люди», которые еще ближе подходятъ къ понятiю присяжныхъ. Добрые мужи представляются самостоятельнымъ учрежденiемъ, дѣйствуютъ независимо отъ судей городскихъ, или, говоря точнѣе, отправляютъ въ судѣ отдѣльную функцію присяжныхъ, тогда какъ *assessoris*, принадлежавшіе къ городскимъ судьямъ, больше напоминаютъ нѣмецкихъ *Schöffen* (постоянныхъ судебныхъ застѣателей).

4) *Судъ добрыхъ мужей* (*boni vel fidedigni viri*). Въ нихъ есть много сходнаго съ славянской поротой. Добрые мужи набираются изъ гражданъ, для суда въ каждомъ данномъ случаѣ; они даютъ присягу (*sacramentum*), произносятъ на сходкѣ приговоръ съ характеромъ посредническимъ (*arbitrium*), касающійся фактическихъ и юридическихъ вопросовъ. По всѣмъ этимъ признакамъ можно, какъ намъ кажется, сблизить добрыхъ мужей съ присяжными. О судѣ добрыхъ мужей упоминаетъ Статутъ 1242 г. въ трехъ мѣстахъ. Говоря въ первой статьѣ о дикой вѣрѣ, Статутъ принимаетъ за правило, что частное вознагражденiе каждый разъ опредѣляется по суду и присягѣ избранныхъ для того добрыхъ мужей, «*judicis*

arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concivium ad hoc electorum. Точно также раздѣлъ выморочнаго имущества, послѣ владѣльца, не оставившаго наследниковъ, производится «*per viros fidedignos ad hoc consilio civium deputatos* (см. capit. de intestato). Указаніе на такихъ же добрыхъ мужей нужно видѣть и въ Capitulum de legationibus testamentariis. Здѣсь между прочимъ говорится, что лицо, не имѣющее наследниковъ (т. е. дѣтей), должно оставить недвижимое имущество другимъ роднымъ, по совѣту съ своими согражданами, «*suorum concivium habito consilio*».

Статутъ 1242 года не обвиняетъ всѣхъ судебныхъ учреждений, существовавшихъ въ Загребѣ и его комитатѣ. Въ одной изъ грамотъ конца XIII вѣка (1298 г.) перечисляются главныя учрежденія, которымъ подчинялось сельское населеніе по дѣламъ судебнымъ. Къ такимъ учрежденіямъ относятся: *судъ князя* (comes), *кастелянъ* (castellanus) и *судъ сельскихъ старшинъ*. Major villae cum senioribus судить на мѣстѣ (очевидно, на сходѣ) дѣла меньшей важности. Causes majore, т. е. убійство, разбой, зажигательство, татьба и пр., подлежатъ суду князя или кастеляна (въ качествѣ намѣстника княжескаго) вмѣстѣ съ majores villae (Jura I. 488).

б) Къ *гражданскому праву* относятся статьи — Capitulum de legationibus testamentariis и Capitulum de intestato. Статьи эти замѣчательны по своей древней основѣ, въ особенности говорятъ о наследствѣ вообще въ духѣ старославянскаго права. Содержаніе обѣихъ статей слѣдующее:

Кто изъ гражданъ умретъ безъ наследниковъ (sine herede decesserit), тотъ можетъ свободно распорядиться движимымъ имуществомъ. Имущество недвижимое (домъ, дворъ, виноградникъ, землю и пр.) онъ долженъ, по совѣту съ своими гражданами, оставить своей женѣ «*vel alicui cognatorum suorum*». Безъ городского суда (a jurisdictione civitatis), никто не можетъ, ни самъ, ни чрезъ жену, ни per cognatos, ничего отчуждать, ни раздѣлять. Кто умретъ безъ завѣщанія (intestatus decesserit) и не оставивъ послѣ себя сыновей, жены или родныхъ (cognatos), тотъ долженъ, по совѣту съ добрыми мужами, избранными для того гражданами, раздѣлять двѣ части своего имущества бѣднымъ и церквамъ, а третью часть предоставить городу, ad utilitatem civitatis.

Изложенныя постановленія различаютъ наследованіе имуществомъ по закону и завѣщанію, ставятъ оба порядка въ тѣсную связь между собой.

Прежде всего укажемъ на весьма важный фактъ, лежащій въ основаніи цѣлаго порядка законнаго наследованія имуществомъ, — на различіе *дѣтей* отъ другихъ *родственникововъ*. Naegedis считаются одни дѣти (собственно *filii*, сыновья); uxores et cognati не причисляются къ кругу наследниковъ. Участіе въ правахъ на имущество становится для нихъ доступнымъ только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ имущества «sine herede decesserit». Когнаты получаютъ наследство только на *правѣ выморочномъ*, когда нѣтъ дѣтей, считающихся единственными законными наследниками. Такимъ образомъ, наследственное право, по Загребскому Статуту, какъ и по Винодольскимъ Законамъ, имѣетъ строгій семейный характеръ,

ограничивается тѣснымъ кругомъ семьи (съ рѣшительнымъ перевѣсомъ братьевъ надъ сестрами), — въ семьѣ для родственниковъ можетъ имѣть силу одно выморочное право.

Не меньше своеобразна система завѣщательнаго порядка наслѣдованія имущества. Право завѣщанія очень ограничено. Свободно распоряжаться можно только движимымъ имуществомъ (*de rebus suis mobilibus*), и то когда нѣтъ *haeredis*. Имущество недвижимое (*res immobilis*), безъ различія между благопріобрѣтеннымъ и наслѣдственнымъ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ, а если ихъ нѣтъ, то къ когнатамъ. Право завѣщанія не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ и въ такомъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ и когнатовъ: имущество, въ значеніи выморочнаго, должно по закону отойти къ общинѣ (съ выдѣломъ двухъ частей бѣднымъ и церкви).

Все это показываетъ ясно, что порядокъ наслѣдованія имущества по загребскимъ законамъ развился подъ преимущественнымъ вліяніемъ *задружнаго* устройства славянской семьи. Изложенные порядки наслѣдованія имуществомъ *доселѣ* держатся въ обычаѣ, безъ существенныхъ измѣненій, въ Славоніи, Кроаціи и другихъ южнославянскихъ земляхъ. Наслѣдственное право имѣетъ мѣсто только въ тѣсномъ кругѣ семьи, принадлежитъ однимъ дѣтямъ. Недвижимое имущество — общая принадлежность задруги; на него не распространяется личное право завѣщанія, отчужденія и пр. О такомъ же ограниченіи права отчужденія, раздѣла и завѣщанія недвижимости говоритъ Загребскій Статутъ. *Concivium*, согражданъ, по совѣту (*consilio*) съ которыми бездѣтный владѣлецъ оставляетъ свое имущество когнатамъ, и самыхъ когнатовъ иначе нельзя объяснить, какъ именно въ смыслѣ задруги, братчины, рода, словомъ — въ смыслѣ общины съ семейнымъ характеромъ, рѣзко отличающейся отъ семьи въ обыкновенномъ значеніи. — Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что изученіе по латинскимъ источникамъ такихъ своеобразныхъ учреждений, какъ задруга и основанныя на ней отношенія имущественныя, семейныя и наслѣдственныя, требуетъ особенной осторожности отъ изслѣдователя. Въ латинскихъ памятникахъ институты такого рода часто формулируются далеко не точнымъ образомъ: по недостатку латинскихъ названій, вполне соответствовавшихъ напр. понятію задруги, задругарей и пр., нерѣдко употребляется въ памятникахъ юридическая терминологія, мало подходящая къ дѣлу; часто одинъ терминъ обозначаетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ понятій. *Concivium*, по Загребскому Статуту, означаетъ вообще совокупность гражданъ, иногда членовъ сельской общины (*vicus, consociatio*), иногда и задругу, когнатовъ. Впрочемъ, тоже нерѣдко встречаемъ и въ славянскихъ памятникахъ (поротники, родъ и пр.). Избѣгать путаницы и смѣшенія понятій возможно только при всестороннемъ и внимательномъ изученіи памятниковъ, при сличеніи и уясненіи возможно-большаго круга однородныхъ фактовъ и явленій.

с) Въ ученіи объ *уголовномъ правѣ* Загребскій Статутъ касается главнѣйшихъ видовъ преступленій и наказаній, развивая также нѣсколько положеній по вопросу объ *уголовномъ вѣнненіи*.

Убийство считается наиболее тяжким преступлениемъ. Особый его видъ составляетъ разбой. Извѣстны также другіе виды преступленій противъ личныхъ правъ: *увѣчья* и *членоврежденія*, нанесеніе *ранъ*, *побоевъ* и другихъ *личныхъ обидъ* — vituperium, orgobrium, contumelium, alarra и пр. Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ упоминается одна *татьба*. Какъ видно изъ одной грамоты конца XIII вѣка, загребскіе законы раздѣляли всѣ преступления на *causae majoris* и *causae rescinialis*. Къ первымъ относились убійство, разбой, раненіе (въ торговый день), татьба и зажигательство, подлежащія суду князя съ старшинами (comes cum maioribus); остальные преступления, подъ общимъ названіемъ *causae rescinialis*, судились старшинами — maiores villae cum senioribus (Kukul Jura I. 488).

Въ ученіи о виѣненіи замѣтно явственнѣе (сравнительно съ Винодольскими Законами) различіе между преступлениемъ, учиненнымъ съ *злымъ умысломъ*, и преступлениемъ *не умышленнымъ* (in ludo sine premeditata malitia). Принимается также во вниманіе *мѣсто* совершенія преступления и *общественное положеніе* обвиняемаго, какъ обстоятельства, усиливающія вину: за преступленіе, учиненное въ судѣ, полагается ропа duplex; точно также наказаніе усиливается, если обида нанесена самому судѣ. Ответственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на виновнаго, но и на другихъ лицъ: въ Статутѣ говорится объ обязанности domini terrae выдавать преступниковъ или платить за нихъ пеню (дикую виру Правды).

Ученіе Статута 1242 года о *наказаніяхъ* во многомъ сходно съ ученіемъ Русской Правды. Различаются два главные рода наказаній — потокъ и денежныя пени.

Потокъ и *грабежъ* Правды удерживается въ загребскихъ законахъ, въ смыслѣ матене Винодольскихъ Законовъ. «Expellere turpiter de civitate» значитъ по Загребскому Статуту — изгнать преступника изъ общины, иногда же просто выдать его на произволь общины, вмѣстѣ съ грабежемъ его имущества. Потокъ и грабежъ назначаются за дѣйствія, соединенныя съ особенно преступнымъ обнаруженіемъ злой воли, и при томъ всегда совмѣстно: оба наказанія составляютъ въ совокупности одинъ юридическій институтъ. Самая сущность его одна и таже по Загребскому Статуту и Р. Правдѣ. Сюда относятся слѣдующія статутовыя постановленія. Если кто злобно убьетъ другаго и уйдетъ въ чужую землю, то, по обычаю земли, имущество виновнаго подвергается грабежу: двѣ части отдаются роднымъ убитаго, третья городу. Денежная пеня слѣдуетъ за убійство, безъ злаго умысла; но если виновный не имѣетъ средствъ для уплаты пени, то онъ выдается на произволь общины, «civium arbitrio reliquantur» (См. De roena homicidii). Подобное наказаніе грозитъ виновному въ нанесеніи личной обиды другому, если онъ не уплатитъ пени: все имущество его подвергается грабежу въ пользу общины, самъ виновный постыдно изгоняется изъ города, — «rebus omnibus in commune applicatis tamquam infamis de civitate turpiter axpellatur» (См. De vetuperiis).

Статутъ 1242 г. удерживаетъ въ полной мѣрѣ систему *композицій*, именно въ духѣ Русской Правды различая пени двоякаго рода: пеню *общественную*, въ пользу города или вообще общины (civitas, communio), и пеню *частную*, въ пользу

обиженного или его родныхъ (*parentis, cognati*), за обиду, на излеченіе и пр. Общественная пеня за убійство называется *poena homicidii* (вира Правды) и составляетъ двѣ трети всего взысканія, — треть шла въ пользу родныхъ (20 пенсовъ составляютъ виру и 10 — частное вознагражденіе). Право общины на виру позже замѣняется правомъ князя и старшинъ. По грамотѣ 1298 г., общественная вира идетъ въ пользу князя съ судившими съ нимъ старшинами (князю — двѣ трети, старшинамъ треть); но вира могла принадлежать и однимъ старшинамъ, если они сами рѣшали дѣло (Juga I. 488).

Пени общественныя и частныя не одинаковы. Обыкновенно частная вира значительно превышаетъ общественную; но возможны случаи, когда послѣдняя можетъ превышать частное вознагражденіе. За убійство неумышленное платится 10 пенсовъ роднымъ убитого и 20 общинѣ. Напротивъ, частное вознагражденіе за членоврежденія и личныя обиды платится въ большемъ количествѣ, чѣмъ пеня общественная. При сильныхъ членоврежденіяхъ виновный платитъ за лекарство и, кромя того, за обиду 25 пенсовъ, вмѣстѣ съ общинной пеней въ 5 пенсовъ; за другія увѣчья, кромя платы на излеченіе, назначена частная пеня въ 10 марокъ и общинная въ 2 марки (См. De poena wipegum). Побой и другія личныя обиды оплачиваются частной пеней въ 10 пенсовъ, вмѣстѣ со взысканіемъ съ виновнаго 10 денаріевъ въ пользу общины (De vetuperiis). Poena duplex слѣдуетъ за преступленія, совершенныя въ трибуналѣ или въ другомъ судебномъ мѣстѣ. За обиду, нанесенную судѣ или судебнымъ засѣдателямъ, платится въ ихъ пользу 10 марокъ (См. Poena duplex).

Количество пеней не всегда впрочемъ точно опредѣляется самымъ закономъ; иногда допускается назначеніе взысканій по обычаю или *оцѣнкѣ добрыхъ людей и слодки*. Это нужно сказать въ особенности о дикой вирѣ. Господа или вообще община всегда платила пеню общественную и частное вознагражденіе (въ пользу родныхъ убитого), если убійца не выдавался общиной или самъ скрывался и инымъ образомъ уклонился отъ наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ частное вознагражденіе (*rescupia*) опредѣляется, какъ говоритъ Статутъ 1242 г., «*juxta arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concivium ad hoc electorum*», собственно же дикая вира (*poena homicidii*) — по обычаю, «*juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem*» (См. 1-ю ст. Quod si idem hospites и т. д.). Есть основаніе думать, что такой же порядокъ назначенія пеней имѣлъ мѣсто и по татѣбѣ и другимъ преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ, вообще мало затрогиваемымъ въ Статутѣ. Точное опредѣленіе нормы имущественной шкody и ея вознагражденія, принятое напр. въ Руской Правдѣ, не можетъ считаться вполне цѣлесообразнымъ; потому что здѣсь многое зависитъ отъ отношеній каждаго даннаго случая, отъ свойствъ и цѣны вещей, отъ индивидуальныхъ отношеній къ нимъ владѣльца и пр. Винодольскіе Законы очень основательно говорятъ, что назначеніе мѣры взысканія, въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставляется соглашенію самыхъ сторонъ съ судьями. Общее сходство законовъ загребскихъ и винодольскихъ допускаетъ существованіе подобнаго же правила и въ загребскомъ правѣ. Говоря вообще, точное опредѣленіе самымъ закономъ подробной таксы пеней по всѣмъ родамъ и видамъ преступленій, оплачивавшихся денежными платежами, принадлежитъ позднѣйшему времени. На первыхъ

порахъ, какъ не безъ основанія думаютъ изслѣдователи, здѣсь и во многихъ иныхъ случаяхъ дѣйствовали обычаи, измѣнявшіеся по времени и мѣсту, — такое или иное количество виръ зависѣло прежде всего отъ назначенія судей и соглашенія сторонъ. Установившіеся этия путемъ общія правила позже санкционированы законодательствомъ, въ особенности по вопросу о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, убійствѣ, членоврежденіяхъ и пр., оставляя старые обычные порядки, при назначеніи вознагражденія за имущественныя и другія меньшія шкоды; вопросъ о вознагражденіи въ такихъ случаяхъ правильнѣе всего можетъ быть обсужденъ судьями и сторонами. Въ такомъ видѣ вопросъ о пеняхъ и рѣшается Винодольскими Законами Загребскимъ Статутомъ. Они точно опредѣляютъ одни пени за преступленія противъ личныхъ правъ и почти вовсе не касаются вознагражденія за нарушеніе правъ имущественныхъ. Въ этомъ случаѣ Русская Правда пошла дальше: уже въ старой Правдѣ (XI вѣка) замѣтно стремленіе законодателя установить неизмѣнныя правила о количествѣ пеней за убійство, членоврежденія и другія преступленія и проступки. Правда XIII вѣка представляетъ самую подробную таксацію виръ, продажъ и частныхъ пеней, оцѣняетъ стоимость каждой вещи, не оставляетъ для судьи ни малѣйшаго простора и свободы руководиться условіями и отношеніями, до безконечности разнообразными въ отдѣльныхъ юридическихъ случаяхъ.

d) Статутъ 1242 г. не касается всѣхъ деталей *процесса*, содержитъ только нѣсколько правилъ о предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности о *salutria*, и даетъ общія указанія на судебныя доказательства и исполненіе судебныхъ приговоровъ.

Salutria, какъ показываетъ Статутъ, означаетъ тоже самое, что въ древнемъ чешскомъ правѣ извѣстно было подъ именемъ *варока* или *соченья*, въ Русской Правдѣ — подъ именемъ *поклепа*. Здѣсь разумѣлось *обвиненіе безъ лица*, предъявлявшееся судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Въ Статутѣ требуется, чтобы поклепъ былъ доказанъ; уличенный въ ложномъ, не доказанномъ соченьи не допускается, наравнѣ съ *жесвидѣтелемъ*, къ занятію должности судьи и судебного засѣдателя (*assessor*).

Изъ судебныхъ доказательствъ упоминаются: *судебныя поединки*, отмѣненные впрочемъ Статутомъ 1242 г. (*nulla causa ad duellum judicetur*), *свидѣтели* (*testis*) и *присяга* (*juramentum*).

Свидѣтели и присяга признаются главными судебными доказательствами, на которыхъ судья долженъ основывать свой приговоръ (*sententia*). Простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ (*testis jurati*). Свидѣтели присяжные даютъ показанія порознь въ положенный для присяги день. Къ нимъ же относится правило о томъ, что *testis* должны быть одного состоянія съ стороной, въ пользу которой они даютъ показанія: иностранецъ можетъ имѣть свидѣтелей изъ иностранцевъ же, какъ и туземецъ — изъ лицъ себя равныхъ. Требованіе разнаго состоянія, по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ ученіи о поротникахъ и очистникахъ. Можетъ быть, и *testis jurati* Загребскаго Статута имѣли значеніе поротниковъ, — Статутъ не ясно опредѣляетъ ихъ юриди-

ческий характеръ (o calumnia и доказат. см. 8 ст. — Item si quis extraneus и Calumnia et falsum testimonium).

Въ заключение приведемъ указанія на мѣры и учрежденія, бывшія въ связи съ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Сюда относятся: *correctio trina et applicatio*.

Applicatio состояло въ конфискаціи всего имущества подсудимаго, уклонявшагося отъ наказанія, вмѣстѣ съ изгнаніемъ его изъ общины. Оно было послѣднимъ заключительнымъ актомъ процесса.

Труднѣе опредѣлить юридическое значеніе *correctio trina*. По смыслу статьи, говорящей о немъ (*de vetuperis*), можно заключать, что подъ *correctio* разумѣлось простое *напоминаніе* или *требованіе*, обращенное къ подсудимому, по вопросу объ исполненіи приговора и удовлетвореніи противной стороны. Впрочемъ, сравнивая *correctio trina* съ сходными институтами другихъ славянскихъ законодательствъ, напр. чешскаго или польскаго, одинаково устанавливающихъ различныя принудительныя мѣры и взысканія, ради понужденія отвѣтчика къ исполненію приговора, можно съ полной вѣроятностью полагать, что *correctio trina* Загребскаго Статута имѣло такой же *принудительный* характеръ, какъ и *vzvod, ranovani odhadani* старочешскаго процесса (См. Ирѣчка *Stav pr. П. 248*).

ОТДѢЛЪ IV.

Измѣдованіе Полицкаго Статута.

Исторія составленія памятника: источники; эпохи изданія; списки; внѣшній составъ памятника. I. Государственное устройство. Значеніе полицкой жупы, катушей и вершей. Словія: племенные люди (властели и дадичи); редовники (кметы, наймиты, влажи); суманъ и робе; чужеземцы. Полицкая господа: сборъ и вѣча; великій князь, воевода, прократуры и общинный канцлиръ; сельскія вѣча и старшины — князи или катушари, приставы и добрые люди. Значеніе круговой поруки. Судустройство: правда жупская — судъ сбора, князя и ротниковъ; правда облублена; суды верные и господскіе; приставы (общинные, княжіе, ротные, облубленные). II. Гражданское право: отношенія семейныя, имущественныя и наследственныя; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступленій и наказаній, ученіе о вишеніи; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ и другія предварительныя дѣйствія; система доказательствъ; приговоръ.

Исторія полицкой общины доселѣ не вполне выяснена. Шафарикъ полагалъ, что страна, носившая въ XIV вѣкѣ названіе Полицы, въ древнее время известна была подъ именемъ Цетины, и что цетинскіе князья были предшественниками князей полицкихъ (См. Safar. Krotka зрг., въ Casop. 1854). Цетина дѣйствительно является въ исторіи раньше Полицы. О ней упоминаетъ еще Порфирородный въ числѣ 14 хорватскихъ жупъ, подъ именемъ Tzsetzerna (Juga I. 9). Въ древнѣйшихъ грамотахъ хорватскихъ тоже встрѣчаемъ только цетину и ея жупановъ или comitis: напр.; въ грамотѣ 1069 г. упоминается Dragomir župan (жупанъ) de Cetina, въ грамотѣ 1076 г. — Pribino cetinensis comitis (Juga I. 15, 20). Первые извѣстія памятниковъ о Полицѣ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ XII вѣку. Въ это время Полица представляла отдѣльную область, существовавшую независимо отъ Цетины. Въ одной грамотѣ 1185 г. отнесены къ числу волостей (parochiae) епископа сплетскаго: «Clissam, Scale, Sminam, Cetinam, totam Cleunam, totam Massagon et totam Polissam» (Ibid. 32). Въ числѣ 12-ти пословъ, отряженныхъ въ 1102 г. хорватской землей къ венгерскому королю Коломану съ pacta conventa, упоминается «comes Pribistavum de genere Polichorum (Juga. 24). Въ XIV вѣкѣ Полица окончательно является подъ своимъ именемъ, но есть акты той же эпохи, говорящіе и о Цетинѣ, какъ объ отдѣльной области. Еще въ 1365 г. подтверждена грамота, данная въ 1210 году королемъ Андреемъ II Цетинѣ (Ib. 53). И позже упоминается Цетина съ своими отдѣльными князьями: въ 1416 г.

цетинскій князь (ban, chnez cetinschi, chlischi ramschi, om'schi) Иванишъ утвердилъ старыя законы и права общины Алмиссы (Miklos Mon. 279).

Пользуясь выгоднымъ положеніемъ въ горной возвышенности (въ теперешнемъ округѣ Спалато), Полица развила общинное устройство на самыхъ широкихъ началахъ народоправства, долго веда малоизвѣстную историческую жизнь. Въ XII—XIV вѣкахъ поличане извѣстны были, главнымъ образомъ, морскими разбоями и вмѣшательствомъ (съ XIII вѣка) въ распри и войны сосѣднихъ хорватскихъ и сербскихъ жупановъ и князей. Подобно Дубровнику, Полица изстаря была самостоятельной общиной, до самаго паденія своихъ вольностей (въ настоящемъ столѣтіи) мало зависѣла отъ иной «господы». Турецкій погромъ, поглотившій Сербію и другія южнославянскія земли, отчасти коснулся и Полицы. Она также подчинилась было вліянію турецкому, но безъ потери своей самостоятельности и внутренняго самоуправленія по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Въ концѣ XV вѣка (по Шаффрику — въ 1483 г.). Полица добровольно отдалась подъ покровительство Венеціи, считающейся съ этого времени «господою, присвѣтлимъ господствомъ» Полицы: въ Статутѣ упоминается Венеція, въ значеніи полицкой господы, впервые подъ 1485 г. (См. Стат. 25). Подчиненіе было чисто вѣнское: Полица по прежнему удерживала полную внутреннюю самостоятельность. Самобытное положеніе Полицы продолжалось до начала настоящаго вѣка, когда она отошла къ Австріи въ значеніи простаго округа. Старая свободная община, Полица составляетъ теперь часть спалатскаго округа Далмація, подчинена управленію австрійскихъ чиновниковъ.

Полица долго жила по изстаривнымъ обычаямъ и уставамъ замѣчательной древности. Защищенные своими горами, мало участвуя въ общей исторической жизни европейскихъ народовъ, поличане въ теченіи многихъ вѣковъ хранили старый бытъ, какъ предковское наследіе, какъ поучительную для насъ окаменѣлость. *Статутъ Полички*, впервые возникшій чуть ли не одновременно съ Русской Правдой или Псковской грамотой, въ теченіи многихъ столѣтій разросшійся до разнѣровъ объемистаго сборника, представляетъ драгоценный памятникъ славянской старины. Коренясь въ славянскихъ обычаяхъ, удерживавшихся на ряду съ установленіями позднѣйшаго происхожденія, Статутъ обстоятельно знакомитъ насъ со многими институтами, извѣстными намъ доселѣ лишь по неяснымъ указаніямъ Правды и другихъ старыхъ сборниковъ. Изученіе его должно привести къ полезнымъ результатамъ, должно до значительной степени способствовать уясненію стараго юридическаго быта всѣхъ Славянъ.

Мы скажемъ о происхожденіи Полицкаго Статута, о вѣнскихъ его особенностяхъ и рассмотримъ его содержаніе, обращая вниманіе въ особенности на постановленія права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго и процесса.

Обычаи — древнѣйшій источникъ полицкаго законодательства. Много статей Статута непосредственно взято изъ народныхъ обычаевъ, — «обычай» и «законъ» легли въ основаніе большинства статутowych постановленій. Позднѣйшая законодательная дѣятельность полицкой общины не уменьшала значенія обычаевъ. Они удерживали силу и въ эпоху статутowych законовъ. Самъ Статутъ нерѣдко дозволяетъ

судьям руководиться старыми обычаями: «имаю видети и разгледати и проми-сливши процинити ничь по закону и *обичаю*, зачь се немогу прем све сваке ствари напуно засвим законити, измирити и угонитити, ни се могу прем све ричи у штатутъ поставити» (64; ср. также 39, 42, 105. Обь обычаяхъ вообще см. также 95, 97, 115, 188 и пр.).

Старые законы были другимъ источникомъ Полицкаго Статута. Въ статутъ часто говорится: «хоѣ стари законь, — есть законь стари, — то е бно стари законь» и пр. (55, 78, 126, 173, 194). Старые законы входили въ Статутъ цѣ-ликомъ или съ измѣненіемъ въ «полагли, милостивни законь» (70, 127, 194). Древнѣйшей формой закона были *листы, записи, привилежи* или *привилеи*. Подъ закономъ разумѣются также *повала, разлоь, увить, одлука, наредба, зарокъ*.

Старые обычай и законы дали главные элементы, изъ которыхъ сложился Полицкій Статутъ. Позднѣйшія узаконенія мало ввели въ него новаго, служили только дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ старыхъ порядковъ.

Нельзя опредѣлять времени, когда впервые явилась у полицавъ мысль со-брать въ одинъ уставъ старые свои обычай и законы. Статутъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; теперь извѣстны только позднѣйшіе переработан-ные списки, содержащіе собраніе разновременныхъ законовъ XV - XVIII столѣтій (1400 — 1725). Древнѣйшій списокъ, принадлежащій 1400 г., имѣетъ слѣдующее заглавіе:

«У име господня бога амень. с(тату)ть полиц(ки. и суѣи) статутъ и — с — *тарота* нови (чинямо на ли)та господина Исукрста .абъ» *).

Здѣсь несомнѣнно указывается на *старый* сборникъ полицкихъ законовъ, су-ществовавшій до 1400 г. и послужившій главнымъ основаніемъ новаго Статута.

Въ самомъ статутѣ находимъ указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлить исторію его образованія. Можно несомнѣнно полагать, что въ образо-ваніи Полицкаго Статута было три главныхъ эпохи:

- а) Эпоха «старого» Статута, изданнаго до начала XV вѣка.
- б) Эпоха статута 1400 г.
- в) Эпоха статута 1485 г.

О третьей редакціи Статута прямо говоритъ 25 статья, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ Статута:

«Лито господне .абне. (1585). л. дань мисеца децемра. Ва име боже амень, овои Полица купно и договорно *учинише и узаконише штатутъ свои и законе соое*. наипри стриеѣи тврдеѣи законе и обичае, кое имаю у листих и записих од госводе придне, а потврнене по саданему нашему присвитлому госпоцтву бие-танкому по привилежих».

*) Во имя Господа Бога, аминь. Статутъ Полицкій. Настоящій Статутъ вновь со-ставленъ изъ стараго, лѣта господня (отъ рожденія) Исуса Христова 1400.

Причиной, вызвавшей новую редакцію Полицкаго Статута, было, по всей вѣроятности, недавнее подчиненіе Полицы венеціанской господѣ (1483), когда понадобился пересмотръ старыхъ законовъ.

Позже упоминаются простыя переписки Статута, безъ систематической его разработки. Объ одной изъ такихъ переписокъ упоминается въ самомъ Статутѣ подъ 1665 г. (ст. 273):

«Ово нека се зна, како преписасмо ови поштовани статутъ изъ старога у оги вирно и право, *ни узмакнув ни примакнув* (ни убавивъ, ни прибавивъ), него да се боље разуми рвацки и латински, а договором сви поштовани властели и лидиби и са свим луком».

Такія же переписки Статута предпринимались и позже. Извѣстны, напр., списки конца XVIII столѣтія (1776 г. См. Данилова Кнѣжа зак. полѣс., въ Прагв. 1851).

Статутъ не переставалъ развиваться до позднѣйшаго времени. Въ Полицѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ, жившихъ по своимъ уставамъ, изстари было въ обычаѣ вносить въ нихъ новыя законы, не только при общей разработкѣ уставовъ, но и въ слѣдъ за изданіемъ каждаго закона въ отдѣльности. Такимъ образомъ, еще въ XV вѣкѣ — главную эпоху кодификаціи полицкаго законодательства, Статутъ часто дополняли вновь выходившими законами, не приступая къ общей его разработкѣ. Напр., законъ 1476 г. «од земаѣ у залогу» записанъ въ Статутѣ, при самомъ своемъ изданіи: «Будући Полица скупна примише и узаконише *у свои статутъ записаше* овако и по ови путь»... (71); точно также вѣчевой листъ 1482 г. «оппина полицка допустише и потврдише и рекоше ови *записати у статутъ*» (195). Большинство новыхъ законовъ помѣщено въ спискахъ позднѣйшаго происхожденія. Законы вносились въ Статутъ ради практическихъ цѣлей, по времени ихъ изданія или безъ хронологическаго порядка, какъ приходилось. Таковы напр., законы 1566, 1603, 1605, 1623 и другихъ годовъ.

Въ настоящее время извѣстны шесть списковъ Полицкаго Статута. Изъ нихъ 4 списка открыты Кукулевичемъ, одинъ принадлежитъ Каррарѣ, другой Стежичу. Они составлены на старомъ хорватскомъ языкѣ; доселѣ не отыскано латинскихъ списковъ, официально изданныхъ въ 1665 г. вмѣстѣ съ хорватскими и имѣвшихъ одинаковое съ послѣдними дѣйствіе на практикѣ. Одинъ изъ списковъ принадлежитъ краткой редакціи, другіе — пространной. Краткіе списки содержатъ 86 капитуловъ или главъ, подраздѣленныхъ на 244 статьи; въ пространныхъ спискахъ, кромѣ того, помѣщено еще 27 новыхъ капитуловъ.

Отрывокъ Статута первоначально обнародованъ былъ Кукулевичемъ, въ его *Jzvjestje o pitovanju kroz Dalmaziju и Napulji i Rim (U Zagrebu. 1857)*. Въ полномъ составѣ Статутъ помѣщенъ въ Архивѣ южнославянской исторіи за 1859 годъ (Архив. V. 241 — 318), по краткому списку (первому Кукулевича), съ прибавленіемъ новыхъ главъ и вариантовъ по спискамъ пространнымъ. Къ сожалѣнію, издатели Полицкаго Статута не обратили вниманія на то, что, при изученіи памятниковъ, важно и необходимо непосредственное знакомство, не только съ

ихъ содержаніемъ, но и съ формою и порядкомъ изложенія входящихъ въ нихъ постановленій. Памятники, издававшіеся въ теченіи продолжительнаго времени (наша Правда и Полицій Статутъ развивались въ теченіе столѣтій), такъ сказать въ нѣсколько приемовъ, подвергавшіеся разновременнымъ переработкамъ, съ измѣненіями и дополненіями въ ихъ составѣ, требуютъ самаго тщательнаго изданія, если не по всѣмъ, то по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ, типическимъ, спискамъ, въ которыхъ по преимуществу сохранилась та фizioномія памятниковъ, тотъ внѣшній ихъ составъ и распределеніе отдѣльныхъ законоположеній, какія представляли памятники въ каждую эпоху ихъ образованія. Этимъ путемъ только и возможно ближайшее знакомство съ исторіей отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлой системы законодательства данной эпохи. Издатели Полицкаго Статута обратили мало вниманія на подобныя требованія: помѣстивъ пространный Статутъ въ различныхъ мѣстахъ своего изданія, переищававъ статьи различныхъ (и, можетъ, разновременныхъ) списковъ, они лишили изслѣдователей почти всякой возможности ближе познакомиться съ Статутомъ въ позднѣйшемъ его видѣ. Въ прибавленіяхъ собраны статьи различныхъ списковъ и помѣщены въ такомъ видѣ и порядкѣ, что часто трудно опредѣлить, какая изъ нихъ принадлежитъ тому или другому списку. Между тѣмъ, многочисленныя варианты почти при каждой статьѣ и чуть ли не строго ясно говорятъ, что если не всѣ списки, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе, рѣзко различаются между собой; каждый имѣетъ свою особую фizioномію, различный составъ и распределеніе статей; есть особенности и многіе отбѣйки въ самомъ смыслѣ и содержаніи отдѣльныхъ законоположеній.

Пользуясь Полицкимъ Статутомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ Архивѣ, трудно рѣшить, какія его части принадлежать той или иной эпохѣ его образованія. Судя по датамъ, встрѣчающимся въ спискахъ краткихъ и пространныхъ, можно думать, что краткій Статутъ древнѣе пространнаго. Въ спискахъ краткихъ встрѣчаемъ даты, по большей части принадлежащія промежутку времени между второй и третьей редакціей Статута, что даетъ поводъ относить краткіе списки къ XV вѣку: они явились, можетъ быть, при второй, или, что еще вѣроятнѣе, при третьей редакціи Статута, Новѣйшіе законы (XVI—XVIII вѣковъ) помѣщены, большею частію, въ спискахъ пространныхъ, въ которыхъ статутъ получилъ полное свое образованіе. Списки такіе мы относимъ къ послѣдующему времени. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежать къ спискамъ, составленнымъ въ 1665 году официальнымъ путемъ по «рватски и латински».

Есть основаніе полагать, что первыя 24 статьи Статута, до закона о составленіи и утвержденіи новаго Статута въ 1485 г., принадлежать древнѣйшей, можетъ быть первоначальной его редакціи, до начала XV вѣка. Эти статьи стоятъ особнякомъ отъ послѣдующихъ; между ними замѣтна большая связь и послѣдовательность; основа ихъ — по большей части старыя обычаи и законы. Въ послѣдующихъ статьяхъ Статута можно, напротивъ, видѣть переработанный Статутъ позднѣйшихъ редакцій.

Первоначальныя статьи Статута, вообще говоря, во многомъ сходны съ древнѣйшей Русской Правдой, къ которой изслѣдователи относятъ первыя 17 статей краткой Правды. Въ обоихъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ уголовномъ

правъ и процессъ; и тамъ и здѣсь, послѣдующія части памятниковъ служатъ дѣйствительнѣйшимъ развитіемъ первоначальныхъ статей уставовъ. Какъ въ Русской Правдѣ (краткой) вторая половина начинается статьей: «Правда оуставлена» и пр., такъ и въ Полицкомъ Статутѣ. 25-я статья, съ которой, какъ мы думаемъ, начинается переработанный Статутъ, трактуетъ о составленіи новаго Статута и объ общемъ утвержденіи законовъ и обычаевъ Полицкой общины. Быть можетъ и первоначальныя статьи потерпѣли значительныя измѣненія во время послѣдующихъ редакцій Статута; но, по всему видно, основа первоначальныхъ его статей древнѣе остальныхъ частей памятника.

Полицкій Статутъ состоитъ изъ 113 капитуловъ, подраздѣленныхъ на 282 статьи. Капитулы имѣютъ заглавія: «законъ први од княза, законъ од парне, капитули од башинъ» и пр. Заглавія, впрочемъ, не всегда соответствуютъ содержанию статей. Напр. пятая глава титулуется — о робствѣ, а между тѣмъ въ ней находимъ постановленія о судѣ влстелей и о позвѣ; точно также VII законъ о зарвѣ содержитъ статью о робствѣ. При всемъ томъ, Статутъ отличается гораздо болѣею выработанностью юридическихъ понятій, сравнительно съ Русской Правдой, Винодольскими законами и пр. Въ Статутѣ только изрѣдка встрѣчаемъ темныя мѣста, едва доступныя для пониманія, какими наполнены послѣдніе памятники. Въ немъ нерѣдко попадаются казуистическія статьи, въ видѣ простой выписки изъ судебныхъ и вѣчевыхъ дѣлъ, часто даже съ обозначеніемъ фактическихъ обстоятельствъ. Но на ряду съ статьями казуистическими, усиливаются статьи съ общимъ характеромъ, напр. XXVIII законъ — «ча е стабуло али гибуѣ», CXII законъ о родительской власти и пр.

Всѣ законоположенія Статута могутъ быть, по своему содержанию, раздѣлены на двѣ неравныя группы. Первая 168 статей (до LVI главы о неврствѣ) группируются между собой довольно правильно; остальные статьи имѣютъ самое разнообразное содержаніе. Въ составѣ Полицкаго Статута можно различать слѣдующія группы статей:

а) *Основные законы*, ст. 1 — 3: о выборѣ и доходахъ князя, общиннаго пристава и судей.

б) *Законы о процессѣ и судьяхъ*, ст. 4 — 16.

в) *Уголовные законы*, ст. 17 — 24: о робствѣ, убійствѣ и личныхъ обидахъ.

Эти три группы, какъ мы догадываемся, составляли Статутъ древнѣйшей редакціи. Послѣ закона 1485 г. о новомъ Статутѣ, слѣдуютъ другія группы статей:

а) *Законы церковные*, ст. 26 — 28: о церковныхъ имуществвахъ, отлученіи отъ церкви и пр.

б) *О племенщинахъ*, ст. 29 — 32.

в) *Уголовные законы*, ст. 33 — 70: о свадѣ, боѣ, ранахъ, убійствѣ и т. д.

д) *Гражданскіе законы*, ст. 71 — 120: о правахъ на вещи, о наследствѣ и обязательствахъ.

е) *Процессъ*, ст. 121 — 168.

ф) Остальные статьи (169 — 282) содержатъ смѣшанныя постановленія по гражданскому, уголовному праву и пр.

Содержаніе Полицкаго Статута мы рассмотримъ въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ: о государственномъ устройствѣ, о гражданскомъ, уголовномъ правѣ и процессѣ. Замѣтимъ при этомъ, что Статутъ, подобно нашей Правдѣ, развивался въ теченіи продолжительнаго времени, измѣнялся въ своемъ составѣ посредствомъ общей переработки старыхъ закововъ и одновременнаго внесенія въ него новыхъ законовъ, — словомъ, содержаніе Статута не всегда было одинаково. Начавшись съ немногихъ постановленій по суду и уголовному праву, Статутъ съ теченіемъ времени развилъ цѣлую систему законодательства, обнимающаго право государственное, гражданское, уголовное и пр. Правильнѣе всего было бы излагать содержаніе Статута исторически, по главнѣйшимъ эпохамъ его образованія. Къ сожалѣнію, доступный доселѣ матеріалъ не даетъ къ тому никакихъ прочныхъ средствъ. Статутъ древнѣйшій не дошелъ до насъ; списки же позднѣйшаго Статута (XV—XVIII вѣковъ) заключаютъ весьма немногія даты при отдѣльныхъ статьяхъ. Большинство статей изложено безъ малѣйшихъ указаній на время ихъ происхожденія. Изложеніе наше, такимъ образомъ, должно было по необходимости ограничиться лишь общимъ обзоромъ содержанія Статута по указаннымъ выше отдѣламъ.

I. *Государственное устройство Полици.* Прежде всего замѣтимъ, что Полицкій Статутъ составляетъ превосходный источникъ для изученія внутренняго быта славянской *волости* (жупы), удержавшей почти первобытныя формы общинной жизни старыхъ Славянъ. Въ этомъ нужно видѣть капитальное различіе Статута отъ другихъ славянскихъ памятниковъ.

Русская Правда или Душановъ Законникъ воспроизводятъ бытъ нѣсколькихъ большихъ союзовъ — земель, княжествъ, съ болѣе или менѣе общимъ политическимъ единствомъ частей, — мелкіе союзы, волости и жупы, стоятъ здѣсь на далекомъ планѣ. Въ Винодольскихъ Законахъ изслѣдователь изучаетъ бытъ «кнежтва» — союза нѣсколькихъ градовъ или обкинъ, старыхъ жупъ, играющихъ уже болѣе видную роль въ жизни цѣлаго княжества. Городовые Статуты далматскаго Приморья воспроизводятъ жизнь городской общины, возникшей изъ старой жупы или (какъ напр. въ Дубровникѣ) сдѣлавшейся «господою» цѣлаго союза жупъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ уже до значительной степени развитыя и сложныя формы быта, часто съ значительными задатками широкой государственной жизни: старая волостная жизнь, когда-то господствовавшая у всѣхъ Славянъ, въ исчисленныхъ уставахъ стоитъ далеко не на первомъ планѣ.

Не таковъ характеръ Полицкаго Статута. Союзъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, или просто союзъ одной жупы, безъ всякаго намека на «грады» и городскую жизнь, — союзъ, удерживавшій полную самостоятельность, при самомъ слабомъ и отдаленномъ подчиненіи «иной господѣ», — устройство такого союза, отношенія его къ своимъ членамъ и т. д. — главные предметы, исчерпывающіе все содержаніе Полицкаго Статута. Его по всей справедливости можно назвать *сельско-общиннымъ уставомъ*. Въ немъ все возводится прежде всего къ жупѣ, общинѣ,

селу; оны не знаютъ иныхъ интересовъ, помимо интересовъ своей жупы съ отдельными общинами. Полица изстари чуждалась городовъ и городской жизни: Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ учрежденіе «градовъ», видать въ нихъ «новщину, ча би проти опшныи» (гл. XXXVII).

Полицкій Статутъ, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаетъ положеніе Гильфердинга, Ирѣчка и другихъ историковъ, которые утверждаютъ, что у старыхъ Славянъ каждая жупа, волость, непременно имѣла городъ, какъ *conditio sine qua non* своего существованія, — что жупа и градъ всегда соединялись неразрывными узлами: не было града, не было и жупы (Гильферд. Исторія Балт. Слав. 126, 156. Ирѣчка Slav. Pr. II. 172, 177). Жупа полицкая (а такихъ жупъ въ старину могло быть не мало у Славянъ, въ особенности южныхъ) прожила безъ града цѣлыя десятки вѣковъ, не только не видѣла надобности въ городахъ, но даже положительно отвергала городской бытъ, какъ форму жизни, не сродную съ изстародавней обычной жизнью своей «опшныи».

Явленіе такое нельзя объяснять неразвитостью и грубостью полицанъ, будто бы рѣшительно неспособныхъ къ болѣе широкимъ формамъ общенія. Уже въ XIV, а тѣмъ болѣе въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ, Полица стояла на довольно высокой ступени развитія, обладала правильнымъ и, по тому времени, значитѣльно развитымъ и установленнымъ строемъ гражданственности. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ самъ Полицкій Статутъ — уставъ, который едва ли могъ явиться у дикаго народа, — созданіе котораго сдѣлало бы честь какому угодно народу. Вспомнимъ, что Статутъ, по распоряженію самаго вѣча, переведенъ былъ на латинскій языкъ, языкъ современнаго цивилизованнаго міра, — очевидно, ради практическихъ цѣлей: въ судебной и административной практикѣ латинскіе списки Статута несомнѣнно имѣли такое же дѣйствіе, какъ и списки хорватскіе.

Главную причину отсутствія въ Полицѣ городовъ нужно искать прежде всего въ мѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, при которыхъ постоянно жила полицкая община. «Грады» у старыхъ Славянъ имѣли значеніе огороженныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, служившихъ убѣжищемъ для волостныхъ жителей на случай внешнихъ нападеній; грады были также мѣстомъ народныхъ сходокъ, для суда, торгова и пр. Грады были существенной необходимостью въ равнинныхъ, открытыхъ жупахъ, доступныхъ для внешнихъ нападений: общины горныя, закрытыя, съ крѣпкими природными границами, мало нуждались въ искусственныхъ мѣрахъ для защиты и обороны союза. Такія общины не заводили у себя градовъ, жили по исконному обычаю предковъ, для которыхъ, вмѣсто градовъ, служили лѣса, горы и другіе удобныя убѣжища отъ непріятелей. Въ такомъ именно положеніи постоянно находилась Полица. Защищенная своими горами, она не нуждалась въ городахъ, оставалась при однихъ селахъ и сельскомъ бытѣ. Въ то время, какъ въ общинахъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и другихъ съ теченіемъ времени возникали изъ старыхъ градовъ часто обширныя промышленныя и административныя центры и городская жизнь и промыслы входили въ привычку населенія, у южныхъ Славянъ многія общины и племена, жившія при условіяхъ, не вызывавшихъ необходимости въ городской жизни, продолжали по прежнему жить сельскими общинами, чуждаясь

городской жизни другихъ народовъ. Такой характеръ издревле имѣла и доселѣ имѣеть Полица. Историческая ея жизнь представляетъ послѣдовательное и правильное развитіе сельско-общиннаго быта, которымъ жили когда-то всѣ Славяне, — явленіе, которое, какъ нельзя больше, отразилось въ общемъ направленіи и характерѣ полицкаго законодательства. Статутъ Полицкій имѣлъ своей задачей — развить нормы общегитія, примѣняемыя къ быту сельскихъ общинъ. Положивъ въ свою основу древнеславянскіе обычаи, Статутъ, въ своихъ капитулахъ и законахъ, объясилъ всѣ проявленія сельскаго быта, мало или вовсе не касаясь отношеній, не вытекавшихъ изъ условій сельской жизни.

Полица носитъ въ Статутѣ названіе *жуны*, *опѣины*, *опѣины жупской*, *опѣны полицкой*, *поличанъ*; иногда весь союзъ называется *опѣина жуна поличка*. Съ XVII вѣка встрѣчается, на ряду съ жупой, также названіе *провинціи* (273, 276 — 278).

Жупа полицкая представляла союзъ меньшихъ территоріальныхъ общинъ — *катуней* и *селъ*. Въ составъ союза входило 12 катуней (См. напр. 250, 251). Въ законѣ 1662 г. они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Доѣни Доц (Доѣне, Дочане, теперешній Доный Долацъ), Горѣни Доц (катунъ горѣни, теперешній Горный Долацъ), Костаѣни (катунъ костански), Звечаѣни, Чичла, Гата, Дуброва, Ситное, Сриѣнини (катунъ сринански), Дуѣе (катунъ дуѣски), Ъесенице (катунъ ѵесенички) и Пострана (Подстрана). Нѣкоторые изъ катуней имѣютъ нѣсколько селъ, въ значеніи главной общины и ея приселковъ. Катунъ гатскій состоялъ изъ селъ — Гата и Накѣлице, катунъ дучскій — изъ Дуѣе и Труше, катунъ горный — изъ Горнаго Доца, Тринбушанъ, Сриѣанъ и Путишичанъ, катунъ костанскій — изъ Костаѣвъ и Смолоенъ (267). Въ другихъ мѣстахъ Статута, кромѣ того, упоминаются слѣдующія села: Враци, Мачинъ, Доне Поле, Застинъ, Гаѣипе, Грацъ, Козѣакъ, Чажинъ Доцъ (71, 91, 175 и пр.).

Въ Полицѣ, по преимуществу горной странѣ, населеніе издавна привыкло жить разбросанно, небольшими селами, носившими часто одно имя и составлявшими одну общину — большое село, катунъ. Здѣсь не могли развиваться сплоченныя поселенія равнинныхъ и открытыхъ мѣстностей. Децентрализованныя общины, катунни, извѣстны были въ старое время и другимъ южнымъ славянамъ, напр. сербамъ временъ Душана (См. Законникъ, по изданію Миклошича, 81, 124; также въ Гласникѣ XV, 288, 291 — 295, хрисовуль Душана Призренскому монастырю, въ которомъ катунни уравниваются съ селами). Они доселѣ удерживаются у Сербовъ. По словамъ Гильфердинга, деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ горныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ сербскимъ народомъ; села состоятъ изъ 2 — 5 избъ. Иногда нѣсколько такихъ селъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного «кнеза», старшину (Боснія, 90).

Катунни — общины съ исключительно земледѣльческимъ характеромъ. Отношенія поземельныя служатъ, по Статуту, главной матеріальной основой полицкой жупы. Почти пятая часть Статута наполнена постановленіями «од земаль, котаревъ, гаевъ и испашъ», о коловаихъ (млинь), «звирьихъ и рибьихъ» ловахъ, водахъ, путяхъ, межахъ и т. д. Хозяйственное устройство древней сельской общины

Славянъ нигдѣ не изложено такъ обстоятельно, какъ въ Полицкомъ Статутѣ — этомъ сельско-хозяйственномъ уставѣ, тѣмъ болѣе драгоценномъ для насъ, что въ основѣ его лежатъ старыя обычаи, бывшіе когда-то общими для всѣхъ Славянъ.

Села имѣтъ свои отдѣльныя земли пахатныя и лѣсныя, свои пастбища, ловы, колован и пр. «Котаре» селъ раздѣляются (оддионе и одтесите) межами — «границами и мѣшшами». Отдѣльное село живетъ на *отленой, попопной* землѣ — общей собственности цѣлой общины, — въ безраздѣльномъ обладаніи селъ находится вся общинная земля. Допускаются по селамъ и передѣлы, *двелема*, по жребіямъ (ждрябове, дно, подворници), между членами общинъ — *диониками, сусидями, главами*. Тотъ же порядокъ принятъ по владѣнію гаями (лѣсами) и другими общими угодьями. Исключеніе составляли одня испаша (пастбища), оставшіяся всегда въ безраздѣльномъ обладаніи общинъ. — Общинность можетъ имѣть мѣсто, не только между членами одной общины, но и между «сумежными, сусидными» селами, въ особенности по обладанію лѣсами и пастбищами. Во всѣхъ такихъ отношеніяхъ Полицкій Статутъ устанавливаетъ подробныя правила хозяйственнаго устройства общинъ (Сюда относятся въ особенности статьи 95 — 120; ср. также 170 — 173, 187, 201 — 202, 204 — 207, 241 и т. д.).

Община слагается изъ *сусидь, диониковъ* или *главъ*. Внутреннія связи между ними были самыя тѣсныя, основывались на началѣ круговой поруки, воплотившейся въ Статутѣ. Съ того времени, какъ отдѣльныя лица вступили въ союзъ *диониковъ*, цѣлая община и отдѣльныя ея члены несутъ повинность взаимной защиты и мести, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за проступки каждаго изъ *диониковъ*. Обь обязанности общины защищать своихъ членовъ говоритъ, напр., 52-я статья: «ако ли би убио полицчанинъ изваньскога за кровь придну, за тои имаю *Полица стати*, ако ли би незнаимито, тои е овога ствар, ки кровь учини» ¹⁾ (о мести и отвѣтственности общинъ за своихъ членовъ см. 47, 53, 57, 58, 65, 247, 256 и пр.).

Общины полицкія, подобно винодольскимъ, имѣютъ характеръ вполне *автономическіихъ* союзовъ. Въ главѣ общинъ стоятъ вѣча и выборные старшины — главные органы общиннаго самоуправленія. Статутъ ясно говоритъ объ участіи общины въ дѣлахъ законодательныхъ (19 — 22, 25, 71 и пр.), административныхъ (напр. по 202 ст.: «и да ниткорь неима пута стисковати али га пнамо одтиснути брезъ *допущениа отъине* али суда» ²⁾), судебныхъ (напр. 143, 180, 248, 249, 256). Въ пользу общины идутъ всякія общественныя пени и конфискаціи; осудъ только изрѣдка дѣлится пополамъ съ княземъ (2, 232). Нѣтъ ни одного случая, когда бы община заслонялась другимъ, не зависѣвшимъ отъ нея, общественнымъ дѣятелемъ.

Кромѣ общины территоріальной, Полицкому Статуту извѣстна также *вервь*

¹⁾ Если полицчанинъ убьетъ чужеземца (мстя) за прежнее убійство, то его (т. е. полицчанина) должна защищать Полица; если же убійство совершено безъ предыдущаго повода (не за прежнее убійство), то оно считается дѣломъ того, кто его учинилъ.

²⁾ Никто не долженъ уменьшать дорогъ или отводить ихъ въ другое мѣсто, безъ дозволенія общины или суда.

(вервь), *дружина вервая*, подобная сербской задругъ, или заедину, имѣвшая значеніе семейной общины. Въ смыслѣ такой же верви, дружины, говорится о *племени, куль, ближикаав, братства*. Слагаясь изъ двоиниковъ и вервнхъ братьевъ, различавшихся отъ братьевъ «присныхъ и дальнихъ», вервь вообще организуется по типу общины территориальной, къ которой она относится, какъ часть къ цѣлому. Вервь живетъ на общей или вервной (врвита) племенщинѣ, имѣющей для нее такое же значеніе, какъ попольная земля для общины территориальной. Племенщина вервная можетъ оставаться въ общемъ обладаніи союза, или вступать въ раздѣлъ по участкамъ (жрибенце, дио). Дружина вервая основывается, подобно территориальной общинѣ, на началѣ круговой поруки и равноправія членовъ, управляется госполаремъ, съ правомъ собственнаго суда и расправы (о подробностяхъ см. мою статью о верви по Р. Правдѣ и Полиц. Стат.).

Въ составѣ полицкой жупы различаются два главные общественные разряда — *племенитые люди* и *редовники*, свободные простолюдины. Самый низшій классъ составляли *сужни* и *рабы*. Упоминаются также чужеземцы. Эти разряды носятъ общее названіе *врсте* (18, 19, 193).

а) *Племенитые люди* раздѣлялись на *властелей* (властелиновъ, властеличичей) и *дидичей*, иногда называвшихся *племенитыми властелями* и *племенитыми дидичами* (17, 250). Обоиъ классамъ принадлежало главное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ избирались судьи и другія должностныя лица; вѣча и сборы, въ обыкновенныхъ случаяхъ, составлялись по преимуществу изъ властелей и дидичей. Они считались главнымъ землевладѣльческимъ классомъ, держали на своихъ земляхъ кметей (141). — Статутъ въ подробностяхъ не опредѣляетъ различія между обоими классами. Полицкіе властели и дидичи во многомъ напоминаютъ сербскихъ властелей большихъ и малыхъ (властеличиковъ). Замѣчательно, что дидичи могли составлять изъ себя особое вѣче, по дѣламъ, касавшимся специально дидичей. Въ 1670 г. созванъ былъ «зборъ дидичски», изъ главарей и дидичей, для разбирательства спора о «дидичствѣ» какого-то воеводы Стазича. Доказательствомъ дидичскаго состоянія его признано то обстоятельство, что изъ его «племени» издавна избирались судцы (275). — Слѣдуетъ наконецъ замѣтить, что племенитые люди, въ существѣ вещи, не многимъ отличались отъ другихъ свободныхъ классовъ (редовниковъ), пользовавшихся (хоть и въ меньшей степени) политическими правами и полной гражданской правоспособностью. Податныя льготы вездѣ становятся принадлежностью высшихъ классовъ, чуть только они начинаютъ пріобрѣтать привилегированное положеніе въ государствѣ, — между тѣмъ, полицкіе властели и дидичи никогда не пользовались исключеніемъ изъ числа податныхъ лицъ. Только занятіе болѣе важныхъ должностей соединено было съ податными льготами. Напр., воеводы и прокаратуры освобождались отъ податей, и то только отчасти: главѣйшія дани — десетину, вражду, харачъ, они платили на общемъ основаніи (14).

б) *Редовники* (редовникъ) составляли отдѣльное «врсте», какъ объ этомъ говорится напр. въ 91 статьѣ: «тко би се годирь нашао, али властелинъ, али дидичъ, али редовникъ, али ини кое хоѣ врсте човникъ»... Они отличаются отъ властелей и дидичей, но и не обнимаютъ всѣхъ не — племеничей; потому что есть еще

«ине врсте», стоящіе ниже редовниковъ. — Другое указаніе на редовниковъ встрѣчаемъ въ законѣ 1670 г. о сборѣ подымскомъ, на которомъ участвовали редовники (274). Люди зависимые никогда и нигдѣ не являлись на народные сходки съ сколько нибудь дѣятельною ролью. Стало быть, въ редовникахъ, собиравшихся на подымскіе сборы, нужно видѣть просто классъ свободныхъ людей, занимавшихъ средину между племянами и людьми зависимыми. — Въ нѣкоторыхъ южнославянскихъ памятникахъ дается редовникамъ другое значеніе. Въ вѣцовой грамотѣ Дубровника 1442 г. есть слѣдующее мѣсто: «кои буде уписано *прѣдъ редовници* римске вере или вере босанске» (Пуцича Спом. II. 105). Даничищъ называетъ ихъ *попаші* (Срб. рѣчн. III 47); но такое объясненіе не оправдывается другимъ памятникомъ того же времени, гдѣ редовниками названы свидѣтели, присутствовавшіе при составленіи акта, именно: *юсть* Радинъ, митрополитъ Давидъ и *кнезь* Прибиславъ Вукотићъ (Пуцичъ. II. 126). Редовники грамоты 1442 г., присутствовавшіе при внесеніи въ вѣченныя книги листа босанскаго краля Твртка, имѣли значеніе свидѣтелей — «сведоковъ, ручниковъ, милостниковъ», иногда «ротниковъ», т. е. властелей, утверждавшихъ дѣйствительность грамоты своей присягой, ручательствомъ или простымъ присутствіемъ (см. напр. Обреновича Спом. 244, 249 и пр.).

Намъ кажется, что полиціиныхъ редовниковъ можно ставить въ параллель съ себрами Душанова Законника. Сербовъ обыкновенно противопоставляютъ властелямъ, какъ классъ непривилегированный, не пользовавшійся политическими правами (Крстича Разматрания, въ Гласн. VI. 122 — 123). Мы имѣемъ основаніе думать, что объясненіе такое не точно опредѣляетъ дѣйствительное положеніе себровъ въ ряду другихъ общественныхъ разрядовъ. «Сборы себровъ» отличаются только Законникомъ; значить, до него всѣ себры пользовались общими политическими правами. Политическія права, хоть и ограниченныя, признавались за горожанами и во время Законника (*Ibid.*, 126 — 127), а горожане относились къ себрамъ. Себровъ нельзя, стало быть, противопоставлять властелямъ: этимъ еще мы не даемъ точнаго опредѣленія юридическаго характера себровъ. Есть другое, какъ намъ кажется, вполне вѣрное объясненіе значенія себровъ, сообщенное намъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Въ числѣ старо-славянскихъ рукописей, ему принадлежитъ весьма интересная вещь — старосербская кормчая, чуть ли еще не времянь Законника. Въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «аще ли *свободни* соу, *себри* соуше», — мѣсто, не требующее никакихъ объясненій, ясно говорящее о сути института себровъ. Эти-то себры и полиціиные редовники во многомъ сходны между собой, какъ классъ *свободныхъ простолюдиновъ*, занимавшихъ средину между властелями и людьми зависимыми.

Къ редовникамъ въ указанномъ смыслѣ относились въ особенности кмети и въ частности селяне, наемники, торговцы и пр.

Кмети (кметићи, кметовићи) означаютъ вообще свободныхъ крестьянъ, жителей селъ, «селянъ», — разрядъ, подходившій нѣсколько подъ понятіе обкинскихъ людей виводольскаго устава. Они пользуются общей гражданской правоспособностью, могутъ владѣть собственнымъ имуществомъ, вступать въ договоры и пр. (17, 18, 143). Кмети, на равнѣ съ племянами, пользуются общими юридическими гарантіями. Въ Статутѣ мы нашли нѣкоторые различія между обоими классами только касательно

личныхъ обидъ: за обиду, нанесенную кметемъ племичу, платится «дупло», а за обиду господина, на землѣ котораго сидитъ кметъ, грозитъ послѣднему урѣзаніе языка или «искупъ» — платежъ денежный, равный осуди за убійство (68).

По занятіямъ кмети раздѣлялись въ особенности на «селянъ, трговац и наѣмниковъ».

Кмети могли жить на своихъ земляхъ или на земляхъ племичей. Селяне, занимавшіеся обработкой чужой земли, называются въ Полицкомъ Статутѣ *юстоуцки подложники*, кмети, люди (109, 141, 151, 237 — 238). Имъ предоставляется полное право выхода, безъ ограниченія опредѣленными сроками. Отъ подложника только требовалось, чтобъ онъ не уходилъ воровскимъ образомъ, но «затворивши у двору своему и у кући все ча има имавъ, или живине, или инога блага гибуѣга, или ивоше ако би бацине, ку би под ним стекао, тере има призвати свога *юстодра*, тер му рећи: господине, то е све боже и твое, волянъ си ча оставити, волянъ неостави. и тоту такон учинивши, ако бы му ча узео, волянъ би или све или ивни дио; пу ля му онди ослободи, юр му послн ние волянъ господарь омоган вазимати, ча годи му е едnoch ослободно» ¹⁾ (189; ср. 190 — 191). Пока кметъ «подложенъ» господарю, до тѣхъ поръ онъ подчиняется его суду и расправѣ; жаловаться на несправедливый судъ господина дозволяется кметю только въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ не «дастъ правды» или кметъ перейдетъ отъ него въ другое мѣсто. Въ обоихъ случаяхъ кметъ пользуется общимъ правомъ судебной защиты (16, 237, 238).

Трговци (трговац) упоминаются въ Полицкомъ Статутѣ только мимоходомъ (259). Они не составляли отдѣльнаго разряда, который можно было бы уравнивать съ «гражданами» Законника Душана. Полицкій Статутъ разумѣетъ подъ торговцами тѣхъ же селянъ, «ки се нађе (находятся, живутъ) у ком селу», которые между прочимъ занимались и торговымъ промысломъ.

Наймити (наѣмники) — кмети, служившіе по найму (наѣму), для дворовыхъ и иныхъ работъ. Наемъ назначался на годъ и на большіе сроки. Наймитъ получалъ условленную плату (цану). Старые законы не дозволяли наймиту оставлять хозяина, безъ причины, до истеченія срока найма, — иначе наймитъ не могъ требовать уплаты цѣны; точно также господарь, выгнавшій наймита до срока, долженъ былъ вполне съ нимъ разсчитаться. Статутомъ принятъ «милостивинъ законъ»: дозволено уходить и до срока, при чемъ цѣна должна уплачиваться по расчету времени службы. Наймитъ долженъ уходить отъ своего хозяина, «липо поклонивъ се» и получивъ отъ господаря «прощенье» (168, 193, 194).

Отдѣльнымъ отъ кметей классъ составляли *влази* (вляшићи). Они принадлежали

¹⁾ Затворивши въ своемъ дворѣ и домѣ все, что имѣетъ изъ (хозяйскаго) имущества, или скота, или другаго имущества движимаго, или даже наследственнаго имущества, бывшаго въ его пользованіи, (кметъ) долженъ призвать своего хозяина и такъ ему сказать: господинъ, все это — Божье и твое, можешь что либо оставить себѣ, можешь и не оставить. Послѣ этого (хозяинъ) можетъ взять все (имущество), или какую либо часть; если же онъ оставитъ его (за кметемъ), то послѣ не можетъ отобрать у него ничего, что первоначально было ему подарено.

къ сельскимъ жителямъ (17) и пользовались личной свободой. Статутъ положительно запрещаетъ «држати влаха у Полицихъ ни на полицкомъ, одложе тко га море држати на свомъ и о свомъ, одложе добре волъ, на чемъ би стали» (20). Мы объясняемъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что никто не можетъ держать влаха на общинныхъ земляхъ (на полицкомъ), — ихъ допускается селить только на частныхъ земляхъ, и то по доброй волѣ, на чемъ уговорятся. Влахи издавна встрѣчаются у всѣхъ южныхъ Славянъ и уравниваются съ *арбанасами* (албанцами), *париками* и другими «*тоуюземлянами*», пришлыми людьми, жившими между Славянами въ числѣ поселенъ (Miklos Mon. 60, 208, 353. Пуцичъ II. 159). Въ латинскихъ источникахъ влахи называются *vlashi vel villani* (Kukul Juga I. 126). По сербскимъ памятникамъ, влахомъ называется «*настоухъ, пастиръ*, ки пасоу кобиле», переходившій съ своимъ «станомъ» съ одного мѣста на другое, — отсюда и названіе — *станицы, станяничъ* (встрѣчаются въ Заковникѣ и другихъ памятникахъ), т. е. человекъ, ведшій жизнь кочевника (Пуцичъ I. 94. 149. Гласъ XV. 306. Miklos. 208, 434 и пр.). Въ Полицѣ влахи не причислялись къ настоящимъ членамъ общины, считались собственно «изванскими», людьми пришлыми, которыхъ можно было «држати», селить только на частныхъ земляхъ. Нигдѣ не говорится, чтобъ влахи, подобно кметямъ, участвовали на вѣчахъ или пользовались другими правами людей «обкинскихъ». Впрочемъ, какъ люди свободные, они не лишались общихъ гражданскихъ правъ, могли напр. владѣть своимъ «иманьемъ, добыткомъ» (Пол. Ст. 17. Ср. Пуцича Слж. I. 91).

с) Самый низшій классъ въ Полицѣ составляли такъ называемые *сужанъ* и *робе*, *челадъ*.

Подъ именемъ *сужанъ* разумѣлись въ Полицѣ люди, состоявшіе «у сужанству» — временной личной зависимости, по долгамъ и преступленіямъ. Подобно закупамъ Русской Правды, они обязывались отслуживать свой долгъ или имущественный вредъ, нанесенный другому. По Статуту, полицане могутъ держать «своего брата» (полицанина) не въ «робствѣ», но только временной зависимости, до выслуги и отработки (трудъ, ризикъ, плаћа. 174, 198). Дѣтямъ дозволялось выкупать своихъ родителей изъ сужанства или отслуживать вмѣсто нихъ долгъ и пр. (281). Учрежденіе *сужанъ*, бывшихъ «у сужанствѣ», извѣстно и другимъ южнымъ Славянамъ (Miklos. 170, 171, 369. Пуцичъ I. 46, 49, 76, 85, 96. Закон. Душ., по изд. Miklos. 98, 99).

Робе и *челадъ* находились въ «робствѣ» — личной крѣпостной зависимости, сходной съ холопствомъ Русской Правды. Рабы (*servi, ancillae*) упоминаются въ самыхъ древнихъ хорватскихъ памятникахъ (Juga I. 3, 6, 19). «Робове, робье, робья откупована, плѣнная челадъ», извѣстны также старымъ сербскимъ памятникамъ (Miklos. 47, 219, 529, 530. Пуцичъ I. 10, 173). Боснія въ старое время славилась людской, челадяной торговлей (Пуцичъ I. 31, 146). Есть даже жалованная грамоты, дававшіяся кралями монастырямъ и частнымъ лицамъ на людей, бывшихъ въ частной зависимости, иногда цѣлыми сотнями домовъ и семействъ (напр. у Miklos. 481). Всѣ эти факты ясно говорятъ, что рабство составляло у большинства южныхъ Славянъ древнее учрежденіе, въ противность положенію Крстича, отвергающаго существованіе рабства въ старой Сербіи (въ Гласникѣ VI. 140 — 144).

У поличанъ морскіе разбои, которыми они славились въ старое время, не обходились безъ «робства», безъ взятія плѣнныхъ и обращенія ихъ въ рабы. Запрещеніе такого промысла принадлежитъ еще старымъ законамъ, угрожавшимъ за морскіе разбои строгими наказаніями (Пол. Ст. 17 — 18), — запрещеніе, имѣвшее силу и въ періодъ Статутовъ. Зависимость челяди и рабовъ возникаетъ, по Статуту, только изъ плѣна (воисци плинь). Въ старое время (стари е заковъ био) плѣнные принадлежали тому, кто ихъ взялъ; но дозволялось брать за нихъ выкупъ (принашину). Статутъ вовсе запретилъ обращать поличанъ въ рабовъ и выѣстъ съ тѣмъ установилъ, чтобы «робе» могли отслуживаться за «трудъ или ризникъ», сравнивая такимъ образомъ челядь съ обыкновенными кабальными людьми. Что касается отношеній челяди къ своимъ господарямъ, то извѣстно только, что рабъ не могъ уходить отъ господара, имѣвшего право вездѣ его искать, и что, по старому обычаю, запрещалось «продавать и покупать челядь, како ѣе од старине обичаѣ» (17, 175, 197 — 199, 266).

d) Упоминаются наконецъ *чужеземцы* (ванко, извански). Въ отношенія къ нимъ допускается мечь (право тирати) по уголовнымъ дѣламъ, въ особенности по убійству. Изванскіе не допускаются поротниками (очистниками) въ дѣлахъ между поличанами. Видно впрочемъ, что изванскіе пользовались общими юридическими гарантиями; по крайней мѣрѣ, убійство изванскаго наказывалось общими пенями, развѣ оно будетъ учинено за «придну кровь», когда Полица должна была «стати», защищать своего поличанина (22, 52 — 54).

Таковъ составъ полицкой жупы. Катунн и вервныя дружины — основныя формы общественной жизни поличанъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ поличане жили съ своей общиной, съ ея интересами и нуждами, мало знакомые съ другими, болѣе сложными интересами и формами общегитія. Простота и непосредственность отношеній замѣтна въ организаціи общественныхъ разрядовъ — племичей, кметей и пр. Ихъ нельзя называть сословіями въ теперешнемъ смыслѣ; это не болѣе, какъ фактическіе классы, безъ особенно рѣзкихъ различій между собой. Полицкихъ племянныхъ людей нельзя сравнивать съ шляхтой польской или чешской, возвысившейся до огромнаго привилегированнаго положенія въ государствѣ; нельзя сравнивать съ племичами далматскаго Приморья, приобрѣтшими преобладающее положеніе въ своихъ общинахъ. Властелей полицкихъ скорѣе всего можно ставить въ параллель съ нашими древними боярами: оба класса занимали въ общинахъ служебное положеніе, играли почетную роль главныхъ силъ земства. Изъ властелей и бояръ избирались вожди и старшины общинъ; властели были главными народными судьями, вообще мало заключали въ своей средѣ аристократическихъ элементовъ, дѣлкомъ принадлежали къ своимъ общинамъ, какъ лучшія и наиболѣе дѣятельныя ихъ части. Съ такимъ характеромъ остаются полицкіе властели до позднѣйшаго времени. Полицкіе кмети, наймиты, сужни и челядь рѣшительно напоминаютъ древне-русскихъ смердовъ, наймитовъ, закупней и холоповъ. Разницу можно видѣть лишь въ томъ, что полное господство общины съ ея нивелирующими порядками не дозволило развиться въ Полицѣ холопству въ такой сильной степени, какъ это было у насъ уже въ эпоху Русской Правды: полицкая челядь не составляла наследственнаго состоянія, какимъ является наше холопство въ Правдѣ. Такъ на двухъ крайнихъ

точкахъ славянскаго міра долго развивались одни и тѣже социальныя порядки. Здѣсь не было заимствованій и подражаній: сходныя порядки представляютъ только результатъ послѣдовательнаго развитія общихъ началъ славянскаго быта. Русское общество позже вступило на иной историческій путь; его бытъ быстро сталъ проникаться новыми началами, — эпоха Судебниковъ и Уложенія мало уже связуется съ эпохой Правды. Полица надолго осталась вѣрной старымъ порядкамъ. Ея бытъ такъ сроднился съ этими порядками, такъ мало освѣжался сторонней примѣсью, что вѣка, слѣдовавшіе за эпохой Статута, не представляютъ почти никакого движенія въ общественной жизни Полицы.

Полица имѣла весьма простой и несложный механизмъ *государственную устроившаго*. Слова Прокопія о народоправствѣ древнихъ Славянъ (*et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent*) находятъ букввальное подтвержденіе въ данныхъ, сообщаемыхъ Полицкимъ Статутомъ о системѣ управления полицкой жупы. О полицанахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ можно съ полной справедливостью сказать, что они, какъ всѣ Славяне времени Прокопія, «не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи». Въ то время, какъ въ другихъ хорватскихъ и сербскихъ земляхъ рано появляется раздвоеніе въ администраціи, повторившееся и у другихъ Славянъ и окончившееся болѣе или менѣе полнымъ торжествомъ князей, Полица до позднѣйшаго времени управлялась по изстаринному порядку народоправства славянскихъ общинъ, безъ малѣйшихъ признаковъ раздвоенія между властью общины и князя. Община съ своей сходкой и старшинами (къ нимъ относился и великій князь) была въ Полицѣ главнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Къ Полицѣ можно въ полной мѣрѣ примѣнить слова древняго сербскаго лѣтописца объ устройствѣ Котора (въ началѣ XII вѣка): онъ никому не повиновался, «но граждане въ немъ повелѣваху» (Гласн. V. 27). Общегражданства, стояція у лѣтописца рядомъ съ жупанствами хорватскими (ib. 23), означали свободныя общины, каковы Полица, Дубровникъ, Которъ и др.

Господа и поглавица — общія названія учреждений и лицъ, завѣдывавшихъ въ Полицѣ общественными дѣлами. Во главѣ Полицы стоитъ народная сходка, отъ которой зависятъ главари — старшины полицкой жупы: великій князь, воевода и прокаратуры; позже является общинный канцляръ. Катуни имѣли свои сходки и своихъ старшинъ — катунарей, князей. Были особыя учрежденія по дѣламъ судебнымъ и исполнительнымъ. Между управленіемъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ общинъ была самая тѣсная и неразрывная связь. Старице главари, завѣдывавшіе дѣлами всей Полицы, избирались болѣею частью изъ старшинъ отдѣльныхъ общинъ, — Полица не знала рѣзкаго разграниченія между центральными и областными учреждениями. Всѣ главари и сходки дѣйствовали именемъ и въ интересъ общины.

1) *Народная сходка*, по Полицкому Статуту, носитъ различныя названія. *Зборъ, вѣће*, иногда просто *опѣли* — самыя употребительныя названія сходокъ въ Полицѣ. Хорваты доселѣ называютъ свои сходки вѣчами: *odgovorno drzavno vjese, regimentsko vjese* и *okruzno vjese* — главныя учрежденія современныхъ Хорватовъ. Зборъ иногда называется въ Полицкомъ Статутѣ *купан* или *опѣли*

зборъ. Сюда же относятся куп, станак, саним, садяне, пук — различныя названія одного и того же учрежденія народной сходы.

Бупъ (вкуп, скуп, окуп) находимъ въ уставѣ винодолскогъ и въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскихъ и дубровницкихъ (Обренов. Спом. 120. Пуцича I. 79). Полицкій и винодолскій купъ вполне напоминаетъ литовскую купу (кону), имѣвшую значеніе народной сходы.

Станакъ означаетъ въ Полицкомъ Статутѣ тоже, что и зборъ, више (250). Въ значеніи же сходы станакъ извѣстенъ памятникамъ сербскимъ и дубровницкимъ. Дубровницкій *stanisim* имѣлъ значеніе судебной сходы и раздѣлялся на *stanisim pravim* (учиняче, сходка третей) et *sacramentum vel generale* (сходка присяжныхъ).

Саним соответствуетъ чешскому *zpet'u*, польскому сейму или литовско-русскому съезу, сойму (отъ сонматься, сходиться).

Пукъ употребляется въ Статутѣ иногда въ значеніи части збора, именно народа, присутствовавшего на зборѣ; иногда и вся сходка называется пукомъ (напр. 261, 274). Въ сказаніи Діоклейскаго Пресвитера (XII вѣка) народъ названъ пукомъ: «*da budu receni satnici s bani ruki siditi*» (Arkiv. I. 20. О значеніи пука у Славянъ см. Ирѣчка St. pr. I. 70).

Полицкое вѣче, по своему составу, раздѣлялось на большое и малое. Ихъ можно видѣть напр. въ зборѣ и санимѣ, составлявшихъ по нѣкоторымъ статьямъ два различныя учрежденія (154 — 156).

Вѣче большое, подъ названіемъ общиннаго збора, скупа или виша, составлялось изъ главарей «са сании Полицы», съ «осталою опшнюю», со всѣмъ «пукомъ», народомъ (13. 17, 19, 265, 273 и пр.). На такихъ сходкахъ участвовали: главари, т. е. великій князь, воевода, прокураторы, судьи и катунари, властели и дядичи, съ остальнымъ народомъ. Иногда просто говорится, что на сходиѣ были «сви полицаче» (19 — 24). Законъ не всегда опредѣлялъ, кто именно долженъ былъ являться на общія сходы. По изстаринному обычаю, *вѣчничкомъ* (вѣчникъ — членъ вѣча) могъ быть вообще свободный членъ общины, — правило, имѣвшее силу очень долго у всѣхъ южныхъ Славянъ. Положеніе Крстича о составѣ сербскаго собора по Душанову Законнику рѣшительно не вѣрно: Законникъ только отмѣнилъ «сербовы съборы», отдѣльные отъ общихъ, нисколько не устранивъ себровъ отъ участія въ послѣднихъ. По Полицкому Статуту, исключаются изъ числа вѣчниковъ одни измѣнники (традитуры) и лица, лишенные за преступленіе права быть вѣчникомъ, не иначе однакожъ, какъ по приговору самаго вѣча (276 — 278). Обязанность являться всякій разъ на вѣче лежала на однихъ главарахъ, въ особенности на катунарахъ (270). Весь народъ рѣдко собирался на сходы, на которыя въ обыкновенныхъ случаяхъ сходились *лмци* и *одговорници* — выборные отъ катуней и селъ. Такимъ образомъ, на зборѣ 1662 г. явилось до 60 одговорниковъ, для принятія шѣръ «на злеѣ люде». Въ числѣ ихъ были всѣ полицкіе главари и по нѣсколькѣ «селянь» (отъ 3-хъ до 12-ти) изъ каждаго катуня (267).

Вѣче малое составлялось изъ однихъ главарей. Разъ только упоминаются

«капелани» (духовные), въ числѣ вѣчниковъ, на ряду съ главарями (91, 250, 252, 269, 282). Малое вѣче Полицы сходно съ старымъ великимъ вѣчемъ или позднѣйшимъ малымъ Дубровника. Въ маломъ вѣчѣ сосредоточивалось управленіе менѣе важными дѣлами, не требовавшими созыва общей сходы.

Въ Полицкомъ Статутѣ упоминается, кромѣ общаго сбора (большаго и малаго), еще два рода сходокъ: *збор дидиѣски* (дидиѣски), созванный изъ дидиѣч по одному частному случаю, именно для подтвержденія дидиѣчства какого-то воеводы Стазича (275), и *зборъ подимски* (подимски), созванный въ 1670 г. изъ главарей и редовниковъ, для принятія мѣръ противъ нарушителей земскаго мира (274). На такія же сходки намекаетъ Статутъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о *вѣчѣ братинско* и *сиромашко*, какъ объ учрежденіи, существовавшемъ отдѣльно и на ряду съ зборомъ: «и од ѣнегове куѣе да се вима никадъ примит у збор ни у нѣдѣно вѣчѣ братинско ни сиромашко» (282). Такія вѣча и сборы, очевидно, имѣютъ связь съ «станами», или отдѣльными сходками властелей, дидиѣч и кметей, которыя, по словамъ Энгеля, собирались въ Полицѣ до позднѣйшаго времени. Ежегодные сборы, учреждавшіеся въ особенности для выбора старшинъ, позже раздѣлялись на станы по каждому сословію отдѣльно (Engel Staatskunde и Gesch. von Daln. etc.).

Въ Статутѣ нѣтъ категорическихъ постановленій объ устройствѣ вѣчъ: встречаемъ только нѣсколько указаній на порядокъ сходокъ, время, мѣсто, предметы вѣдомства и пр.

Такимъ образомъ, находимъ указанія на то, что на вѣче собиралась *сама община*, безъ предварительной инициативы со стороны князя или другихъ главарей. «Овога истога годища *сташе се Полица*, племенити властели и племенити дидиѣч, на станку... нове садане, *ку жула учини*» (250); или: «*скупивши се ми сви полицани*, — будуѣи скупан збор *учинисмо сви*, — ово нека се зна, како се састаше сви поштовани властели» и пр. (265, 269, 275 и пр.). Впрочемъ, есть прямое указаніе, что, по старому закону, «кнез велики и воевода учинише збор» (274). Можно допускать, что по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ право созывать зборъ могло принадлежать старшимъ главарямъ.

Законъ не опредѣлялъ также времени сходокъ. Все могло зависѣть отъ обстоятельствъ и потребностей минуты. Судя впрочемъ по тому, что въ Полицѣ существовали опредѣленные «оброки» — судебныя періодическія сессіи, и третьимъ оброкомъ считался зборъ, можно думать, что и вѣчевыя сходки учреждались періодически, въ разъ навсегда опредѣленное время. Кромѣ того, великіе князья и другіе главари избирались временно, при чемъ выборы всегда производились на сходкахъ, — обстоятельство, которое могло поддерживать періодическіе созывы вѣчъ. На частые соборы указываетъ законъ о переносѣ судебныхъ дѣлъ съ одного собора на другой, какъ и законъ объ «оповиди» отчуждаемой племенщины на трехъ зборахъ (78). Да и вообще мы знаемъ, что соборъ завѣдывалъ чуть ли не всѣми общими дѣлами Полицы, а при такомъ его значеніи, онъ необходимо долженъ былъ часто собираться. Въ Статутѣ находимъ нѣсколько датъ, которыя указываютъ на соборы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и недѣль (ср. 13, 25, 71, 72, 269, 272, 273).

Также не видно, чтобъ полиція вѣча собирались въ разъ навсегда назначенныхъ мѣстахъ. По Статуту, вѣча собирались «на Врацкихъ, на Мачину, Довемъ Полу» и пр. (71, 95, 195, 265, 269, 274). Вѣча могли собираться на «путяхъ» князя, когда онъ ходилъ по Полицѣ «правде питаючи по законихъ полицкихъ»; напр., въ первый путь Папалича, собралась вся Полица для опредѣленія границъ (262). Вѣча нерѣдко собирались при храмахъ, какъ это было въ обычаѣ и въ старой Сербіи (Пол. Ст. 195, 250, 282. Ср. Кретица Разматрава, въ Гласъ. IX. 70).

Полиція вѣча собирались для различныхъ цѣлей. Къ главнымъ предметамъ ихъ вѣдомства относились: изданіе законовъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, выборы въ общественныя должности и множество другихъ административныхъ дѣлъ.

Законодательная власть несомнѣнно принадлежала збору. Въ Статутѣ говорится почти въ каждой статьѣ: «приаше Полица, приаше свои полицане, будући заедно на окупу» и пр. На сходкахъ издавались отдѣльные законы и наредбы (распоряженія); самъ Статутъ былъ актомъ исключительной дѣятельности вѣча. Право изданія законовъ принадлежало общинѣ и «братинскимъ» вѣчамъ («наше се по статуту и по знаніе закону свега збора дидинскога» — 274). Изъ Статута ясно видно, что составленіе законовъ на вѣчахъ, при участіи всего народа, было пастариннымъ обычаемъ Полицы. Община считалась до позднѣйшаго времени главнымъ дѣтелемъ въ сферѣ законодательной; о законодательной власти князя, помимо общины, нѣтъ нигдѣ ни слова. Только въ немногихъ мѣстахъ говорится ясно объ участіи князя въ законодательствѣ вмѣстѣ съ народомъ (13, 195).

Выборы въ общественныя должности составляли другой важнѣйшій предметъ вѣчевыхъ сходокъ. Общинѣ предоставляется право «взимати» великаго князя, «стави» проваратуровъ, судцевъ и другихъ главарей (1, 15, 19, 72, 234), — право, которымъ община могла пользоваться не иначе, какъ на сходкахъ — главныхъ органахъ общинной власти.

О судебной власти вѣча, какъ сейчасъ увидимъ, Статутъ говоритъ почти въ каждомъ законѣ, касающемся судоустройства и процесса.

Къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ сходокъ относились наконецъ всѣ общія административныя дѣла, касавшіяся цѣлой Полицы. Важнѣйшія дѣла финансовыя, полицейскія и иныя рѣшались большимъ или малымъ вѣчемъ. Община, на своей сходкѣ, опредѣляетъ полицію «меѣши и границы», наблюдаетъ за ихъ сохраненіемъ и цѣлостью; безъ дозволенія вѣча (общины) запрещалось «стискивать путь опѣни велики крозь жупу»; община разрѣшаетъ учрежденіе новыхъ путей и заведеніе лѣсовъ, предпринимаетъ мѣры ради общаго благосостоянія и земскаго мира, напр. устанавливаетъ цѣны припасовъ, побуждаетъ жителей «поутити сву жупу на помоѣ на злеѣ люде» и пр. На сходкѣ принимается осудъ и другія пошлины и взысканія по суду и управленію. Сходка контролируетъ дѣйствія должностныхъ лицъ: Статутъ предписываетъ вести пристава «придѣ опѣнну», если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей. При медѣтельности главарей, община вступаетъ на ихъ мѣсто, сама приводитъ въ исполненіе какую либо административную мѣру или судебный

приговоръ: «кога наѣ село или жупа, да га се одиче през милосрѣа и да га приададу господи; ако му шта господа (собственно главари, старшины) неучине, пушѣамо олѣни, да нан руке ставе»¹⁾. (180, 202, 235, 252, 256, 262, 265 — 268).

Разнообразная дѣятельность народной сходы, имѣвшей огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла, должна была рано установить въ обычаѣ постоянныя порядки вѣчевыхъ совѣщаній. Впрочемъ, Полицкій Статутъ мало касается этого вопроса, даетъ только не полныя указанія на отдѣльныя дѣйствія сходы.

Вѣчевыя совѣщанія называются *договоромъ*: «одлучише вирами и душами, з договором и с волюм (волею) свега пука»; «договоривши се властели са сви пуком» (265, 274). Въ такомъ договорѣ участвуютъ всѣ вѣчники «заедно и купно», не только главари и властели, но и весь народъ, присутствовавшій на сходкѣ. Нельзя точно опредѣлять, постановлялся ли вѣчевой приговоръ большинствомъ голосовъ, или всегда требовалось единогласіе. Принимая во вниманіе строго-демократическій характеръ всѣхъ учреждений полицкой жупы, слѣдуетъ полагать, что единогласіе скорѣе всего могло господствовать въ полицкихъ вѣчахъ. На обычаѣ единогласныхъ рѣшеній указываетъ впрочемъ самъ Статутъ, говоря очень часто, что сборъ постановилъ свое рѣшеніе, свою наредбу и одлуку, «складно, едишьно, вирно, купно или олѣно» (20 — 22, 91, 247, 265 и пр.).

Рѣшенія (*одлука, законъ, наредба*) сбора утверждались «вирами и душами» вѣчниковъ. Обнародованіе (оповидъ) законовъ и наредбъ вѣчевыхъ дѣлалось на общемъ сборѣ и сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. Новый законъ прочитывался всему «пуку», который его принималъ или отвергалъ. О законахъ, окончательно принятыхъ сходкой, Статутъ говоритъ: «своимъ би драго и угодно, и рекоше, да ѣе добро»; или: «и бише кунтенти о истоѣ наредби сви; сви га прижише доброволно, и сви рекоше, да ѣе добро и право». Вѣчевой приговоръ излагался въ листъ — вѣчевой грамотѣ, подписывавшейся вѣчниками. Составленіе и храненіе такихъ листовъ, также внесеніе новыхъ законовъ въ Статутъ, лежало позже на обязанности общиннаго канцляра (91, 92, 188, 247, 261, 265, 267, 274).

Такое было устройство полицкой народной сходы. Сборъ составлялъ въ Полицѣ верховное учрежденіе, стоявшее во главѣ цѣлаго союза. «Невириккомъ и традитуромъ полицкимъ» считался тотъ, кто «проповидао виѣе полицко». Вѣчевое рѣшеніе имѣло для всякаго полицанина силу обязательнаго закона. Кто противился вѣчевому приговору, тотъ строго наказывался; законъ, «ча зборъ одлучи», долженъ оставаться въ полной силѣ и дѣйствии (93, 94). Полицкое вѣче напоминало не сеймы польскіе или чешскіе съ ихъ аристократическимъ устройствомъ, но демократическія сходы старыхъ Славянъ или позднѣйшія вѣча Новгорода и Пскова. Пукъ, народъ, община — главная сила, заправлявшая всѣми дѣйствіями вѣча новгородскаго и полицкаго.

¹⁾ Кого поймаютъ на (преступленіи) село или жупа, того да осудитъ безъ милосердіа и да предасть (для наказанія) господъ; если господа ничего надъ нимъ не учинятъ, то дозволяемъ общинѣ налагать на него руку.

Народоправство старыхъ общинъ нигдѣ не сохранилось въ такой свѣжести и цѣлости, какъ въ Полицѣ съ ея сборомъ и вѣчами — главными органами общинной власти. Ни у одного изъ южнославянскихъ народовъ сходка не пользовалась такими широкими правами, какими издавна обладало полицкое вѣче. Винодольскій купъ и вѣча, въ эпоху законовъ, во многомъ разнятся отъ полицкихъ вѣчъ: наряду съ купомъ, является въ Винодолѣ почти равносильная власть князя; уступая во многомъ общему купу Винодола, князь посылаетъ на вѣча отдѣльныхъ градовъ своихъ людей, безъ которыхъ не можетъ имѣть мѣста ни одна сходка, — явлєніе, вовсе не извѣстное въ Полицѣ. — Еще болѣе пали народныя сходки въ городахъ далматскаго Приморья. Въ эпоху городскихъ статутовъ XIII вѣка народъ окончательно перестаетъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Сходки Сибеинка, Травы, Задра и другихъ городовъ представляли аристократическія собранія племищей. Подобно польскимъ сеймамъ, они были недоступны для простонародья; городская аристократія ревниво устранила его отъ всякаго участія въ управленіи общинами (См. Рейца Полит. устройство и права прибрежныхъ далмат. острововъ и городовъ). Въ одномъ Дубровникѣ долго удерживалось демократическое устройство. Хотя вѣча (виѣа велье или велико, виѣе умолено или прегать и виѣе мало) устроились безъ народнаго участія; но тѣмъ не менѣе народъ сходился на «сборъ» (*genegale consilium*), по вѣчевому колоколу, не только для выслушиванія, но и для «*laudatio*» статутовъ — основныхъ законовъ вѣчевой господы. Только къ началу XVI вѣка падаютъ дубровницкіе сборы, уступивъ мѣсто аристократическимъ сходкамъ племищей (См. Пуцича Спом. Срб. II отд. прибавленіе — извлеченіе изъ дубровницкихъ Статутовъ). — Сербскіе соборы также рано начинаютъ ограничиваться въ своихъ правахъ. Краи и цари заслоняли собой народныя сходки. Соборы созывались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: царь съ своимъ дворомъ и «царевыми» властелями — главные дѣатели по всѣмъ общественнымъ дѣламъ старой Сербіи. О многихъ проявленіяхъ вѣчевой власти по Полицкому Статуту, напр. въ сѣрѣ суда и администрація, вовсе не говорятъ сербскіе источники. Иногда, какъ напр. при Неманѣ I, соборы имѣли значеніе простыхъ семейныхъ совѣтовъ кралей (См. Крстича, въ Гласн. IX. 89). Замѣтимъ здѣсь, что Крстичъ дѣлаетъ отсюда произвольное заключеніе о полномъ преобладаніи власти уже первыхъ сербскихъ кралей, говоря напр., что «воля государя была общеобязательнымъ закономъ, — что «воля и желаніе властелей на столько имѣли значенія, на сколько согласовались съ желаніями государя». Изучая ближе источники, мы приходимъ къ противоположному выводу, что такого значенія никогда не имѣли ни старые сербскіе краи, ни самъ Душанъ Сильный: и при немъ, а тѣмъ болѣе до него, властели, сидѣвшіе по областямъ, пользовались чуть не суверенными правами, имѣли наприжвръ право войны, право вступать въ дипломатическія сношенія, держать свое войско, дворъ и т. д. Вообще говоря, Крстичъ черезчуръ идеализируетъ старую Сербію, называя ее государствомъ «совершенно устроеннымъ», чуть не конституціонной монархіей, и рѣшительно не обращая вниманія на тотъ фактъ, что въ Сербіи, какъ и у всѣхъ южныхъ Славянъ, областная жизнь рѣшительно господствовала надъ общей, государственной. Старая Сербія представляла государство, сплоченное изъ нѣсколькихъ почти самостоятельныхъ частей, имѣвшихъ между собой одни внѣшнія связи, безъ всякаго, сколько нибудь прочнаго, внутренняго единства. Въ Сербіи, какъ и вездѣ

въ старое время, все брело врознь; вездѣ и во всеѣхъ видна разъединенность, рознь общинъ и областей. Старая Сербія — государство, какнхъ много являлось въ патриархальныя среднѣе вѣка, весьма смутно сознававшіе идею государства, не возвысившіеся до широкихъ политическихъ воззрѣній нашего времени.

Полицкій зборъ представляетъ народную сходку, собиравшуюся по временамъ, для обсужденія общинъ дѣлъ цѣлой Полицы. Управление текущими дѣлами было въ рукахъ *юсподы* въ собственномъ смыслѣ, слагавшейся изъ общинныхъ старшинъ, главарей. Статутъ разумѣеть подѣ господой, не только всю совокупность властей, т. е. вѣча и главарей, но и однихъ главарей, непосредственно «господствовавшихъ», управлявшихъ общинами (256, 266). Къ старшимъ главарямъ, за вѣдывавшимъ дѣлами всей Полицы, относились: великій князь, воевода, прокаратуры, судцы и канциляръ; въ катуняхъ были отдѣльными сходки и старшины — князи или катунари. Въ вѣчевыхъ листахъ, помѣщенныхъ въ Статутъ, старшіе главари обыкновенно перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ (очевидно по старшинству): великій князь, воевода, прокаратуры; послѣднее мѣсто занимаютъ катунари. Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ каждую должность въ отдѣльности.

1) *Великій князь* — первое должностное лицо полицкой жупы. Въ Статутъ онъ называется «*вели или велики княз полицки*», также «*княз велики присвитли*», «*княз велики поштовани*», иногда просто *княз* или *юсподин*. Титулъ великаго князя находимъ въ Статутъ впервые подѣ 1603 г.; первоначальныя статьи говорятъ просто о князѣ. Первое упоминаніе о полицкихъ князьяхъ принадлежитъ началу XII вѣка: Pribislaus comes de genere Politchorum упоминается въ числѣ хорватскихъ пословъ, отряженныхъ къ Коломану, для заключенія съ нимъ рата *conventa* (Жуга. I. 24). Какъ видно изъ старыхъ хорватскихъ грамотъ, названія *comes*, *juranus*, иногда и *banus*, употреблялись для обозначенія одной и той же должности (См. напр. *ibid.* 15). Въ такомъ смыслѣ и Рядчъ объясняетъ значеніе жупановъ и *comes*: славянскій жупанъ, по его словамъ, соотвѣтствуетъ латинскому *comes*, великій жупанъ — *supremus comes* (Исторія. VII. 363). Самое названіе Полицы жупой показываетъ, что въ древнѣйшее время главный ея старшина носилъ названіе жупана, замѣнившееся позже титуломъ великаго князя. Въ старое время старшины жупъ у всѣхъ югозападныхъ Славянъ назывались жупанами. Жупаны были повсемѣстнымъ учрежденіемъ въ хорватско-далматскихъ общинахъ, въ старой Сербіи и Босніи, также у Славянъ чешско-моравскихъ, силезскихъ, балтійскихъ и польскихъ (См. Мацѣйов. *Pamięt.* II. 148, 152, 153; *Hist.* IV. 106. Палацкаго Сравнен. Закон., гл. 2, Гильферд. Письма, I. 234 — 236, II. 130; исторія Балт. Слав. 155—159. Кавелина юрид. бытъ Силез. 20 — 21. Ичняскаго *Vyvin českého právn.* 29. Ирѣчка. *Slov. pr.* I. 73. II. 181 — 183). Позже учрежденіе жупановъ подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Въ однихъ мѣстахъ они замѣнены другими учрежденіями, въ другихъ (какъ въ старой Босніи) получили значеніе самостоятельныхъ государей или удержались въ значеніи простыхъ сельскихъ старшинъ, какъ это было еще въ XV вѣкѣ съ Польшою (См. *Pismo zbirogove Ohryzko*, 457). Въ Полицѣ удерживалось старое значеніе жупановъ (народныхъ старшинъ) до позднѣйшаго времени, — въ великомъ князѣ Полицы цѣлкомъ проглядываетъ типъ стараго славянскаго жупана.

Званіе великаго князя имѣло въ Полицѣ издавна характеръ выборной должности. «Первы законъ полицки (говоритъ Полицкій Статутъ) есть *вазимати* княза господина, ки е *господину виранъ*, а *Полицем угоданъ*. а законъ га е *до юдища обирати*». Отъ князя требуются два главныя условія: онъ долженъ быть вѣренъ Господу и угодеиъ полицанамъ. Последнее условіе прямо указываетъ на выборъ князя всѣми полицанами, а не одними катунарями, какъ говоритъ Энгель (по Шафарику, князь избирается общинами). Должность князя отправлялась каждымъ избраннымъ въ теченіи года. По истеченіи «кнежтва или кнежиѣа», избирался новый князь, но дозволялось «потврдити» стараго. Статутъ не указываетъ на сословія, изъ которыхъ можно было избирать князей. Въ 1662 г. назначенъ великимъ княземъ Юрій Синовиччъ — катунаръ Дубровы; въ званіи великаго князя, онъ не переставалъ числиться между катунарями. Въ другой разъ (1677 г.) избранъ княземъ такимъ же образомъ катунаръ Пана Сучий (268, 282). Можетъ быть, въ Полицѣ вообще принято было за обычай избирать въ великіе князья кого либо изъ катунарей. Одно лицо могло быть княземъ нѣсколько разъ, какъ показываетъ примѣръ Юрія Синовичча, бывшаго княземъ въ 1662, 1665 и 1677 г. (268, 273, 274). Слѣдующій обычай, записанный Энгелемъ изъ позднѣйшей исторіи Полицы, показываетъ, что въ Полицѣ выборы князей зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, нерѣдко отъ произвола партій и отдѣльныхъ лицъ. «Если во время выборовъ произойдетъ разногласіе и цѣль выборовъ не будетъ достигнута, то часто случается, что какой либо смѣльчакъ захватываетъ ковчегъ законовъ (гдѣ хранился Статутъ), вручавшійся обыкновенно великому князю, и съ этой драгоцѣнностью спѣшитъ въ домъ того лица, кого желаетъ избрать княземъ. Каждый могъ бросаться за нимъ въ погоню съ мечемъ или инымъ оружіемъ, — какимъ правомъ многіе и пользуются. Если смѣльчаку удастся передать ковчегъ избранному имъ лицу, то оно считается съ этихъ поръ законнымъ княземъ Полицы».

Права и обязанности князя не опредѣлены точно и подробно въ Статутѣ. Князь участвовалъ въ законодательной власти, только какъ составная часть сбора; ни откуда не видно, чтобы князь могъ, помимо вѣча, издавать законы собственной властью. Княжеская власть больше всего проявлялась въ сферѣ суда и администраціи. Статутъ вмѣняетъ князю въ обязанность — «походити три кратъ по Полицѣ правде питаюћи (чинѣћи) по законихъ полицкихъ». (1, 195, 262). Каждый вновь избранный князь ходилъ въ *путъ* съ своими судьями и дворомъ, главнымъ образомъ для производства суда на мѣстѣ, въ общинахъ. Пути такія должны совершаться три раза въ годъ. При всякомъ прибытіи (пришасте) князя, общины, по Статуту, даютъ ему продовольствіе (30 овецъ, въ теченіи года — 90). На путяхъ князь давалъ людямъ *правду* — судъ и расправу, постановлялъ одлуки (судебныя приговоры), вмѣстѣ съ административными распоряженіями по менѣе важнымъ дѣламъ. Предъ княземъ дозволялось дѣлать объявленія о продажѣ племенищанъ и пр. Дѣла, касавшіяся ближайшихъ интересовъ общинъ, напр. заведеніе новыхъ лѣсовъ или учрежденіе дорогъ, разсматривались княземъ не иначе, какъ «зборомъ», на народной сходкѣ (напр. 235). Замѣтимъ наконецъ, что, при выборѣ князя изъ катунарей, онъ не переставалъ нести старую должность и слѣдовательно отправлялъ соединенныя съ ней обязанности, являлся непосредственнымъ старшиной своей общины и старшимъ главаремъ цѣлой Полицы.

При князѣ состоялъ *дворъ* (98, 195, 262). Шафарикъ относитъ къ нему, не только судцевъ, избравшихся въ «полагъ» (помощь) князю, но и прокаратуровъ и канцилера. Есть основаніе считать положеніе Шафарика невѣрнымъ. Судды представляются въ Статутѣ учрежденіемъ самостоятельнымъ, отличавшимся отъ двора и дворскихъ должностей. Въ нихъ нужно видѣть, не столько надворныхъ судей, сколько представителей общины, участвовавшихъ въ княжескѣ судѣ прежде всего ради контроля суда въ интересахъ общинныхъ. Прокаратуровъ еще меньше можно причислять къ княжескому двору. Они равнозначительны съ соками, клеветниками и ябетниками другихъ Славянъ; учрежденіе прокаратуровъ принадлежитъ къ вполне самостоятельнымъ органамъ общинной власти. Ихъ избираетъ община, «да отежу *оплена* дугована». Въ вѣчевыхъ листахъ прокаратуры стоятъ послѣ воеводы (268 и пр.). Такое же значеніе имѣетъ *оплени* канцилірѣ. — Самъ Статутъ отчасти указываетъ на составъ княжого двора, говоря напр. о приставахъ, состоявшихъ при князѣ, въ значеніи русскихъ дѣтскихъ, позднѣйшихъ приставовъ. При князѣ были, безъ сомнѣнія, слуги и другіе дворскіе люди: они ходили съ княземъ по Полицѣ, исполняя при немъ различныя должности и порученія. Нужно замѣтить, что въ Полицѣ дворъ имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ Душановъ Законникъ и другіе хорватскіе и сербскіе памятники довольно точно опредѣляютъ составъ и очень широкую дѣятельность двора, что зависѣло отъ усилившагося значенія самыхъ князей, Полицкій Статутъ только мимоходомъ касается двора, вовсе не говоря о его положеніи въ общей администраціи. Самъ князь не выдѣлился изъ состава общинныхъ должностей, не игралъ такой преобладающей роли, какую пріобрѣтали князья въ другихъ славянскихъ земляхъ; оттого и дворъ полицкій имѣлъ весьма мало значенія въ ряду другихъ общинныхъ учрежденій.

Вотъ все, что можно сказать по Статуту о положеніи полицкаго князя. Въ немъ является не больше, какъ общій народный старшина, старшій главарь общины, безъ всякаго намека на суверенное значеніе княжеской власти. Полицкій князь зависитъ отъ общины на такомъ же основаніи, какъ и другіе главари, нисколько не выдѣляется изъ состава общинныхъ должностей. Не имѣя почти ничего общаго съ сербскими кралями и царями, съ русскими, польскими и другими славянскими князьями эпохи позднѣйшей государственности, полицкіе князья больше всего сходны, по своему положенію и правамъ, съ князьями винодольскими, новгородскими, псковскими и въ особенности съ дубровницкими. Псковская судная грамота, запрещая князю, наравнѣ съ другими должностными лицами, брать посулы, ограничивая его дѣятельность сходкой и другими старшинами, очевидно, держится далеко не тѣхъ воззрѣній на княжескую власть, какія начинаютъ высказываться въ Судебникахъ (въ нихъ запрещеніе посулъ слѣдуетъ уже отъ имени князя, — о посулахъ съ его стороны нѣтъ и помину). Но въ Псковѣ, какъ и въ Винодолѣ, замѣтно, раздвоеніе администраціи, — власть князей конкурируетъ съ властью общинной сходки, стоитъ рядомъ съ ней; между вѣчевъ и княземъ идетъ борьба изъ-за главенства; они являются почти равносильными общественными элементами, — явленія, рѣшительно неизвѣстныя государственному строю Полицы и Дубровника. Полица съ своимъ вѣчевъ, княземъ и другими главарями тянетъ къ старому порядку, къ эпохѣ полнаго господства народныхъ сходокъ у всѣхъ Славянъ, которые, по словамъ

Прокопiа, «не повиновались одному властителю, но жили *in populari imperio*». Типъ патриархальныхъ народныхъ князей и жупановъ стараго времени цѣлкомъ прогладывается въ учрежденiи полицкихъ князей. Въ нихъ нужно видѣть не «государей» русскихъ XVI и XVII вѣковъ, но старыхъ славянскихъ жупановъ, игравшихъ простую роль народныхъ старшинъ, безъ малѣйшихъ притязанiй на главенство и преобладанiе въ своихъ общинахъ.

3) Второе мѣсто послѣ великаго князя занималъ *воевода*. По своему положенiю въ общинѣ, воевода почти равняется съ княземъ. Въ Статутѣ нерѣдко поимено обозначаются князья, при которыхъ изданы отдѣльные законы, при чемъ всегда указываются и бывшiе въ то время воеводы (247, 273 и пр.): обѣ должности считались равно важными, — воевода, подобно великому князю, относился къ числу старшихъ главарей Поллицы.

Воевода принадлежалъ къ выборнымъ должностямъ. Незвѣстенъ срокъ и порядокъ воеводскихъ выборов. Судя по тому, что всѣ главные должности въ Поллицѣ замѣщались на «годиче», можно допустить такой же срокъ службы и для воеводъ. Старый воевода, оставивши дѣйствительное воеводство, иногда не переставалъ носить прежнiй титулъ. Въ 1662 г. дѣйствительнымъ воеводою былъ Иванъ Беошичъ изъ катуня гатскаго; въ то же время прокаратуръ Стипанъ Башичъ изъ катуня Дубровы носилъ такой же титулъ воеводы, хотя больше и не отправлялъ этой должности (267, 268). Воеводы избирались изъ влестелей и дидичей (275).

Воеводы полицкiе, подобно сербскимъ временъ Душанова Законника, всегда удерживали значенiе военачальниковъ, отличаясь въ особенности отъ старыхъ боснiйскихъ воеводъ, собственно означавшихъ областныхъ правителей (князь Боснии носилъ титулъ великаго воеводы; другiе правители назывались просто воеводами). Полицкiй воевода имѣлъ при себѣ *товаришество* (дружбу) — очевидно военную дружину, надъ которой онъ былъ главнымъ начальникомъ. Съ такимъ товаришествомъ воевода посылался въ помощь судебному приставу, когда кто либо сопротивлялся приговору суда (140). Особой привилегiей воеводы было освобожденiе его отъ податей, кромя десятины, вражды (дикой виры) и харача (14. О значенiи воеводъ у Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. II. 35 — 38. IV. 108; Pamiętn. II. 145, 158. Ирвчка Slov. pr. I. 72. Крстича Разматрана, въ Гласн. IX. 100 — 102).

4) *Прокаратуры* принадлежали также къ старшимъ главарямъ Поллицы. Вѣчные листы перечисляютъ ихъ въ слѣдъ за воеводою, ставятъ выше катунарей. Замѣчательно, что Полицкiй Статутъ обращаетъ особенное вниманiе на прокаратуровъ, довольно точно опредѣляетъ порядокъ ихъ назначенiя, въ особенности подробно говоритъ о правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ должностью прокаратуровъ, касаясь почти только мимоходомъ воеводъ, катунарей и другихъ должностныхъ лицъ. Полицкая община, по всему видно, дорожила учрежденiемъ прокаратуровъ, составлявшихъ чуть ли не одно изъ самыхъ существенныхъ учрежденiй въ сѣрѣ суда и управленiя. Защитники правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ, прокаратуры возвышались почти до значенiя народныхъ трибуновъ: при своей судебно-обвинительной дѣятельности, прокаратуры являются главнымъ оберегателями

и защитниками правъ и интересовъ общины, занимають не мало важное мѣсто въ ряду другихъ учреждений Полицы. Высокое общественное положеніе прокаратуровъ видно изъ того, что ихъ должность отправляли высшіе сановники — кнези, старые воеводы и др. (267, 268, 282).

Въ прокаратурахъ полиціяхъ нужно видѣть полнѣйшее развитіе старославянскаго института соковъ, ябетниковъ. Принявъ чуждое названіе, прокаратуры являются чисто славянскимъ учрежденіемъ, берутъ свое начало въ изстаринномъ устройствѣ славянскихъ общинъ. Въ то время, какъ въ другихъ земляхъ соки оставались при одномъ частномъ значеніи публичныхъ обвинителей (у Чеховъ и другихъ Славянъ), раньше или позже исчезли подъ влияніемъ неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ хорватскихъ и далматскихъ общинахъ соки возвысились до огромнаго политическаго значенія, заняли почетно мѣсто въ ряду общинныхъ властелей и главарей, сдѣлались главными оберегателями правъ общинъ. Съ такимъ характеромъ являются соки въ Полицѣ и другихъ хорватскихъ земляхъ, въ особенности въ городахъ далматскаго Приморья, удерживавшихъ до позднѣйшаго времени въ болѣе или менѣе степени общинные порядки городского устройства.

Избраніе прокаратуровъ Полицій Статутъ предоставляетъ общинѣ: «да стави опѣна полицка три прокаратура од три племена, по ѡдан од свакога племена, како и суде, на годишће, да она отежу опѣна дугована» ¹⁾. Судцы, состоявшіе при князѣ, избирались изъ племенъ — Тишемиричь, Лимийъ и Кременичанъ (3). Изъ этихъ же племенъ избирались и прокаратуры. Число ихъ позже то уменьшалось, то увеличивалось; въ 1662 г. было только два прокаратура (одинъ изъ нихъ — старый воевода Стипанъ Башичъ, другой — кнезь Иванишъ), въ 1677 г. избраны четыре, всѣ изъ князей (268, 282). Прокаратуры, въ своей совокупности, составляли одинъ институтъ, всегда дѣйствовавшій въ виду охраненія общинныхъ интересовъ («опѣна дугована»): плата слѣдовала всегда всѣмъ прокаратурамъ вмѣстѣ, хотя бы въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ прокаратуръ (8, 9).

Сущность должности прокаратуровъ Статутъ опредѣляетъ, вѣняя имъ въ обязанность — «да отежу опѣна дугована». Они обязаны «искати и прити се на свакога, ки учини кривину», — являлись обвинителями въ особенности по убійству, разбою, насилію и другимъ преступленіямъ, если обиженный «тужить» чрезъ посредство прокаратуровъ, или сами прокаратуры видѣли собственными глазами бой или иное преступленіе (они видѣли очима таа бой). Во всѣхъ такихъ случаяхъ прокаратуры обязаны «питати и позивати». На обязанности прокараторовъ лежало также открытіе и преслѣдованіе злоупотребленій, соединенныхъ съ принятымъ вредомъ для интересовъ общины, напр. когда кто либо, безъ дозволенія общины, заградить старый путь и учредить новый, заведеть гай и пр. Прокаратуры являлись здѣсь ближайшими стражами и защитниками правъ общины. Имъ дается наконецъ значеніе обыкновенныхъ адвокатовъ, ходатаевъ по чужимъ дѣламъ. Они могутъ

¹⁾ Община полицкая должна избирать трехъ прокаратуровъ изъ трехъ племенъ, по одному отъ каждаго, какъ и судей, на годъ, для отправленія общинныхъ дѣлъ (234).

«помогать» тяжущимся на судъ искать или защищать свое право, въ особенности когда истецъ или отвѣтчикъ, по болѣзни или другой причинѣ, не можетъ лично явиться въ судъ, или явится, но покажетъ — «неумим сам говорити». Выборъ прокаратуровъ въ такихъ случаяхъ предоставляется самымъ сторонамъ (7, 8, 15, 137, 234, 235).

Прокаратуры, подобно чешскимъ сокамъ, получали особое вознагражденіе за свой трудъ — *десетину* (десятую часть судебной пени), когда поклепъ поднять собственной властью прокаратуровъ, и *четвертый дио* (4-ю часть пени) — при поклепѣ, по порученію обиженной стороны. Прокаратуры не получаютъ послѣдней платы, если подсудимый принадлежитъ къ господскимъ кметямъ, — четвертый дио принадлежитъ его господину (8, 9, 234).

Въ Полицкомъ Статутѣ не встрѣчаемъ особенныхъ ограниченій правъ прокаратуровъ вчинать противъ кого бы то ни было поклепъ, какъ это было у Чеховъ и въ нѣкоторыхъ далматскихъ общинахъ, гдѣ соки должны были основывать свой поклепъ на свидѣльствѣ общины (*testimonium vicinorum*) или на обыкновенныхъ поручителяхъ, иногда же подкрѣплять свой поклепъ собственной присягой. Отъ полицкихъ прокаратуровъ требуется свидѣтельство общины только въ одномъ случаѣ, именно когда они хотятъ поднять новое обвиненіе въ высшемъ судѣ по дѣлу, уже рѣшенному въ низшей инстанціи. Въ такихъ случаяхъ прокаратуры, безъ общины, не могутъ вчинать дѣла «из силе али зле воле»; они должны «остати по закону самошест луди» — представить шесть стороннихъ людей, подкрѣпляющихъ своимъ свидѣтельствомъ законность поклепа прокаратуровъ (236).

Учрежденія, сходныя съ полицкими прокаратурами, встрѣчались въ старое время у вѣсѣхъ южныхъ Славянъ. Мы видѣли, что соки извѣстны загребскому и виводольскому уставамъ. Сельскій Статутъ также говоритъ объ «*examinatores nobiles jurati, qui debent examinare omnia maleficia confecta in civitate Segnie*» (Арх. III. 168). Такое же значеніе имѣютъ крскіе *присяжники* — публичные обвинители, бывшіе также защитниками вдовъ и сиротъ, оберегавшіе подобно полицкимъ прокаратурамъ права самыхъ общинъ. По грамотѣ общины Crisio 1252 г., *calumniator*, противъ котораго община сдѣлаетъ свидѣтельство (*contra quem communis populus faceret testimonium*), лишается всего имущества и со стыдомъ изгоняется изъ общины (Jura I. 70). Публичные обвинители, подъ названіемъ *accusatores communis, defensores communis, advocati, procuratores*, извѣстны средневѣковыми общинамъ далматскаго Приморья. Въ Травѣ каждые три мѣсяца избирались два обвинителя, «*qui in omnibus capitulis debeant superesse et accusare contravenientes*». Подобнымъ образомъ въ Корчулѣ назначались четыре адвоката «*contra omnes malefactores et maledictores*». Въ другихъ далматскихъ городахъ были также публичные обвинители и доносчики: они слѣдили за преступленіями, доносили о явныхъ преступникахъ и являлись на судъ въ качествѣ обвинителей, получая за трудъ особое вознагражденіе. Иногда (какъ въ Брацѣ) должность публичнаго обвинителя и защитника общины соединялась въ одномъ лицѣ (*syndici communis*) иногда же (какъ въ Травѣ) были особые *defensores communis* (См. Рейца 45, 190, 191). Въ Дубровникѣ избирались *парьци* (прьци, *accusatores*) *традьци* и *олжньски* (для

жунъ), сходные съ прокаратурами полицкини (См. Mikl. Mon. 39, 379. Цуджа Спом. II. 149, 150, 154, 155, 158). Парцы Душанова Законника (парьци, кои исходе на соуд царевъ, да кою рѣчь изговоре прьвоу, и те речн да соу вѣровале, — 169), имѣютъ вообще значеніе дубровницкихъ парцовъ, хотя въ другихъ мѣстахъ говорится о нихъ и въ смыслѣ тяжущихся (О сокахъ у Чеховъ и другихъ Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. III. 270. Ирѣчка Slov. pr. I. 177. II. 216).

5) Съ конца XVII вѣка является въ Полицѣ *опленъ ротни канциларъ*, какъ учрежденіе, общее для всей Полицы. Въ его завѣдываніи находится *канциларна*, въ которой изготовлялись всякіе оффиціальныя акты — листы, письма и пр. Канциларъ былъ также хранителемъ государственной печати. Въ его пользу идуть опредѣленныя поборы и пошлины; подобно другимъ старшимъ главарямъ, канциларъ лично свободенъ отъ податей, кромѣ харача. Должность канцилара отправлялась иногда другими главарами; напр., въ Статутѣ упоминается какой-то Марко Баричъ, бывшій въ одно и тоже время прокаратуромъ и канциларомъ (72, 277).

Разсмотрѣнными нами учрежденія раскрываютъ всю простоту и несложность государственнаго устройства Полицы. Вездѣ является главнымъ дѣятелемъ община съ своей сходкой и старшинами. Такой же простотой отличается устройство отдельныхъ *катуней*, управлявшихся подобно цѣлой Полицѣ своими сходками и старшинами.

1) *Сходки* (пук, виче) собирались въ отдельныхъ общинахъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и общіе полицкіе сборы. Село съ своимъ катунаремъ ставитъ выборныхъ людей; сельскому пуку предъявляются наредбы полицкаго вѣча и т. д. На общинныхъ сходкахъ присутствуютъ катунары; упоминается о канеллаѣ, который по праздникамъ (у светацъ заповидни) прочитываетъ сходкѣ наредбы. Кромѣ оповѣдн законовъ и наредбъ главной господы, мѣстныя сходки собирались для общинныхъ выборовъ; быть можетъ, и другіе предметы подлежали совѣщаніямъ на мѣстныхъ сходкахъ (указанія см. въ зак. ХСVIII).

2) Главныя мѣстныя старшины катуней и селъ полицкихъ носятъ названіе *катунарей*. Они титулуются также *кнезами*, но князьями называются иногда и другія должностныя лица, напр. прокаратуры. Нензвѣстно, какъ избирались катунары. Если выборъ старшихъ главарей принадлежалъ общиннымъ сходкамъ, то тѣмъ болѣе сами общины могли избирать своихъ непосредственныхъ старшинъ. Не встрѣчаемъ также подробныхъ постановленій о правахъ и обязанностяхъ катунарей. Они обязаны являться на общіе сборы, присутствуютъ на сходкахъ своихъ общинъ и вообще управляютъ дѣлами своего катуня на томъ же основаніи, какъ и великій князь заправляетъ дѣлами цѣлой Полицы (о катунарахъ см. 250, 251, 261, 267, 268, 270, 282). Катунары извѣстны также другимъ южнымъ Славянамъ. Въ Босніи напр. сельскіе старшины издавна назывались катунарами (напр. у Miklos. 465). Катунарамъ полицкимъ соответствуютъ сербскіе старѣйшины, кнези, прѣмикирье, владальци, пристаници и челници (начальници). Впрочемъ, юридическое значеніе этихъ учреждений доселѣ не довольно выяснено въ литературѣ; поэтому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности по этому вопросу, изложимъ нѣсколько соображеній, пользуясь указаніями памятниконъ, въ особенности изданныхъ

въ новѣйшее время, — указаніями, вполне выясняющими юридическій характеръ сербскихъ кнезовъ, владальцевъ и пр.

Старѣйшими (старѣшина) упоминаются въ двухъ хрисовулахъ сербскихъ кралей 1292 и 1348 г. (Обренов. 44. Miklos. 135). О *кнезавъ, прѣмникіяхъ* и другихъ лицахъ говоритъ Душановъ Законникъ и современныя грамоты. Историки, старавшіеся опредѣлить ихъ значеніе и руководившіеся при этомъ почти однимъ Законникомъ, приурочиваютъ ихъ по большей части къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ, Мацѣйовскій сравниваетъ прѣмникію (primicerius) съ польскимъ и венгерскимъ маршаломъ, считаетъ его первымъ сановникомъ въ государствѣ, отправлявшимъ высшую придворную должность (Pamiętn. II. 158. Hist. II. 49). Въ слѣдъ за Мацѣйовскимъ, и Крстичь относитъ прѣмникіевъ къ высшимъ должностнымъ лицамъ Сербіи (Гласн. IX. 118). Въ такомъ же духѣ объясняютъ историки значеніе чельниковъ, владальцевъ и приставниковъ, видя въ чельникахъ — дворскихъ чиновниковъ, въ владальцахъ — областныхъ правителей и т. д. (Жб. 119, 124). Всѣ подобныя объясненія не вполне оправдываются источниками. Вотъ что говоритъ Душановъ Законникъ объ ичисленныхъ учрежденіяхъ :

«Кнезовъ и прѣмникіевъ и владальцевъ и прѣставниковъ и чельниковъ, кои се обрѣтають селъ и катуны обладающе, тизи вси да се кажоуть образомъ выше писаннымъ, аще се обрѣщеть од нихъ тать или хоусарь. Аще ли соу владальци отовѣдали господаремъ, и господаріе се поневѣдали, да се тизи господаріе кажоуть како хоусарь и тать» (Зак. 124, 125).

Дѣло въ томъ, что Законникъ вѣнчаетъ въ обязанность селамъ и господарямъ (владѣльцамъ селъ) объявлять и выдавать правительству явныхъ татей и разбойниковъ. Въ приведенной статьѣ таже самая повинность возлагается на кнезовъ и другихъ, управляющихъ (обладающихъ) селами и катунами; если они (въ текстѣ — владальци) донесутъ (о татяхъ) господарямъ, то эти должны объявить (правительству). Уже изъ смысла статьи видно, что кнези и другіе владальцы стоятъ въ связи съ сельской жизнью, управляютъ селами, имѣя надъ собой господарей, которымъ прямо и могутъ доносить о татяхъ. При ближайшемъ изученіи приведенной статьи, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что какъ подъ господарями нужно разумѣть вообще землевладѣльцевъ (будетъ-ли это частное лицо, монастырь или царь), такъ и въ кнезахъ, прѣмникіяхъ, владальцахъ, приставникахъ и чельникахъ, нужно видѣть прежде всего общинныхъ старшинъ и управителей имѣній вельможескихъ, монастырскихъ и царскихъ. Наше мнѣніе вполне подтверждаютъ различныя сербскія грамоты стараго времени.

Кнези, по словамъ самаго Крстича, имѣли въ старой Сербіи различное значеніе и, между прочимъ, означали сельскихъ старшинъ въ имѣніяхъ церковныхъ и вельможескихъ (Гласн. IX. 110). При Душанѣ монастырь Призренскій получилъ въ «башину» нѣсколько селъ и катуней власскихъ. Въ данномъ по этому случаю хрисовулѣ поименно обозначаются крестьяне, принадлежавшіе къ пожалованному имѣнію: въ каждомъ катунѣ упоминается прежде всего его старшина, а за тѣмъ и остальные крестьяне, — во главѣ катуна Голубовци стоитъ «Гюргъ кнезь з братномъ и сновн» (Гласн. XV. 292). Точно также въ грамотахъ первовѣчаннаго

краля Стефана монастырю Жичи и краля Милутина Хиляндарской церкви встрѣчаемъ въ числѣ крестьянъ «*кнеза Грьдъ с дѣтию*» и «*кнеза Воихву съ дѣтию*» (Шафарика *Ramátky*. 7. Аврамовича *Опис. древи. србски*, № 6). Князь, въ значеніи сельскаго старшины, доселѣ встрѣчается въ сербскихъ селахъ (Гильферд. Боснія. 90. 437). Такое же значеніе князей извѣстно было и другимъ Славянамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши сельскіе старшины назывались *kniaziowie*, *knyasz*, еще въ XV вѣкѣ (См. кн. Любомирскаго *Jngysdyksya patimon. w. Polsce*, 22, 28, 42).

Примикирье (прѣмйкириѣ, примикюрье) упоминаются также въ числѣ крестьянъ жалованныхъ имѣній. Въ хрисовулѣ царицы Евдокии 1379 г. Хиляндарскому монастырю находимъ слѣдующее мѣсто:

«Людемъ же прѣковнимъ устависмо законъ, да есть сии по нихъ, да дае всаки нихъ у годищи три дни оранна, *по селъхъ же примикюрисе кои су*, да послѣдуютъ с конми игумна, якоже хочеть, а прочии да поносъ прѣквни принашаю на Струму, носель (говецъ) же прѣквни *примикюрисе* на конихъ да исправляю» (Miklos. 191)

Въ приведенномъ выше хрисовулѣ Душана Призрѣбскому монастырю примикюрье, подобно кнезамъ, означаютъ также сельскихъ старшинъ: въ катунѣ Блатчане-Байславъ *прѣмикюръ* з братіомъ и синови, въ катунѣ Добрушанци — *прѣмикюръ* Воихна, въ кат. Костръчане — Богданъ *прѣмикюръ*. Прѣмикюрье исчисленныхъ катуней соответствуютъ кнезу катуня Голубовци (Гласн. XV. 288, 291 — 295).

Владальци имѣли различное значеніе. Они означали, во 1-хъ, вообще княжескихъ чиновниковъ, носившихъ въ старой Сербіи и Босніи общее названіе *властельей*, владущихъ, *владальцевъ* (Обренов. 13, 38, 43, 128 и пр.). Во 2-хъ, Законникъ Душановъ специально называетъ владальцами (*владальць градски*) лицъ, предъ которыми судились жители городовъ, — ихъ судъ и назывался городскимъ судомъ. (См. Законникъ, ст. 173). Наконецъ, въ 3-хъ, владальцы упоминаются въ приведенной выше статьѣ Законника, какъ лица, «обладавшія» селами и катунями и бывшія въ какой то зависимости отъ господарей. Ирѣчекъ совершенно вѣрно уподобляетъ градскихъ владѣльцевъ Законника *княжимъ тиунамъ* Русской Правды и чешскимъ *vládar'ямъ*, управлявшимъ пригородными королевскими имѣніями со всеми служебными людьми, доходами (Ирѣчка *Slov. pr.* II. 183. Ср. также Мацѣйовскаго *Ramiet*. II. 159). Еще большая аналогія замѣтна между сербскими владальцами, жившими по селамъ, и *сельскими тиунами* Правды. Тѣмъ и другимъ можно давать значеніе обыкновенныхъ сельскихъ старшинъ, въ особенности правителей владѣльческихъ общинъ, жившихъ на земляхъ княжескихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ. Сельскіе владальцы Законника коренятся въ одномъ источникѣ съ старопольскими *wladarz'ами* и *tywon'ами* — старшинами сельскихъ общинъ, жившихъ по польскому праву и управлявшихся своими владарями и тивунами на томъ же основаніи, какъ и нѣмецкія осады управлялись своими солтысами (Любомир. *Jurisd. patrim.* 17).

Челникъ (чеоникъ, начелникъ) имѣлъ также различное названіе. Подобно

русскимъ тѣнамъ — дворскимъ, огнищнымъ, сельскимъ и пр., сербскіе челники находились при дворѣ (*челники великіе, челники ризничіе*), въ значеніи дворскихъ чиновъ, и жили по селамъ и катунамъ на общемъ положеніи сельскихъ старшинъ (о челникахъ, какъ дворскихъ чинахъ, см. Mikl. 69, 85, 102, 152 и пр.; сельскіе челники упоминаются въ Душ. Зак. 124).

Наконецъ, *приставилими* вполне сходны съ нашими *приставами* и *прикащиками*, представленными къ завѣдыванію волостями и селами. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскіе приставы прямо отождествляются съ челниками (Мацѣйов. Hist. VI. 407 — 408).

Изъ сказаннаго нами выводимъ заключеніе, что Душановъ Законникъ даетъ одинаковое значеніе кнезамъ, прикикрямъ и другимъ лицамъ, «кои се обрѣтають сели и катуни обладающе». Они означаютъ вообще сельскихъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ селъ и катуней, — учрежденіе, вполне аналогическое съ полиціи кнезами и катунарами.

Кромѣ катунарей, находимъ въ полиціи селамъ и катунямъ другія общинныя должности. Сюда относятся: сельскіе приставы и выборные люди, подъ названіемъ добрыхъ людей, ямцовъ, одговорниковъ, цинцевъ и пр.

3) *Приставы* имѣли въ Полициѣ самый обширный кругъ дѣятельности. Они «сидятъ на судѣ»; при ихъ участіи совершаются всякія «ствари и догованья меу людьми». Приставы раздѣлялись на *общинныхъ* (опѣени пристав), избравшихся цѣлой Полицией, въ значеніи главныхъ исполнительныхъ лицъ по суду и управленію (по правдѣ жупской), и *сельскихъ приставовъ*, состоявшихъ въ связи съ общиннымъ судомъ и расправой. Приставы судебныя отличались отъ приставовъ съ полиційскимъ характеромъ. Здѣсь мы скажемъ только о послѣднемъ значеніи приставовъ, — судебной дѣятельности ихъ коснемся въ отдѣлѣ о судоустройствѣ.

Приставы назначаются въ каждой общинѣ. Села должны имѣть двухъ приставовъ, въ особенности для надзора за исполненіемъ наредбъ и законовъ и для открытія и преслѣдованія преступленій. Подобно полиціимъ прокаратурамъ или адвокатіи югіс сомпили другихъ далматскихъ общинъ, приставы играли по селамъ роль оберегателей общинныхъ правъ. Полициій Статутъ вмѣняетъ приставамъ прямую полиційскую дѣятельность, только касаясь «содомскаго или неподобнаго грѣха» и истребленія дѣтей; но нѣтъ сомнѣнія, что обязанность предупрежденія и пресѣченія преступленій лежала на приставахъ и въ другихъ случаяхъ. Приставы подлежатъ значительному штрафу, если не будутъ «вапнти» — открывать преступниковъ и вести ихъ предъ общину (179 — 181, 261).

4) Въ *выборныхъ людяхъ* полиціи общинъ мы встрѣчаемся съ весьма интереснымъ учрежденіемъ, уясняющимъ значеніе *добрыхъ людей*, нашихъ судныхъ мужей и цѣловальниковъ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ «вѣщателей» народнаго обычнаго права (Морошкинъ). Полициій Статутъ говоритъ о *добрыхъ и праведныхъ братахъ* — выборныхъ людяхъ, которыхъ всякое село, «складно» съ своимъ катунаромъ, избирало (да поставе) подъ присягою, въ числѣ двухъ, «да имаѣу добру помну за ову варедбу, да се има

обслужити»¹⁾. Сельскіе приставы, ежегодно, чрезъ каждыя два мѣсяца, обходили общины, для наблюденія за выборными, съ правомъ «оповиди» жупъ, при неисполненіи ими своего дѣла, «ако бы меншали помие за ове наредбе» (261).

Въ нашей литературѣ давно уже высказано довольно вѣрное мнѣніе о славянскихъ добрыхъ людяхъ, какъ народныхъ представителей въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ (Майкова Судъ присяжи., въ Рус. Ст. 1861, 31 — 34). Такихъ народныхъ представителей можно видѣть въ выборныхъ людяхъ — хранителяхъ и вѣщателяхъ обычаевъ и законовъ. Къ нимъ можно въ полной мѣрѣ прикѣпить названіе *вѣщизъ людей*, какъ иногда назывались въ старой Сербіи добрые мужи (Mikl. 144). Вѣщизе, добрые люди имѣли важное юридическое значеніе въ общественной жизни Полицы и другихъ южнославянскихъ общинъ. Общины отражали добрыхъ мужей, подъ названіемъ *ямцовъ* (ямци) и *одговорниковъ*, на общій сборъ; добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если требовались при этомъ особенныя свѣдѣнія или рѣшеніе по совѣсти (по домысли и кушенция). Добрые люди являлись *оцѣнщиками* (цинци достонни), при отчужденіи племенщицъ и въ другихъ случаяхъ; напр., они оцѣнивали раны и убытки, понесенныя обиженными, опредѣляли цѣну воровскихъ вещей и пр. (61, 64, 80, 249, 261, 267). Словомъ, добрые мужи принимали весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ. Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на сходкахъ), удерживалъ доступъ къ нимъ чрезъ посредство выборныхъ мужей, отражавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или иныхъ обязанностей, или игравшихъ роль вѣщизъ людей, присяжныхъ хранителей и вѣщателей обычаевъ и законовъ. Поддерживая въ народѣ юридическое сознаніе, вѣщизе или добрые люди, ямцы и одговорники, являлись на законодательныхъ сходкахъ главными проводниками юридическихъ воззрѣній народа, какъ и въ сферѣ административной и судебной играли роль оберегателей народныхъ интересовъ (о добрыхъ людяхъ у Славянъ вообще см. Мацѣйовскаго Hist. III. 180, 262, IV. 97; Рейца Политич. устр. 73, 74, 107; Майкова судъ присяжи. 31).

5) Замѣтимъ наконецъ, что *круговая порука* была одной изъ главныхъ основъ администраціи полиціи общинъ. Это начало съ полной силой выступало въ особенности по вопросу о внутренней и вѣншей безопасности общинъ. Общественный строй Полицы до позднѣйшаго времени обходился безъ болѣе организованныхъ средствъ общественной безопасности и защиты правъ всѣхъ и каждаго въ отдѣльности. Платежъ дикой виры — главное проявленіе круговой поруки — составлялъ повинность общинъ, несшихъ отвѣтственность за своихъ членовъ: въ Полицкомъ Статутѣ вражда (дикая вира) прямо отвесена къ числу общественныхъ «данакъ», стоитъ рядомъ съ харачемъ (турецкою данью), десятиною и другими государственными повинностями (14). Неся отвѣтственность за своихъ членовъ, община обязана была «стати», защищать ихъ отъ нападеній и обидъ, пользовалась широкимъ правомъ мести (тирати) противъ чужихъ и своихъ. Противъ нарушителей

¹⁾ Т. е. съ тѣмъ, чтобъ они имѣли строгій надзоръ за соблюденіемъ законовъ.

земского мира Статутъ дозволяетъ самоуправство толпы: «пунѣано опчина, да нан руку ставе»; или «да му иде поштована опчина на куѣу и да му розвали куѣу и негове све ча годи има да се узме у опчину полицку» (188, 247, 256 и др.). Въ свою очередь, члены общинъ, въ силу солидарности отношеній, обязаны были содѣйствовать своими частными средствами общественному порядку и благочинію. Противъ злыхъ людей «да ина бити ведан другому у пожоји гди буде потреба». Всякій долженъ «чувати», открывать и преслѣдовать явныхъ преступниковъ и нарушителей земскаго мира, иногда подъ угрозою значительныхъ штрафовъ (зарокъ). Круговая порука высказывалась наконецъ въ общей повинности «путити сву жупу на помоѣ на злеѣ луде». Охраненіе дорогъ было издавна у всѣхъ Славянъ главной повинностью общинъ. Въ Полицѣ былъ «путь опѣени велики крозь жупу» и меньшіе «гонники» между селами. Охраненіе такихъ путей «своѣом руком» отъ разбойниковъ и другихъ лихихъ людей было повинностью всѣхъ полицкихъ общинъ (266, 267). Здѣсь нужно видѣть учрежденіе путевой стражи, существовавшей въ старое время у Сербовъ и другихъ Славянъ. (О подробностяхъ см. мою статью объ устройствѣ Дубровника).

Обозрѣніе государственнаго устройства Полицы заключимъ нѣсколькими замѣчаніями о *судоустройствѣ* по Полицкому Статуту.

Прежде всего замѣтимъ, что Статутъ различаетъ двѣ формы судебной расправы: судъ чрезъ посредство органовъ общественной власти и самосудъ, самоуправство, помимо всякихъ судебныхъ органовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ общинъ, по дѣламъ между полицянами, дѣйствуетъ главнымъ образомъ начало общественнаго суда и только по исключенію допускается самосудъ (частная расправа, месть); самосудъ въ полной мѣрѣ господствуетъ въ отношеніяхъ полицчанъ къ «изванскимъ» (чужеземцамъ).

Самосудъ въ дѣлахъ съ чужеземцами признается въ слѣдующихъ статьяхъ Полицкаго Статута: «Ако ли би убио полицчанинъ изванскога *за кровь придну* (за прежнее убійство), за тои имаю Полица стати (защищать); ако ли би *незаймито*, тои е оно га ствар, ки кровь учини. Ако ли би извански полицчанина, тои имаю тирати (мстить) Полица брацки, ако е *врезъ займито*; ако ли е *за придну пизму* (месть), неимаю га Полица тирати. Ако ли би убио али обранио изванни изваннега у Полицих, за то се Полица неимпачад» (52 — 54). Частная расправа допускается при «придной крови или пизмѣ»: — убійство полицчанина чужеземцемъ вызываетъ кровную месть цѣлой общины или близкихъ убитаго, какъ и чужеземецъ можетъ «за придну пизму» воспользоваться правомъ мести относительно полицчанина. Въ обоихъ случаяхъ дѣло обходится безъ посредничества общественной власти, — при придной крови не имѣетъ мѣста «правда» — судъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Общественный судъ вовсе не вмѣшивается въ дѣла между чужеземцами.

Полицкій Статутъ допускаетъ также случаи зайвны судебной расправы самосудомъ въ дѣлахъ между полицчанами. Сюда относится главнымъ образомъ поимка преступника «лицемъ», на мѣстѣ преступленія: «ако би стигао и ухитро лицем, гди лунежъ (тать) негово води или носи», — обиженный можетъ распорядиться немедленно, не прибѣгая къ суду, а при сопротивленіи виновнаго, можетъ *убити оѣо на мѣсти* (31, 53, 102):

Въ внутреннихъ отношеніяхъ общинъ частная расправа, помимо суда, допускалась только въ крайнихъ случаяхъ — въ состояніи необходимой обороны и при сопротивленіи преступника, застигнутого на преступленіи «лицемъ». Въ обыкновенныхъ случаяхъ Статутъ принимаетъ основное правило: «вѣнма човикъ сам себе плаћати и одвазети» (162). Полное и абсолютное отрицаніе самосуда высказано Статутомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. «*Да нме волашь силе у силу чинити*» (32) — правило, буквально сходное съ положеніемъ Душанова Законника: «силѣ да нѣсть никому ни за единъ дѣльгъ въ земли царьской» (ст. 89). Никто не можетъ самовольно взыскивать (самосегом плаћати) своихъ долговъ, по основному правилу — «*ниткорь нима сам себи правде чинити*» (134. Ср. 114). Запрещающая самосудъ, Статутъ очень часто говоритъ: «пойди к правди, на судъ», ищи «правдомъ закономъ; свакому правда на мисту; сваки питаѣ свога по закону; сваки нма с миромъ и у миру свое ствари чинити с правдомъ и закономъ» (119, 161, 188 и пр.).

Судоустройство полицкой общины сложилось исторически, подъ главнымъ влияніемъ *автономическаго* развитія составныхъ ея частей и союзовъ, изстари пользовавшихся самостоятельнымъ правомъ суда и расправы. Дружина вервная и община территориальная — *status in statu* средневѣковой жизни Славянъ — выработали свои независимые органы суда, компетентные по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ общинъ. Статутъ Полицій говоритъ о *правдѣ жупской* и *верномъ судѣ*, какъ объ учрежденіяхъ изстародавнихъ (од искони), первоначально обнимавшихъ всѣ отдѣльные органы общественнаго суда и расправы. Позже къ нимъ примыкаетъ *господскій судъ*, компетентный для челяди и кметовъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Компетентность правды жупской, вервной и господской опредѣляется лишь однимъ началомъ — принадлежностью лицъ къ верви, опћинѣ и «господскимъ подложникамъ» и характеромъ судебныхъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы и права цѣлой Полицы или ея меньшихъ союзовъ. Другія начала судебной компетентности (мѣсто совершенія преступленій, внутренняя ихъ тяжесть и пр.) вовсе не извѣстны Полицкому Статуту. Вся его система судоустройства, въ особенности ученіе о правдѣ вервной и жупской, остается вполнѣ вѣрной старославянскому праву, чуждому сложнымъ и искусственнымъ порядкамъ и учрежденіямъ римскимъ и германскимъ.

1) *Правда жупская* (см. напр. 249) была компетентной для всѣхъ свободныхъ членовъ общинъ. Къ органамъ жупской правды относились: судъ предъ полицкимъ *зборомъ*, предъ *великимъ княземъ* и предъ *судцами-ротниками*. Въ этихъ учрежденіяхъ Статутъ видитъ органы суда, «ча се пита с *правдомъ закономъ*», и противопоставляетъ имъ *правду облублену*, производившуюся предъ *суци облублеными* (133).

а) *Правда законная* обнимаетъ учрежденія общинныя, предназначавшіяся для суда *по закону*, въ отличіе отъ органовъ правды облубленной, судившихъ по совѣсти (бравшихъ судное дѣло на свою душу). Правду по закону отправляетъ *судъ, столь полицки* (4, 119), состоявшій изъ официальныхъ судей; органами правды облубленной, напротивъ, были частныя лица, избранныя (облублены) самими сторонами.

Общія указанія на правду жупскую, въ особенностя по закону, Полицій

Статутъ даетъ въ статьяхъ, говорящихъ объ *опѣинахъ* и *Полицѣхъ*, какъ судебныхъ органовъ. Таковы слѣдующія мѣста Статута: «ако би му се невидна *одлука у Полицихъ*; ако ли е (правды господарь) не учини, а онъ кому е дужно, има понти *придѣ Полица*; ако бы тко нехотно хавати и везати те такове (преступниковъ) и повести ихъ *придѣ опѣину*» (5, 143, 180). Въ другихъ мѣстахъ опѣина или Полица замѣняются судомъ предъ княземъ, судцами или зборомъ. Напр., по 143 статьѣ истецъ, не довольный господскимъ судомъ, долженъ ити на судъ предъ Полицу, а по 16 и 237 статьямъ — предъ *судей-ротниковъ*, или къ князю, или на зборъ; судъ предъ Полицей, очевидно, обозначаетъ спеціально судъ предъ однимъ изъ этихъ органовъ общиннаго суда. Такое же значеніе имѣетъ опѣина 65-й и 151-й статей, въ которыхъ усвоается осудъ общинѣ пополамъ съ стороною (оправданной по суду): подъ общинной разумѣются вообще органы общиннаго суда, — право ихъ на осудъ и опредѣляется ближе и точнѣе въ 153-й ст.

Подъ полицкимъ столомъ нельзя разумѣть учрежденія, предназначавшагося для постоянныхъ судебныхъ засѣданій, въ родѣ сеньскаго трибунала, контингъ балтійскихъ Славянъ или судебни Псковитянъ. Полицкій столъ скорѣе всего соответствуетъ чешскому и русскому торгу (*trh*), также копѣ и громадѣ литовско-русской. Общественный судъ въ Полицѣ отличался патриархальной простотой судебныхъ сходокъ у древнихъ Славянъ, собиравшихся *подъ открытымъ небомъ*, безъ особенныхъ торжественныхъ формальностей. Какъ полицкіе сборы, такъ и судъ предъ княземъ, бывшимъ «на пути у Полицкихъ», учреждались, гдѣ и какъ придется. Судъ подъ открытымъ небомъ былъ общимъ обычаемъ Полицы, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста Статута: «тер би една страна купна дошла на рокъ своимъ правни, а друге не било, има ова страна *чекати до мрака и наложити омань и звати другу страну*»¹⁾.

а) *Судъ оловчовой*. Статутъ очень часто говоритъ о позвѣ «придѣ зборъ полицки», объ «одлукѣ, ча осуди (допита) купань зборъ Полиць», и пр. (8, 9, 121, 153). Судебной властью пользовался *опѣени* зборъ цѣлой Полицы и «братиски» зборы и вѣча. Въ Статутѣ записанъ одинъ случай суда на *зборѣ дѣдичскомъ*, по дѣлу князи Ивана Синовчича, обвинявшагося въ «непристойныхъ рѣчахъ» противъ дѣдичства воеводы Стазича (275). Не видно, чтобы судъ могъ производиться на сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. — Статутъ не опредѣляетъ дѣлъ, исключительно подлежащихъ вѣчевому суду: каждому свободному человеку дозволялось обращаться за судомъ къ князю, ротникамъ или збору, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (8, 235). Исключеніе составляли споры по племенщинамъ, входившіе въ компетентность князя и судей-ротниковъ (15, 115, 239). На зборѣ рассматривались и рѣшались верѣдко дѣла небольшой важности. Въ 1675 г. зборъ судилъ какого-то Ивана Сучича, который «одсиче на светога Арипра нос Марку Кухачицу, брез узрока, с коѣга носа изгуби жупа повличка велико благо» (276). Судъ на зборѣ не означалъ высшей судебной инстанціи. Всякое дѣло могло, правда,

¹⁾ Если бы одна сторона явилась на срокъ съ своими доказательствами, а другой не было, то явившаяся сторона должна ожидать до сумерекъ, разложить огонь и звать другую сторону (148).

начаться предъ княземъ и за тѣмъ, при недовольствѣ сторонъ, перейти на судъ предъ сборомъ (122); но тѣже самыя дѣла могли вчиняться на сборѣ и послѣ по апелляціи перейти на княжій судъ или на другой сборъ (121). Судъ на сборѣ имѣлъ по преимуществу характеръ суда общиннаго, доходы съ котораго шли всегда въ пользу общины (153 и др.).

β) *Судъ княжій*. Основной характеръ княжяго суда въ Полицѣ выработался прежде всего подъ вліяніемъ общаго положенія князя, не выдѣлявшагося изъ состава общинныхъ учреждений. Русская Правда и Законникъ Душановъ даютъ князю преобладающее значеніе въ сферѣ суда, упоминаютъ лишь вскользь объ органахъ общиннаго суда. Рѣче обозначается судебное значеніе общины въ Винодольскихъ Законахъ, устанавливающихъ двѣ самостоятельныя системы судоустройства, по различію правды кметской отъ княжяго суда. Не то видимъ въ Полицкомъ Статутѣ: судъ предъ княземъ считается въ немъ такой же жувской правдой, какъ и судъ предъ сборомъ или судцами — ротняками. Полицкій князь отправлялъ судъ, не въ видѣ самостоятельнаго права русскихъ князей — вотчиниковъ, но прежде всего какъ обязанность, лежавшую на немъ, въ значеніи старшаго главара Полицы, судившаго отъ имени и въ интересъ общины. — Статутъ ограничиваетъ судебную дѣятельность князя учрежденіемъ выборныхъ отъ общины, участвовавшихъ въ княжемъ судѣ. Въ «полагъ» (помощь) князю община ежегодно избираетъ трехъ *заклетвенныхъ судцевъ*, ходящихъ съ княземъ по Полицѣ, «правде питаюћи по закону». Судцы не равнозначительны съ дворскими судьями и вообще не принадлежатъ къ двору, отъ котораго Статутъ ясно ихъ различаетъ. Выборъ ихъ принадлежитъ общинѣ; они пользуются судными пенями наравнѣ съ княземъ; мало завися отъ князя, заклетвенные судцы отправляютъ свою должность и послѣ того, какъ князь «проиную», оставитъ свою должность (3, 4, 153, 195, 234). Обычай приставлять къ князю выборныхъ людей, ради контроля за его дѣйствіями по суду и управленію, особенно распространенъ и долго держится въ автономическихъ общинахъ, пользовавшихся политической самостоятельностью. Въ Дубровникѣ роль заклетвенныхъ судцевъ играло малое вѣче; въ другихъ далматскихъ общинахъ всегда находились при князьяхъ *consiliarii*, или судьи, выбранные изъ народа, безъ которыхъ князь не могъ почти ничего предпринимать. Заклетвенные судцы отчасти напоминаютъ также судныхъ мужей — цѣловальниковъ и лучшихъ людей древняго русскаго судоустройства, въ эпоху Судебниковъ удержавшихъ одно контрольное положеніе на судѣ. Полицкіе судцы, помимо контрольной дѣятельности, принимали на судѣ самое дѣятельное участіе, являлись въ полномъ смыслѣ судьями, имѣвшими одинаковое съ княземъ право на доходы съ суда. — Князь производилъ свой судъ преимущественно на *пути*, «кадъ иде, када гре около, ходейи у путь по Полицихъ» (115, 121, 122, 195, 262). Разъѣздой судъ князей и судей извѣстенъ былъ въ старое время у большинства Славянъ. О немъ говорятъ Винодольскіе Законы, Душановъ Законникъ (соудіе идоу по земли, коуде моу іестъ область), Польскіе Статуты (*wiesowe sądy, walne sądy*) и русскіе источники. Тотъ же самый обычай путевыхъ судовъ держался до позднѣйшаго времени въ Полицѣ. Онъ устранялъ необходимость въ учрежденіи мѣстныхъ судовъ по отдѣльнымъ общинамъ, о которыхъ въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека. Князь не меньше трехъ разъ въ годъ, или, лучше, въ теченіи своего княженья, обходилъ катуни и сѣда въ

судцами *звѣстившимъ* и съ полнымъ дворомъ, «правде чинѣна (питаючи) по законихъ полицкихъ» (или просто — по закону). Во время путей князь съ судцами, какъ видно изъ Статута, разбираетъ и судитъ *всѣ дѣла*, представлявшіяся на его судъ мѣстными жителями, давалъ людямъ правду по законамъ полицкимъ (8, 236). Статутъ предоставляет князю суду въ особенности разбирательство споровъ по племенщинамъ: «се немогу уложити у племенщину или него кнезь (и) суци, не будући вола обню странъ»¹⁾. Здѣсь можно бы спросить: почему Полицкій Статутъ выдѣляетъ въ компетентность княжяго суда въ особенности дѣла по племенщинамъ, предоставляя въ остальныхъ случаяхъ самымъ сторонамъ обратиться, по своему выбору, къ суду збора, ротниковъ или князя? Причину нужно искать, какъ намъ кажется, прежде всего въ самомъ существѣ и старомъ процессуальномъ характерѣ спорныхъ дѣлъ по племенщинамъ (наслѣдственному недвижимому имуществу, въ особенности землевладѣнію). Ни одинъ родъ процесса не требовалъ до такой степени разбирательства дѣлъ на мѣстѣ, какъ процессъ по поземельнымъ дѣламъ: въ старое время онъ всегда велся на самыхъ межахъ, — судьи выѣзжали на мѣсто, сюда являлись стороны, показывали межи и т. д. При особенномъ характерѣ полицкаго судоустройства, не давшаго мѣста учрежденію мѣстныхъ судовъ, подчинившаго всѣ судебныя дѣла общимъ органамъ жупской правды, поземельные процессы всего удобнѣе могли производиться, не столько на сборѣ или предѣ ротниками, не ходившими въ путь, сколько предѣ княземъ, «кад он гре околѣ». Въ этомъ смыслѣ Статутъ и говоритъ, что «уложити у племенщину» можетъ только князь съ судцами — единственный, если можно такъ выразиться, подвижной органъ жупской правды, отправлявшій судебную дѣятельность на мѣстѣ и въ средѣ обстоятельствъ, требовавшихъ судебного разбирательства. — Судъ въ Полицѣ, какъ и вездѣ, былъ доходной статьей князя. Въ мѣстѣ съ обязанностью производить судъ на мѣстѣ, во время путей, Полицкій Статутъ предоставляет князю право на «осуди» — судебныя пени, какъ это вообще принято за правило во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ. По древне-русскому праву судъ имѣлъ строгій вотчинный характеръ, составляя главную доходную статью князей: уже Правда усвоитъ князю виры и продажи, не оставляя никакого слѣда и намека на участіе общины въ пользованіи общественными пениями. Тоже самое нужно сказать о Душановомъ Законникѣ, предоставляющемъ общественныя пени царю и «царевымъ» судьямъ и властелямъ. Винодольскіе Законы строго различаютъ право князя и общины на судныя доходы. Перевѣсъ общины особенно замѣтенъ въ Полицкомъ Статутѣ. По первоначальнымъ его статьямъ, община беретъ осудъ, не только съ суда на сборѣ, но и съ суда княжяго: «осуди, ча осуди кнезь и суци, кнезу половица, опѣнии половица» (2). Въ другой статьѣ вѣроятно позднѣйшаго происхожденія пеня предоставляется вообще тому, кто судитъ, — пеня съ княжяго суда дѣлится между княземъ и судцами (153). — Отъ суда князя полицкаго дозволяется апеллировать на зборъ, а «од потрибе». — къ князю сплитскому. Судъ послѣдняго очевидно, имѣлъ только посреднической характеръ (122, 239).

γ) Судцы — ротники. Въ Статутѣ они положительно отличаются отъ суда

¹⁾ Т. е. безъ воли обнхъ сторонъ, никто не можетъ разрѣшать споры по племенщинамъ, кромѣ князя и судей (115).

князю и вѣчеваю, являются вполне равной низ судебной коллегіей, къ суду которой каждый могъ обратиться на такомъ же основаніи, какъ и къ суду на зборѣ или предъ княземъ (6, 8). О ротникахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи Статута, которыя Майковъ весьма основательно относятъ къ двумъ разновременнымъ редакціямъ:

«И приаше Полица, да *четыри властеле и девять* (въ заглавіи — *десет*) *дидичь*, да ка коли тужба *прид те суце* доходи, што би се тко тужно прокаратуром, или би сами тко тужно ѡм се, да *они питаю у блаю од свега, а од племенцине тко би што хотио новцину учинити, да ти суци уставлаю и разладаю* ¹⁾).

«А овои приаше поличане будући сви засдно, сви властеле и сва опѣина поличка, овако и по ова путь: учините по *четыри властеле и четири дидиче за три мисеце; наконь три мисеце да се друзи промине, ли такое у диле по осам тихъ е згора писанихъ. ако му буде криво, да позыва прида не* (т. е. предъ нихъ) за три дни у свакому мисецу» ²⁾).

Обѣ статьи говорятъ объ однихъ и тѣхъ же судьяхъ. Въ 15-й статьѣ они названы *суци*. Значеніе ихъ полнѣе опредѣлено въ слѣдующей (16-й) статьѣ: если по дѣлу кметей господня не дасть суда, «правду задоволю неучини», то истецъ «волень апелати *прид ове суце и ротники*, да греде *прид ротники*». Тѣ же самыя судцы перечисляются въ 153 статьѣ въ числѣ поличскихъ судей, пользовавшихся правомъ на доходы съ суда, — *суци 15 статьи названы здѣсь судци — ротници*.

Полицкій Статутъ далеко не касается всѣхъ деталей устройства коллегіи судей-ротниковъ. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ интересномъ институтѣ поличкаго судоустройства. Община избираетъ ротниковъ изъ племичей и дидичей. Коллегія состояла изъ 4-хъ властей и 9 или 10 дидичей; но, можетъ быть, позже ротники назначались поровну изъ обонхъ сословій (четыре властеля и четыре дидича). Впрочемъ, коллегія 13 ротниковъ могла существовать и независимо отъ 8-ти ротниковъ. Здѣсь можно видѣть аналогію съ устройствомъ сербской пороты, слагавшейся изъ 24, 12 и 6 поротцевъ, по различію дѣлъ «большихъ, манихъ (среднихъ) и меньшихъ». Можетъ быть, большая коллегія судила и большія дѣла, въ отличіе отъ 8 ротниковъ, избравшихся для дѣлъ менѣе важныхъ; хотя, вообще говоря, различіе между большимъ и малымъ «дльгомъ» не имѣло вліянія на устройство поличскихъ судовъ. Всего вѣроятно, что 13 и 8 поротниковъ — одно и тоже учрежденіе, упоминающееся въ Статутѣ въ разныя эпохи его развитія. Коллегія

¹⁾ И приняла Полица: 4 властеля и десять дидичей разрѣшаютъ всѣ споры по движимому имуществу, если представлена жалоба тѣмъ судьямъ (будетъ ли кто жаловаться чрезъ прокаратура или лично самъ); а если будетъ учинено насиліе по племенцинѣ, то тѣ же судьи уставляютъ и разсматриваютъ (дѣло). Ст. 15).

²⁾ Поличане, будучи всѣ вмѣстѣ, всѣ властели и вся община поличкая, приняли слѣдующее: набрали 4-хъ властелей и 4-хъ дидичей на три мѣсяца; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они смѣняются другими, (такъ чтобы) въ каждомъ отдѣлѣ было по 8-ми вышеписанныхъ (властелей и дидичей) Кто будетъ обиженъ, тотъ пусть позываетъ предъ нихъ не далѣе 3-хъ дней до начала всякаго мѣсяца (19).

состояла изъ однихъ ротниковъ; ни откуда не видно, чтобъ на ихъ судѣ присутвовалъ князь или княжій человекъ. Приставы, находившіеся при судѣ ротниковъ (6), имѣли значеніе обыкновенныхъ исполнительныхъ лицъ, производившихъ напр. позвы и пр. Самое названіе судцевъ ротниками показываетъ, что они производили судѣ по присягѣ. Ротники избирались на короткое время — на три мѣсяца (заклетвенные судцы, какъ и другіе чиновники, отправляли должность въ теченіи года); по истеченіи срока службы старыхъ ротниковъ, коллегія обновлялась въ своемъ составѣ назначеніемъ новыхъ судей. Судѣ ротниковъ учреждался не для однихъ племенныхъ людей, но вообще для всѣхъ свободныхъ людей; къ суду ротниковъ могли обращаться и кметы, если ихъ господинъ не давалъ имъ суда (16). Касательно дѣлъ, подлежащихъ суду ротниковъ, Статутъ просто говоритъ, что «они (ротники) питаю у *блаво ода свега*, а од *племенщине* тко би што хотю *новщину* учиняти»; или въ другомъ мѣстѣ: «ки учини *крисину*, на име тко учини *крв*,... и тко бы кога *било*... или по ки путь коли тко учини *силу*... и кто ли би се наша *лупеж меусобацъ*, племенитъ човикъ или кметийъ, да га они могу позвати и прити приа кнезомъ, *али прид суци* (ротники), али предъ зборомъ» (8, 235). Изъ этихъ мѣстъ ясно видно, что компетентность суда ротниковъ распространялась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Исключеніе составляла одна племенщина: ротники судятъ только силу или новщину, — другія дѣла и споры по племенщинамъ, какъ мы видѣли, подлежали суду князя, который одинъ имѣлъ право разбирать и утверждать своимъ приговоромъ законныя права на племенщину (уложить у племенщину). Ротники имѣютъ значеніе настоящихъ судей. Они производятъ «судѣ и питанье»; въ своей коллегіи они «питаю, разгледаю и уставаю». Нѣтъ нигдѣ намёка, чтобъ отъ ротниковъ дѣла переходили къ другимъ судьямъ. По всему видно, приговоръ ротниковъ считался окончательнымъ, не допускалъ перевершенія дѣла въ новой инстанціи.

Институтъ полицкихъ судей — ротниковъ несомнѣнно коренится въ одномъ источникѣ съ сербскою поротою. Порота и судцы-ротники въ одинаковой мѣрѣ судили по присягѣ, представляли *коллегію присяжныхъ*, взятыхъ на время изъ народа, — коллегію, противопологавшуюся судамъ должностнымъ (въчехому и княжему) и посредническимъ (душникамъ и облубленнымъ судцамъ). Съ другой стороны, судцы-ротники представляютъ весьма существенныя отличія отъ сербскихъ поротцевъ. Они различны между собой въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

- 1) Полицкихъ присяжныхъ избирала община, сербскихъ и дубровницкихъ — большею частію сами стороны.
- 2) Полицкая община выставляла присяжныхъ изъ сословій, указанныхъ въ самомъ законѣ, — должность ротниковъ была привилегіей властелей и дичей. Поротцы сербскіе всегда избирались изъ «дружины» вѣста и отвѣтника, т. е. изъ лицъ равнаго съ ними состоянія.

- 3) Полицкіе ротники отправляли должность въ теченіи законнаго срока (трехъ мѣсяцовъ); поротцы сербскіе назначались одновременно. Первые судили въ теченіи цѣлой судебной сессіи; вторые призывались только въ одно судебное заведеніе.

4) Въ Полицѣ одни и тѣже ротники судили всѣ дѣла, поступающія на ихъ рассмотрениеъ въ теченіи сессіи, на которую они призваны. Сербскіе поротцы призывались только для рѣшенія давняго случая, послѣ чего они слагали съ себя должность поротцевъ и входили въ разрядъ простыхъ гражданъ.

5) Полицкая коллегія ротниковъ имѣла вполне самостоятельный характеръ, слагалась изъ однихъ ротниковъ. Въ составъ пороты сербской и дубровницкой входили должностные судьи, — *ius* и *judicium* отправляли здѣсь различные органы.

6) Полицкіе поротцы не только оправдывали или обвиняли подсудимаго, но и «устанавливали судъ и питають», судили въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поротцы сербскіе, напротивъ, только оправдывали или обвиняли, «да оправе или да окриве».

Въ послѣднемъ пунктѣ мы рѣшительно расходимся съ Майковымъ, ограничивающимъ дѣятельность полицкихъ ротниковъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго (см. Судъ присяжныхъ, 57). Въ этомъ случаѣ Майковъ вполне отождествляетъ полицкихъ ротниковъ съ сербской поротой, что положительно невѣрно. Майковъ говоритъ, что, обязывая присяжныхъ оправданіемъ или обвиненіемъ и желая «избавить ихъ отъ окончательнаго исполненія приговора, уставъ самъ уже опредѣляетъ пеню, подробно говоритъ о наказаніяхъ за извѣстныя уголовныя преступленія, такъ что самъ уже законъ опредѣляетъ наказаніе и примѣняетъ его къ различнымъ случаямъ уголовныхъ дѣлъ». Положимъ даже, что Полицкій Статутъ дѣйствительно подробно опредѣляетъ наказанія; но значить ли это, что уставъ тѣмъ самымъ устранялъ судей отъ окончательнаго исполненія приговора? Спрашивается, кто же опредѣлялъ наказаніе и исполнялъ приговоръ: ротники избавлены отъ этой обязанности; должностные судьи не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло; выходитъ, что приговоръ присяжныхъ просто — на просто всегда оставался безъ исполненія. Утверждать, что наказаніе назначалось и приговоръ исполнялся безъ посредничества и власти судьи, что *самъ* законъ заботился о примѣненіи наказанія къ данному случаю, не вѣряя этого дѣла какому либо органу общественной власти, значить высказать рѣшительное незнакомство, ни съ основными началами ученія о процессѣ, ни съ духомъ развитія юридическаго быта у Славянъ и въ частности въ Полицѣ. По основному правилу, равно извѣстному всѣмъ законодательствамъ, если дѣло вступило на процессуальный путь, то, вмѣстѣ съ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, было не менѣе важнымъ дѣломъ — примѣненіе наказанія, а оно, по самому существу своему, могло не иначе совершаться, какъ при посредствѣ власти дѣйствительнаго судьи. По Майкову выходитъ напротивъ, что Полицкій Статутъ оставлялъ на произволъ судьбы самую главную часть уголовного процесса, отправленіе которой всегда и вездѣ принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ судей, дѣйствовавшихъ *ex officio*. Если законъ точно и подробно опредѣляетъ наказаніе, то едва ли это значить, что онъ желалъ избавить судей отъ одной изъ ихъ служебныхъ обязанностей — отъ исполненія приговора и пр. Здѣсь скрывается иная умысль: точное опредѣленіе наказаній, въ особенности пеней, слѣдовавшихъ судьямъ или князю, можно объяснять, какъ угодно, но только не такъ, какъ объясняетъ Майковъ. Кромѣ финансовыхъ расчетовъ, законодатель могъ при этомъ

руководиться желаніемъ устранить лишь произволъ судей въ назначеніи наказаній и исполненіи приговоровъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній говорить, что Полицій Статутъ отличается точнымъ опредѣленіемъ наказаній на всѣ возможные случаи: этотъ вопросъ составляетъ самую трудную и капиталную задачу уголовного права, не всегда и не вполне удовлетворительно рѣшаемую даже современными намъ законодательствами. Полицій Статутъ, напротивъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говоритъ, что законъ не можетъ опредѣлить до подробностей ни преступленій, ни самыхъ наказаній. Для примѣра приведу статьи о ранахъ и назначенныхъ за нихъ наказаніяхъ. Опредѣливъ пенн за главные виды членоповрежденій и за простые раны и побои, Статутъ далѣе говоритъ вотъ что:

«И бошь гди би се те такове ствари згодиле, ке би такои веле сметене (сиртне), има се *процинити* по циньцихъ (свидоцихъ), ничъ по закону, а ничъ по мисли и кушенци, и паке *разабравши*, зачь е тои учинено и по чеми» ¹⁾.

«И толикое се има *цинити* веће еданъ (палець) од другога, колико е ки од кога вриди. и паке се има процинити, або би сасвимъ неманькао кон годи удь; тоту има бити *размледь*» ²⁾.

«Има се видити, гди е и у комъ мисту учинено, и на комъ дугованью, и с кога узрожа; *зачь се немогу све ствари напуно исписати, да има се по кушенци николико судити*» ³⁾.

«Они, ки буду равамъ цинци, имаю видити и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и обычаю, а ничъ по домисли и покушенци; зачь зе немогу премъ све сваке ствари напуно сасвимъ законити, измирити и угонитити, *ни се могу премъ све ричи у штатутъ поставити*; да има се прозрити и *процинити*... све има сагнути и примирити, ере се немогу све ствари именовати, како е згора речено» ⁴⁾.

Эти мѣста ясно показываютъ, на сколько Статутъ желалъ освободить судей отъ опредѣленія наказаній: судьямъ, напротивъ, вѣнчалось въ обязанность назначать наказанія по *закону и обычаю*, даже по собственной *домисли и кушенци*. А что ротняки *судили* въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ объ этомъ положительно говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ:

¹⁾ Если бы случилась такія дѣла (раны), которыя грозили бы смертью, то должно оцѣнить (ихъ) посредствомъ оцѣнщиковъ (свидѣтелей), отчасти по закону, отчасти по усмотрѣнію и совѣсти, разсмотрѣвши, изъ-за чего и какъ то учинено (39).

²⁾ И на столько одинъ (палець) долженъ цѣниться больше другаго, на сколько онъ важнѣе этого. И опять слѣдуетъ (иначе) оцѣнить, если бы совсѣмъ не доставало какаго либо члена. Во всѣхъ такихъ случаяхъ долженъ имѣть мѣсто осмотръ (40).

³⁾ Должно разсмотрѣть, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ учинено, на какомъ дѣлѣ и по какой причинѣ; потому что невозможно вполне опредѣлить (въ законѣ) всѣхъ дѣлъ, но должно судить по совѣсти (42).

⁴⁾ Оцѣнщики ранъ должны видѣть и смотрѣть (ихъ) и, обсудивши, оцѣнить, отчасти по закону и обычаю, а отчасти по усмотрѣнію и совѣсти; потому что невозможно всѣхъ дѣлъ вполне опредѣлить въ законѣ, измѣрять и устанавливать, ни записать ихъ въ Статутъ; слѣдуетъ разсмотрѣть и оцѣнить... во все должно вникать и обсудить, потому что нельзя наименовать всѣхъ дѣлъ, какъ выше сказано (64).

«И тако тогда осуда и свакога осуда гре по страни, а друга по оних *судимъ*, ки тои буду *судили*: ако е о князу, тада князу и судцем; ако ли су (судили) *судци-ротници*, тада ним; ако ли е придь збором, тада опѣни»¹⁾.

Значеніе ротниковъ, какъ судей, несомнѣнно видно изъ этого мѣста. Они вполнѣ уравниваются съ зборомъ и княземъ, наравнѣ съ ними производять судъ и питанье — дѣло, не ограничивавшееся однимъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, но главнымъ образомъ обвинявшее назначеніе наказанія и исполненіе приговора.

Полицкіе судцы-ротники, такимъ образомъ, отличались отъ сербской пороты во многихъ существенныхъ пунктахъ. Но ихъ нельзя также уподоблять нѣмецкимъ *Schöffen*'амъ — постояннымъ судебнымъ засѣдателямъ, избравшимся самымъ правительствомъ какъ бы въ помощь къ главнымъ судьямъ. Судцы-ротники занимали среднее мѣсто между поротой и скабинами. Ихъ нельзя выводить изъ внѣшнихъ вліяній; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на «уступку въ пользу сосѣдняго устроа»: уступка могла быть здѣсь лишь въ пользу собственнаго внутренняго устроа полицкой общины. Полица вовсе не знала чиновниковъ въ теперешнемъ смыслѣ. Всѣ должностныя лица — главари и судья Полицы, отъ малыхъ и до большихъ, служилъ общинѣ, имѣли въ большей или меньшей степени характеръ добрыхъ или лучшихъ людей, временно приставлявшихся общиной къ администраціи и суау, — во всѣхъ главаряхъ проглядывало такъ или иначе значеніе людей «заклетвенныхъ», ротниковъ. Общественный строй полицкой общины условливалъ не противоположеніе присяжныхъ чиновникамъ, какъ это напр. было въ Сербіи, но обоюдное вліяніе и обліженіе главарей и присяжныхъ судей. Оттого можно вмѣстѣ съ Майковымъ сказать, что учрежденіе судей ротниковъ возросло «на славянской почвѣ подъ славянскимъ воззрѣніемъ: въ немъ, какъ учрежденіи домашнемъ, высказалась своя распорядительность и особенность со стороны народа, которымъ оно было выношено и воспитано».

б) Правдѣ законной, обвинявшей судъ предъ зборомъ, княземъ и судцами-ротниками, противопоставляется *правда облублена*, имѣвшая мѣсто «придь *суци облублени*» (133). Статутъ упоминаетъ объ этихъ судьяхъ почти только мимоходомъ. Имъ соотвѣтствуютъ русскіе трети, польскіе и мазовецкіе *jednascze* или *skladzce*, чешскій *soud slibny* (позднѣйшіе *roku domáci, rokovníci* или *prátelské uplívce*), сербскіе душники или душевники, дубровницкіе учиначье и *parvum stanicum*. Общій строй посредническаго суда всегда былъ одинаковъ. Третьей избирали стороны, для рѣшенія дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ. Они не присягали, брали дѣло на свою душу, судили по совѣсти. Трети только обязывались «оумирити», въ отличіе отъ поротцевъ, которые «да оправа или да окриве». Полицкій Статутъ не опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ имѣла мѣсто правда законная и въ какихъ —

¹⁾ И такимъ образомъ, вотъ и всякій осудъ идетъ (въ пользу) стороны, а другая (половина) судьямъ, которые то (дѣло) судили: если судилъ князь, то (осудъ идетъ) князю и судцамъ; если судцы-ротники, то имъ; если (судъ производился) предъ зборомъ, то (осудъ идетъ) общинѣ (153).

облюбленная. По словам Палацкаго и Ирѣчка, сербскіе душники и чешскій *slibny soud* призывались только по нечѣ важнымъ дѣламъ. Изъ дубровницкихъ законовъ о *stanicum pactum et sacramentum* видно, что судъ третей (*pacv. stan.*) въ обыкновенныхъ случаяхъ предшествовалъ суду присяжныхъ, — порота и ивѣла мѣсто, главнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ, когда не состоится миролюбное соглашеніе, или когда затруднительность и важность дѣла требовали учрежденія *stanicum sacramentum* (См. Палацкаго Сравни. Закон. Душ. 8 гл. Ирѣчка *Slov. pr.* II. 199. Рейца Политич. устр. далмат. город. 180. Мацѣйовскаго *Pamiętn.* II. 294).

2) Отдѣльныя формы суда, развивавшіяся рядомъ съ правдой жупской, составляли *суды вервыне* и *господскіе*.

а) *Судъ вервыный*. На него указываетъ постановленіе Статута «од племеньщину», гдѣ между прочимъ разбираетъ споры между братьями вервыными предоставляется верви. Ей принадлежитъ судъ по кривдамъ вообще (гдѣ се кому криво види) и въ особенности судъ по спорамъ изъ за племенщины, принадлежащей верви (114. См. мою статью о значеніи верви сравнительно съ задругою).

б) *Судъ господскій*. Господинъ (господарь) — *подобан суцац* надъ зависѣвшими отъ него кметями и людьми. Въ значеніи судьи, господинъ получаетъ на общемъ основаніи судныя пени съ провинившихся людей; если они, напр. по апелляціи истца, судятся въ другомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ господинъ удерживаетъ право на пеню. Всякій, имѣющій спорное дѣло съ чужимъ человѣкомъ, долженъ прежде всего просить суда у его господина; при отказѣ истецъ можетъ обратиться къ сбору и вообще къ Полицѣ, съ просьбой принудить господина дать судъ. Послѣ вторичнаго отказа истецъ можетъ обратиться къ жупскимъ судамъ на общемъ основаніи. Къ нимъ же дозволено «апелати», когда истецъ останется недовольнымъ господскимъ судомъ: отвѣчать на судъ обязанъ самъ отвѣчникъ. Взысканіе по судебному приговору обращается на виновнаго, а не на его господина. Съ другой стороны, всякій кметъ пользуется правомъ лично искать на другихъ, обращаясь съ искомъ или жалобой въ жупскіе суды на общемъ основаніи. Не видно, чтобъ при этомъ требовалось посредничество господина. Пока кметъ находится въ зависимости отъ господина, онъ долженъ безпрекословно исполнять всякій его судебный приговоръ; подложному человѣку, недовольному господскимъ судомъ, дозволяется возобновить дѣло въ жупскихъ судахъ только послѣ выхода его отъ прежняго господина: «да ако би кад пошаѣо од нега, воан би с правдомъ питати, ако би му ча криво али неподобно учиниѣо» (8, 9, 16, 122, 143, 151, 237 — 240).

Главными исполнительными органами, въ особенности правды жупской, считаются *приставы*. Статутъ различаетъ приставовъ *опѣениацъ*, *кнежиацъ* и *имиацъ*, состоявшихъ при зборѣ, князѣ и судахъ-ротникахъ. Приставы полагались также при правдѣ *облюбленной*. Одни приставы присягали на должность, почему и назывались *ротными*, въ отличіе отъ простыхъ приставовъ, не обязанныхъ присягой. Изъ Статута видно, что при каждомъ судѣ могло находиться нѣсколько приставовъ, — иногда одно судебное дѣйствіе (напр. позовъ) производилось цѣлой коллегіей приставовъ того суда, въ которомъ рѣшалось данное дѣло (1, 2, 6, 124, 126, 128, 131, 133, 135).

Судебная дѣятельность приставовъ определяется въ Статутѣ довольно точнымъ образомъ. Они *приставую*, чинять *приставщину* (124, 125, 129, 133), которая состоитъ въ производствѣ различныхъ судебныхъ дѣйствій — позовъ, мѣстныхъ разслѣдованій и осмотровъ, привода къ присягѣ сторонъ и поротниковъ (очистивковъ) и пр.; исполненіе приговора принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ приставовъ. Они дѣлаютъ спорную землю, взыскиваютъ долги, если самъ должникъ добровольно не разсчитается съ своимъ кредиторомъ, и пр. (6, 83, 116 и пр.). Сущность приставщины опредѣляетъ Полиційскій Статутъ слѣдующимъ образомъ:

«Пристави су, по кихъ се чине позови по закону, и правде питаю, и поротья, и продае, и такмине, и свидочаства и сваке ине ствари и дугованья меу людьми»¹⁾.

Приставщина возбуждается частной просьбой сторонъ, обращенной къ суду, о назначеніи и послыжкѣ пристава, для исполненія напр. позва или другихъ судебныхъ дѣйствій. Въ понятіе приставщины входятъ въ особенности всѣ отправленія приставовъ, производившіяся ими внѣ суда, когда они *«приставую стоѣли на номаѣ»*. Послѣ того, какъ приставъ донесъ суду о результатѣ исполненныхъ имъ дѣйствій, онъ *сиде у суду*: въ судѣ приставщина ограничивалась въ особенности допросомъ свидѣтелей и заклинаніемъ поротниковъ (124, 125).

Приставщина означала собственно *помощь*, которую приставы оказывали на судѣ сторонамъ. Сторона, приобретающая что либо по суду (ки допре и добуде племенщину, — ки пита терь добуде с правдом, — ки веѣе добива и ки се веѣе прппята, ча ине приа имила али држала), платила судьямъ опредѣленную закономъ осудь. Десятая часть (*дмд десети*, или просто *десето*) такой осуды слѣдовала всегда въ пользу приставовъ; приставы при облюбленной правдѣ получали только половину десятины. Статутъ, кромѣ того, постановляетъ, что и другая сторона, «ки ине хотио презъ парие (безъ суда) добровольно платити, има пристава кунь тати од себе». Приставничья плата взымалась всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, хотябы въ данномъ дѣлѣ приставщина производилась нѣсколькими приставами: десятый дѣль осуди слѣдовалъ имъ по равнымъ частямъ. Если въ приставщинѣ участвовалъ приставъ ротный съ нѣсколькими простыми приставами, то одна половина осуды слѣдовала ротному приставу, другая дѣлилась между остальными (2, 128—133).

Приставы, въ особенности ротные, считались «подобни и достойни вири», пока не будутъ уличены въ «фалсо и хитрости» — незаконномъ исполненіи приставщины. Пристава дозволялось «нарекать» предъ судомъ. По старому закону, *кривой* приставъ терялъ довѣріе: виѣствѣ съ удаленіемъ отъ должности, ему грозило изувѣченіе (насайя три ребра). Статутъ принялъ «милостивни» законъ: кривой приставъ «дужань иртвомъ враждомъ», т. е. старое наказаніе оплачивалъ денежнымъ выкупомъ въ пользу общины и оправданной стороны (124 — 127).

¹⁾ Приставы суть тѣ, посредствомъ которыхъ производятся позовы по закону, разслѣдывается правда и совершается присяга, продажа и договоры, свидѣтельство и всякія инныя дѣла и споменія между людьми (123).

Полиціе приставы представляют изстаринное учрежденіе, встрѣчавшееся въ прѣжнее время у всѣхъ Славянъ. Они равно известны всѣхъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскихъ законодательствъ.

Старыя хорватскія *sudovi* показываютъ, что *rotmi pristavi* состояли при старыхъ хорватскихъ судахъ (*sudacki stol*) въ значеніи главныхъ исполнительныхъ учреждений. Они производятъ позы, исполняютъ приговоръ и пр., сдаютъ на судъ, вообще считаются одной изъ составныхъ частей суда (*Arkiv. I. 203 — 204*). Съ такимъ же значеніемъ известны приставы (*pristavi, pristaldi, praecones* и пр.) средневѣковыми статутами приморскихъ далматскихъ городовъ (См. Рейца. 42—46).

Приставы Винодольскихъ Законовъ было общимъ названіемъ *слугъ, службаниковъ, позовниковъ* и другихъ лицъ, находившихся при князѣ и другихъ судьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. позовники, назывались *ротени* (присяжные). Винодольскіе приставы отправляли тѣже обязанности, какъ и полиціе. Законы опредѣляютъ таксу платы, получавшейся приставами отъ сторонъ, смотря цѣль иска (одъ навете и мане пре) и спорныхъ вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приставъ отряжался на иѣсто, напр. для осмотра поличнаго (убитаго животнаго и пр.), онъ получалъ вознагражденіе натурою (пару подошвъ). Если предметомъ поличнаго было мертвое «говедо» (скотъ, животное), то приставъ бралъ часть (если говедо было цѣло) или все поличное, а истецъ «ишти свое правде». Показанія пристава на судъ считались достойными вѣры, пока приставъ не окажется *кривымъ*. Приставъ кривой, кромѣ удаленія отъ должности, подвергался конфискаціи имущества (19, 48 — 51, 65, 73).

Сельскій Статутъ говоритъ о приставахъ (*pristavi*) и равнозначительныхъ съ ними *дворникахъ* (*dovornici, officiales curiae* = старорусскіе дворяне). Они производятъ позы, вводятъ во владѣніе и проч., получая за трудъ десятину, *desena soldinogum* (*Arg. III. 159, 160*).

Подобныя же учрежденія известны старосербскому судоустройству. Законникъ Душановъ говоритъ о приставахъ (*прѣставъ, приставъ*); къ разряду приставовъ относились *дворяне* и *посланици*. Приставы раздѣлялись на *дворскихъ* или *царевыхъ* и *судимыхъ*. Ихъ отражали судьи на *работу*, однозначашую съ полицкой приставщиной. Приставы всегда дѣйствовали по «книгѣ царской или судивой»: вышедши изъ предѣловъ книги, особенно при исполненіи судебного приговора (если «инако прѣтворить судъ»), приставъ считался *кривымъ*, какъ и въ Полицѣ подвергался изувѣченію (уръзанію языка и отсѣченію руки или ушей). Приставничье вознагражденіе, соответствующее полицкой и сельской десятинѣ, носитъ названіе *мздаве*. Законникъ упоминаетъ, кромѣ того, объ отдѣльномъ родѣ приставовъ, известныхъ подъ именемъ *глобарей*, представлявшихъ къ сбору «глобы» (тоже, что вира Р. Правды). Глобары доселѣ держатся у Черногорцевъ. Быть можетъ, они соответствуютъ русскимъ вирникамъ, тоже представлявшимся къ вирамъ.

Южнославянскимъ приставамъ соответствуютъ чешскіе *komornici, pihonci* и *posly* (*camegarii, bedalli*). При судахъ чешскихъ, какъ и полицкихъ, состояла цѣлая коллегія судебныхъ приставовъ. Главнымъ считался *stary komornik*, называвшійся также *komornicy starosta*, который завѣдывалъ всей коллегіей *коморниковъ*

(или коморничьихъ *druh'ovъ*). Въ старое время главный коморникъ имѣлъ при себѣ по найму (на *pajme*) нѣсколькихъ приставовъ; позже коморники сдѣлались постоянной (*stáli*) должностью (Archiv. cesky. I. 450, 451, 474, 476, 478. II. 78, 510. Ср. Ирѣчка Slov. pr. II. 183).

Старопольскіе *pristaldi* (*przystawy*) имѣли общее значеніе славянскихъ приставовъ. Изъ Вислицкаго Статута видно, что въ старое время польскіе приставы носили названіе *дѣтскихъ*, — по Статуту судебныхъ дѣйствій служебниковъ и возныхъ называются вообще *dzieckowanie* (См. Wojcicki Wisl. Stat. 7; ср. Статутъ въ Акт. Зап. Рус. I. 25). *Служебники* и *возные* (*sluzebnicy, woźni, ministeriales, officiales*) Вислицкаго Статута отправляютъ тѣ же обязанности, какъ и приставы другихъ славянскихъ памятниковъ. Они берутъ положенную закономъ плату и, въ случаѣ несправности по службѣ, наказываются удаленіемъ отъ должности (Lelewel Polska wiek sr. III. 21, 39, 69. и др. Bandtkie Sęzinski Hist. pr. pol. 134, 467. О приставахъ вообще см. Мацѣйов. Hist. I. 172. II. 66. III. 210. Палац. Сравн. Зак. гл. 6. Крстича, въ Глася. IX. 124).

Наконецъ русскіе *дѣтскіе, отроки* и другія исполнительныя учрежденія Русской Правды коренятся въ одномъ источникѣ съ славянскими приставами. Въ періодъ московскихъ законовъ они объединяются въ одномъ учрежденіи *приставовъ*. *Помочное* Русской Правды (напр. Троиц. сп. 16 и 19) вполне соответствуетъ славянской *десяти* и издавъ.

II. *Гражданское право*. Полицій Статутъ излагаетъ очень подробно постановленія объ отношеніяхъ имущественныхъ и наследственныхъ; есть также нѣсколько отдѣльныхъ постановленій о главнѣйшихъ родахъ обязательствъ (купль — продажѣ, мѣнѣ и пр.). Ученіе объ отношеніяхъ семейственныхъ изложено весьма неполно, — одни вопросы вовсе не затронуты Статутомъ, по другимъ встрѣчаемъ только общія указанія.

а. *Семейственныя отношенія*, по Полицкому Статуту, слагаются изъ отношеній тройкаго рода: отношеній между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми и между близкими (верными братьями). Первые два рода отношеній обнимаютъ союзъ *челади* — семья въ строгомъ смыслѣ; отношенія между верными братьями возникаютъ изъ союза *верви* (верной дружины) — общины съ семейнымъ характеромъ.

1) *Челядь*. О челяди, въ смыслѣ семьи, говорится въ двухъ мѣстахъ устава — о робствѣ и проклетствѣ. Запрещая робство подѣ угрозой смертной казни, Статутъ прибавляетъ: «тои се разуми, тко гредѣ (на войску с Турци или с Мартолосои) главом, да е дужань (главом), а ина челадь да ни дужна главомъ»¹⁾. Точно также проклятымъ, т. е. наказаннымъ церковнымъ отлученіемъ, запрещается «опѣити ни живити с иними людьми, одложе челади од оне куѣе, гди стои» (27). Челядь, живущая въ одномъ домѣ (куѣѣ), представляетъ союзъ мужа, жены и дѣтей. Въ отличіе отъ верви, имѣющей двусторонній характеръ, живущей по началамъ

¹⁾ Это разумется, когда кто идетъ самъ на войну съ турками или мартолосоми, — тотъ и отвѣчаетъ головой (своей), а другой членъ (его) семья лично не отвѣчаетъ (17).

государственного и гражданского права, челядь означает семью въ тѣсномъ смыслѣ, цѣлкомъ относится къ институтамъ права гражданского. По самому существу своему, челядь, подобно всякой семьѣ, обнимаетъ семейныя отношенія двоякаго рода: отношенія, возникающія изъ союза между мужемъ и женой и изъ союза между родителями и дѣтьми. Въ обоихъ случаяхъ Статутъ даетъ довольно интересныя указанія на тѣ обычаи, какихъ Поллица изгари держалась въ сферѣ отношеній семейныхъ. Указанія такія попадаютъ въ особенности въ статьихъ по наследству и имущественнымъ отношеніямъ.

а) *Отношенія между мужемъ и женой.* Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Статутъ оставляетъ въ полной силѣ старыя народныя обычаи, мимоходомъ касаясь только имущественныхъ отношеній между мужемъ и женой. Последняя, при замужствѣ, получаетъ отъ своей семьи только «рухо и оброкъ на одабу» (280), т. е. одежду и имущество, назначенное ей при выходѣ въ замужство, какъ это доселѣ въ обычаѣ у всѣхъ южныхъ Славянъ (См. Bogisic Pravnj obicaji и Slovena, стр. 120 и слѣд.). Имущество, вносимое невѣстой въ домъ жениха, называется *дотой* и отличается отъ *мужевьелы*, или *добра* мужа, которому дозволяется записать жепѣ по завѣщанію часть своего добра, подъ названіемъ *багательы*. Вдова, имѣющая дѣтей, можетъ остаться на мужниномъ добрѣ, но, при вступленіи въ новый бракъ, беретъ съ собой только доту и багательу (263).

б) *Отношенія между родителями и дѣтьми.* Въ понятіе *привизъ* и *старшишихъ* входятъ отецъ и мать, вообще *родители* и другіе восходящіе. Къ челяди принадлежатъ *остатки*, *порода*, *ближніе* или *присмы*, — *дица* или *наследники*, къ которымъ относятся: *синове*, *хѣри* (хѣри), *ууки* и т. д. *Ближніе братья* и *сестры* по преимуществу называются дѣтьми и наследниками. Статутъ не говоритъ точно и подробно о родительской власти, главныхъ образомъ касается отношеній дѣтей къ *башинь*, т. е. отцовскому имуществу, которое можетъ перейти въ нихъ въ качествѣ наследниковъ. По Статуту, ближнимъ всегда «гре» *ил. женичина* (родовое имущество семьи), — здѣсь отцовскія права ограничиваются правами дѣтей, ближнихъ. Выбѣсть съ тѣмъ, уставъ признаетъ также нѣкоторыя права дѣтей и на благопріобрѣтенное имущество отца. Предоставляя ему полное право распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, какъ угодно, законъ ограничиваетъ отцовскій произволъ въ моментъ посмертныхъ распоряженій и дѣлежа семейнаго имущества между дѣтьми: «ниче триби, да едному (дица) мимо другога премъ све на смрти оиде, а другога са свни ухили, него онако, како в достоино и подобно»¹⁾. Только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ отецъ можетъ «по души уилити» (устранить завѣщаніемъ) своихъ сыновей, дочерей и внуковъ отъ участія въ наследствѣ (башинь). Такимъ правомъ пользуется отецъ въ слѣдующихъ случаяхъ: когда сынъ подниметъ руку на родителей, окажетъ имъ неуваженіе (непощенѣ), обвинитъ ихъ въ какомъ либо преступленіи (поманѣваву), не касающемся вѣры и правительства (кое ние протива вири оли поглавици свитовиному); когда сынъ

¹⁾ Не дозволяется одному мимо другаго отдавать все при смерти, а другаго вовсе устранять, но (слѣдуетъ дѣлить имущество) такъ, какъ (требуется) безпристрастіе и справедливость (75).

явный преступникъ или имѣть сношенія съ «злочинцами»; когда покушался отравленіемъ или инымъ образомъ на жизнь родителей; когда осквернить отцовское ложе; когда изъ мести (по осваженію) причинить родителямъ большія утраты (тешке тратѣне); когда не хочеть вмѣсто отца вступить въ «сужанство» (закупничество Р. Пр.); когда препятствуетъ родителямъ сдѣлать посмертныя распоряженія (наѣпоковну наредбу), когда занимается промысломъ безчестнымъ (напр. будетъ шутомъ или дудочникомъ — «глумцемъ Или цавомъ»); когда дочь или ввуча, не достигши 25 лѣтъ и имѣя возможность выйти замужъ, ведутъ распутную жизнь; когда дѣти не помогаютъ родителямъ, впавшимъ въ бѣдность; наконецъ когда не заботятся о выкупѣ ихъ изъ сужанства (281. Ср. 29, 47 — 50, 75, 114, 144, 200, 280).

Статуту вовсе неизвѣстно различіе между дѣтми законными, незаконными и усыновленными, какъ и мало говорится о положеніи *сиротъ*, оставшихся въ *сиротинствѣ* послѣ смерти родителей. Статутъ только запрещаетъ «с правомъ поприти га или завигнути нань нове парбу, кога би сиротинство затекло»¹. Обязанность отвѣчать по суду лежитъ на сиротахъ только со времени достижения совершеннолѣтія, начинавшася съ 18-ти лѣтняго возраста (200).

2) *Вервь*. Отъ братьевъ ближнихъ и присныхъ Статутъ отличаетъ *братьевъ дальныхъ* (даони) или *не премъ присныхъ*, вообще *ближиковъ*, состоящихъ въ *братствѣ*. Братство такое опредѣляется, смотря по близости или дальности степеней родства, какъ это показываютъ слѣдующія статьи устава:

«Ако ли би тко убио брата не премъ приснога, толико има бити тиран, колмо му в био близу у братству»²);

«Ако ли се ноше кон ближни нанде *ближе* од онога... ако ли ста (су та) оба *поеднако ближна*, али би ихъ веће било, ки му су *еднако близу*»³).

Ближніе и дальные, кромѣ того, отличаются отъ *вервныхъ* (врвни), называющихся *вервными братьями*, *вервью*, *вервной дружиной* и *племенемъ*. Вервь, дружина, племя — различныя названія одного и того же учрежденія семейной общины. Если ближніе и дальные соединены между собой братствомъ, единствомъ происхожденія отъ одного лица, то вервные сближены сосѣдствомъ, принадлежностію къ одному союзу, живущему на одной племенщинѣ, «ка е *врвилья* (*врвна*). Членами (*глава*, *дионици*, *братья*) верви могутъ быть, не только ближники, соединенные между собой братствомъ, но и другія лица, по своему происхожденію чуждыя между собой, безъ всякихъ кровныхъ связей. Названіе вервной дружины одинаково прихвѣняется ко всѣмъ, кто бы ни жилъ на вервной племенщинѣ. Въ сферѣ юридическихъ отношеній вервь имѣеть значеніе *юридическаго лица*, пользуется общими

¹) Т. е. исвать на нихъ по суду и вчинать новый нежъ противъ того, кого постигло сиротское состояніе.

²) Если бы кто убилъ брата не роднаго, то онъ на столько долженъ быть наказанъ, на сколько онъ близокъ былъ къ нему по братству (48).

³) Если какой либо ближній найдется еще ближе онаго... если тѣ оба одинаково близки, или еслибы много было такихъ, которые одинаково близки къ нему.... (79).

гражданскими правами лицъ физическихъ. Верный союзъ основанъ на началѣ равноправія членовъ и солидарности интересовъ союза и отдѣльныхъ его братьевъ. Верная племенщина имѣетъ значеніе общаго семейнаго имущества, составляющаго собственность не вервнаго главы (господаря), но цѣлаго союза. Пока братья живутъ на общей племенщинѣ, до тѣхъ поръ для нихъ все *заедно*: «и добро и зло, и корысть и щета, и дужи, кому су дужни и тко е нимъ дужанъ, то им е *заедно отлѣно* докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свои дно» ¹⁾. Послѣ раздѣла теряется юридическій характеръ верви: на своихъ «особитыхъ аноницахъ» братья живутъ безъ общихъ повинностей и солидарности вервовой дружины (о верви см. 29, 47 — 49, 79, 114, 263, 264).

в) *О правахъ на вещи*. Полицій Статутъ развилъ очень подробное ученіе о правахъ на вещи. Въ немъ встрѣчаемъ точныя понятія о различныхъ родахъ имущества; дѣлается различіе между правомъ полной собственности и простымъ владѣніемъ, между частнымъ и общимъ имуществомъ; наконецъ говорится о способахъ приобрѣтенія и актахъ укрѣпленія правъ на имущества.

1) *Роды имущества*. Имущество имѣетъ нѣсколько общихъ названій. Сюда относятся: *ричь, благо, иманье, добро* и *стварь* (4, 11, 12, 17, 22, 26, 271 и др.). Хозяиномъ (*господарь, глава*) вещи считается тотъ, кто владѣетъ ею, кому она принадлежитъ, — «ови, ки ю држи, кому пристое» (29, 47, 71, 73, 87, 90, 144). Кромѣ имущества общественнаго (иманье *поличко*), бывшаго въ распоряженіи господа, упоминаются *ствари црикосне*, благо и иманье *племенитыхъ людей, кметей, влашничей*, вообще лицъ, принадлежавшихъ къ свободнымъ состояніямъ (4, 17, 18, 21, 26, 29).

Статутъ точно опредѣляетъ различіе между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ капиуглѣ — «ча е *стабуло* али *губуће*»:

«Зове се *губуће*, *ча се губуће* или *ча се море ласно губати*, а зове се *стабуло* али *негубуће* оно, *ча се с миста негубуће* ²⁾. Къ вещамъ недвижимымъ отнесены: земля, кућа и поляча «у ѣпно али у подъ», сельская полица (мазанка), церковь, замокъ или пещера, «ка е становита» (неподвижна), также вода «жива», которая никогда не высыхаетъ. Напротивъ, вода «рваница (копанка), ка е руками учинена», также кућа — гомиовица (гумно), покрытая соломой, считаются вещами движимыми (76, 77).

Иманье, благо и *стварь губуча* имѣютъ специальное значеніе благоприобрѣтеннаго имущества и въ этомъ смыслѣ противоплагаются *племенитимъ*, имуществу наследственному (15, 17, 18). Имуществомъ благоприобрѣтеннымъ считается: «ча годи човикъ *примаиде* и *прибави*, али *прикупи*, али *издвори*, али инако како годи

¹⁾ И добро и зло, корысть и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлится; послѣ раздѣла всякій знаетъ только свою часть (31).

²⁾ Движимымъ имуществомъ называется то, что двигается или что можетъ легко двигаться, а недвижимымъ — что не двигается съ мѣста.

достини собом и своимъ трудомъ ча би принашао ¹⁾. Въ особенности благопріобрѣтеннымъ имуществомъ отдѣльныхъ лицъ считается все пріобрѣтенное ими послѣ раздѣла племенщины, или, что одно и тоже, послѣ выхода изъ союза верви: «ча е оны *особито* нашао и добио или прибавио *посли дила*, с кимъ дно пма у племенщины» ²⁾. Последнее правило указываетъ на существенное различіе задружной и внѣ-задружной жизни по отношенію къ имущественнымъ правамъ отдѣльныхъ лицъ: пока они находятся въ союзѣ верви, до тѣхъ поръ все, что бы они ни пріобрѣли, считается «сопѣно засдно». По Статуту, о частной собственности можно говорить только касательно лицъ, не принадлежащихъ къ верви, — *прѣма* специально означаетъ благопріобрѣтенное имущество такихъ лицъ, отлѣчавшееся отъ племенщины и дидинства (281). Позже смягчается строгая общинность южнославянской задруги; отдѣльные ея члены получили возможность, не выходя изъ задруги, имѣть свое отдѣльное благопріобрѣтенное имущество. Въ Славовин доселѣ *прсѣја* означаетъ отдѣльный *resolium* задругарей (Богишичь, 37).

Имущество наследственное носитъ общее названіе *племенщины*, *дидинства* или *башини*. Племенщина, по опредѣленію Статута, «есть *стара башина*, ка е ошаста (остала) од првихъ» (73). Значитъ, была еще *новая* башина, которая не доставалась отъ предковъ и вообще различалась отъ старой башини. Различіе между племенщиной и башиной видно и изъ другихъ мѣстъ. Напр., въ 47 статьѣ говорится: «племенщина, неговъ дно, ако ю има, (идеть) ближнему, кому *пристою* (племенщина) *по башини*, како да би умро»; или въ 49-й статьѣ: «ако ли би тко убио ближнега али вравнога за циѣна племенщине, да нему остане, ка (племенщина) би га има *пристоати по башини*». Здѣсь пристоять по башинѣ, очевидно, значитъ принадлежать *по праву наследства*. По закону о причинахъ, по которымъ отецъ можетъ устранить своихъ сыновей отъ башини, башина обнимаетъ, не только *дидинство*, равнозначительное съ племенщиной, но и *прѣию*, имущество благопріобрѣтенное (287). Прѣія отца, переходя по наследству къ его дѣтямъ, становилась для нихъ новой башиной, обращавшейся въ слѣдующемъ поколѣніи наследниковъ въ старую башину, племенщину въ собственномъ смыслѣ.

Отъ имущества благопріобрѣтеннаго и наследственнаго отлѣчается имущество жалованное и дарованное частнымъ владѣльцемъ и господою, подъ названіемъ *даровщины* (*провижисуня*), *бенефицій* и *очестья* (очинства, очиства). Бенефиція и очестья отнесены къ стварямъ церковнымъ; даровщина — имущество, пріобрѣтенное частнымъ лицомъ по пожалованію отъ правительства (26, 29), но тоже названіе могло отнестись и къ частному дару.

Есть также различія между имуществомъ общиннымъ, вервиннымъ, семейнымъ (мужнинымъ и женнинымъ) и частнымъ. Имуществомъ общиннымъ (*опѣно*, *пополно*) считаются въ особенности пастбища, земли, лѣса, пути и «жива» вода; изъ нихъ

¹⁾ Что либо человекъ пріобрѣтетъ и прибавитъ, или прикупитъ, или произведетъ, или иначе какъ либо получить самъ и своимъ трудомъ пріобрѣтетъ...

²⁾ Что оны отдѣльно нашель и добытъ или прибавилъ послѣ раздѣла съ тѣми, съ кѣми имѣлъ участіе въ племенщинѣ (74).

земли и лѣса могутъ также причисляться къ частнымъ и инымъ имуществамъ (95, 96, 99, 101, 104, 172, 201, 205). Названіе вервной (*срвѣтъла*) носить племенщина, на которой живетъ вервная дружина, а все ея имущество называется *отлено заедно* (31, 114, 171). Въ семьѣ имущество мужа, подъ названіемъ *мужевельм*, или просто *добра*, отличается отъ женной части — *домы* (собственно приданаго) и *баиталы* (имущества, полученнаго женой по завѣщанію мужа. См. 263). Частное имущество называется *свое*, *особито*, *дио*, *особить дио*, *дирища*, *ждрибове* и *ждрибенице*; впрочемъ *дио* и *жребій* означаютъ также части общинной или вервной племенщины, бывшей въ пользованіи отдельныхъ лицъ (20, 74, 75, 97, 102, 171, 172, 206).

2) *Оущность правъ на вещи*. Полициій Статутъ устанавливаетъ различіе въ правахъ на племенщину и прѣно въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ:

«Они, тко ю (племенщину, стару башину) држи, има ю *радовати* и *уживати* и об нои *живити*; да ние подобно, да ю камо страти ни обрати брезъ велике меволе, него како вели стари законъ и обичаи, *да ю онди онде* (по другому списку — *да ю онде*), *иди е и застаю*» (73). Хозяину племенщины принадлежитъ право распоряжаться и пользоваться ею. Отчужденію племенщины не дозволяется безъ великой нужды; но, какъ велитъ старыи законъ и обичай, она должна оставаться тамъ, гдѣ и засталъ ее владѣлецъ.

«Ча би принашао, тои сваки законъ хоће, да е тмъ *волань и слободань* и у смртъ и у животь, или му за путь или му за душу, или ча му годи угодно о-т-оган учинити... то е нему слободно; *како е стекао, тако море наредити тои слободно куд ми годи драго*» (74). Благопріобрѣтеннымъ имуществомъ каждый можетъ, по закону, свободно распоряжаться при жизни и смерти, можетъ отчуждать, отдать за душу (по завѣщанію) и какъ угодно имъ распорядиться: какъ пріобрѣтено (имущество), такъ и можно имъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Мы уже видѣли, что полициіе законы ограничивали право отца на *самойное* имущество, — не только племенщина, но и прѣна, должны переходить къ дѣтямъ, «како е достоинъ и подобно», и только по особеннымъ причинамъ отецъ могъ «ухватити» ихъ отъ башины.

Право полной собственности отличается отъ простаго владѣнія. *Држаніе од давна, од вика, закономъ вуковичнимъ*, существенно разнится отъ простаго држанья (напр. по залогу), безъ полного права собственности. «Тко е у држанью од давна, *велику правъ* има, да е у *вике твердо и добро*, држи *жирно у вике*, — не може изъ тоган усиловати ни прити» (искать по суду). Простое држанье обращается въ великое право только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ «е држао мирно през оповида» въ теченіи законной давности (114, 144, 271, 279).

Предметомъ правъ имущественныхъ могутъ быть *котаре*, *зай*, *испаша* (испасища), *млини* и *коловае* (млинске и ступне), *кући*, *ловища* (рибнаки и затоци), *лови зверьи* и *птичьи*, *пути*, *водъ*, *живина*, *жито*, *виноградъ*, *рухо* и пр. Одни предметы могутъ быть только въ общемъ владѣніи (*опѣано, заедно, пополни*), другіе подлежатъ также частному усвоенію. Въ особенности интересны постановленія о правахъ на землю, лѣса, пастбища, мельницы и ловы — главнѣйшіе предметы

сельской жизни : основанный на изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ, полицкій уставъ даетъ вѣрную картину хозяйственного быта сельскихъ общинъ, державшагося въ старое время у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Земля находится въ отдѣльномъ обладаніи сельъ. Сельскіе *котарь* (пахатныя поля) отдѣляются межами, «однове и одтесите по границахъ». Котарь каждаго села составляетъ общую (*оплено*) принадлежность всѣхъ сельчанъ, обрабатывается ими по отдѣльнымъ участкамъ, называвшимся *дио*, *ждрибове* и *пополна земля*. Владѣльцами такихъ участковъ могутъ быть верви, отдѣльныя семья и подворники (дворы). *Дионикъ* (участковый владѣлецъ общинной земли) можетъ обрабатывать одну или нѣсколько попольныхъ земель. Земли попольныя, въ свою очередь, дѣлятся на *ниши*, или *тежаки* (тези), соответствующія нашимъ нивамъ или польскимъ рѣзкамъ. Всѣ такіе поземельные участки отдѣлялись *мельшамми*. Учреждать новыя межи, съ уничтоженіемъ старыхъ, можно было только съ согласія общины (95, 101, 104, 106, 111, 241).

Общинное обладаніе землей не было обязательнымъ для сельчанъ. Каждому дозволялось заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати» землю и просить для себя «дѣла»; общій раздѣлъ земель допускается, «яко би све село било кумтенто, хотѣло меу собом раздѣлити ган али котарь, рекуди ако немогу али нете заедно пасти али држати»¹⁾. Въ селахъ, раздѣляющихся на верви и дио (изъ которыхъ каждый участокъ имѣетъ право на свою племенщину), земли и ган дѣлятся по числу вервей и участковъ, а въ нихъ — по хозяевамъ, дворамъ и племенщинамъ (собственно хозяйствамъ), смотря по тому, сколько каждой верви идетъ въ бащину. Въ селахъ со многими участниками, безъ отдѣльныхъ вервныхъ племенщинъ, дѣлежъ производится по обычаю (почело од искони), — земли дѣлятся на «старе и законите ждрибове» (102).

Въ общинномъ владѣніи сельъ находятся, далѣе, *сеоски лѣса* (сельскіе лѣса). Общинныя лѣса (*старо* и *законите* ган) находятся въ безраздѣльномъ пользованіи сельчанъ : каждому селу дозволяется «свое гае ганти и понмати добитакъ», съ запрещеніемъ пасти въ нихъ скоть, не только сосѣднимъ (сусуднимъ, сумежнимъ, суближнимъ) селамъ, но и «самимъ од себе и од селавъ своихъ». Право входа въ общинныя лѣса, для пастбища, предоставляется только во время обработки по полной земля (95, 97, 104). — Наряду съ законитыми гаями, принадлежавшими отдѣльнымъ селамъ, допускаются *особити дио*, бывшіе въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, выдѣленные изъ общиннаго обладанія сельъ. Каждому селу предоставлялось съобща владѣть лѣсами, или раздѣлить ихъ на участки, по числу вервей и дио, наконецъ, предоставить отдѣльныя ждрибове въ собственность сельчанъ. Въ такомъ случаѣ лѣса дѣлятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и общинныя земли (97, 101 — 103).

Истани и *исмашница* (пастбища) — главный предметъ общиннаго пользованія сельъ. Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ раздѣлъ пастбищъ : «тон

¹⁾ Т. е. если бы все село было согласно, хотѣло раздѣлить между собою лѣса или поля, говоря, что не могутъ или не хотятъ вмѣстѣ пасть или владѣть (101).

(испашни) се не море дилити меу собом, ере се и тако ли неби могло од селянина бранити пасти; не такам од свога селянина, но и од сусиднега села неима се бранити по закону пасти по испашни»¹⁾. Испашни составляютъ общую принадлежность «сумежнихъ или сусиднихъ» селъ; «третье село», не имѣющее съ ними общихъ межъ, не допускается къ пользованію пастбищемъ. Сельчане ближайшихъ селъ и называются *сусидями* въ томъ смыслѣ, что имъ предоставляется исключительное право на испашни. Испашни были мѣстомъ *становъ* — временныхъ стоянокъ пастуховъ (по преимуществу влаховъ), переходившихъ съ одного становнища на другое. Статутъ запрещаетъ учреждать станы близъ чужаго «меша» (межи), чтобъ удобнѣе пользоваться пастбищемъ на чужихъ земляхъ (95, 96, 99).

Дороги, подобно испашамъ, принадлежали къ предметамъ, не подлежащимъ частному усвоенію. «*Пути опѣны* имаю бити *слободни свакому*, како е законъ». Въ Полицѣ былъ «путь опѣны велики крозь жупу» и сельскіе «гонники». Путь великій долженъ быть шириной «въ одну розгу» (какая-то мѣра); гонникъ полагается достаточно широкимъ, если по немъ могутъ ходить два вола въ ярмѣ. Безъ дозволенія общины или суда, запрещалось уменьшать и переводить (стисковать или инамо одтиснути, одвратити) пути въ другое мѣсто (201, 202).

Точно также *вода жива* считалась *опѣна*, на чьей бы землѣ она ни протекала. Напротивъ, вода *рванца* (рванца, — напр. копанка, колодезь и пр.) составляетъ частную собственность (особито), принадлежитъ тому, «тко ю на свомъ взрве». Вода *дамѣва* можетъ быть частнымъ «добромъ и кормыстю» того, кто соберетъ ее на своей землѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда вода не течетъ на чужую землю (205 — 206).

Млины и колосаи (млине и ступне) составляютъ принадлежность земли, на которой они устроены. На частныхъ земляхъ они принадлежатъ землевладѣльцамъ. На вервнихъ участкахъ мельницы строятся съ общаго согласія братьевъ, имѣющихъ равное право на доходы съ мельницъ. На «опѣномъ» устройствѣ мельницы дозволяется только съ согласія общины; но если, при ея постройкѣ безъ вѣдома общины, никто не противился и мельница устроена мирно, безъ всякой «противщины», то ее никто не можетъ отобрать отъ владѣльца, — она остается «у дно неговъ». Но при этомъ требуется, чтобы мельница не строилась «у тин, ни ласно аля брзо», т. е. тайно и въ теченіи самого непродолжительнаго времени (170 — 175).

Отдѣльный предметъ имущественныхъ правъ составляютъ, по Статуту, *ловца, рибнаки* и *заточи, ловы звирь и птичьи*. Рыбная ловля на живой водѣ составляетъ свободный промыслъ. Въ частномъ владѣніи, гдѣ устроены особыя заведенія для ловли (заточи, рибнаки), запрещалась ловля безъ воли хозяина (187). Ловы звирь и птичьи каждый можетъ устроить на своихъ и чужихъ земляхъ. Всякій звѣрь принадлежитъ поймавшему его «заводнику»; медвѣдь и лисица — тому,

¹⁾ Испашни нельзя дѣлать между собою, чтобъ чрезъ то не вовбранитъ селянамъ пастбище. По закону не должно воспрещать пасть на испашни, не только своему селянину, но и сосѣднему селу (101).

кто ихъ убьетъ. «Потонники и ловцы», помагавшіе заводнику, получаютъ *точно* — навѣстную часть добытка, смотря по большому или меньшему труду ловцовъ. Если звери лова перейдутъ на чужую землю, то ея хозяинъ получаетъ въ «очестье» четвертую часть лова (222 — 225).

3) *Способы пріобрѣтенія правъ на вещи.* Статутъ указываетъ на *находку*, *присвоеніе* вещей, никому не принадлежащихъ въ собственность (звери лова и пр.), на *договоры*, *приращеніе* и *давность*, какъ на главные способы, путемъ которыхъ каждый можетъ пріобрѣтать вещи въ свою собственность. О первыхъ четырехъ способахъ говорится только мимоходомъ: «ча годи човикъ *принанде ш прибави*, али *пржупи*, али *издвори* (произведеть), али инако како годи *достигне собом и своимъ трудомъ* ча би *принашао*», тѣмъ каждый «волянъ и слободанъ» распорядится, какъ своей собственностью (74, 144).

Гораздо точнѣе опредѣляется юридическое значеніе *давности*, какъ одного изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имущественныхъ правъ. Давность носитъ названіе *закона вѣковѣчно* (законъ вѣковична). Простое држанье, въ силу такого закона, обращалось въ «вѣдну правъ». 30-ти-лѣтній срокъ считается въ Статутѣ общей гражданской давностью по *дѣламъ* о племенщинахъ и всякихъ стварахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается годичная давность. Она имѣла мѣсто по вопросу о выкупѣ племенщины, перешедшей въ чужія руки по продажѣ или жнѣ: по истеченіи года новый владѣлецъ племенщины въ правѣ отказать отъ выкупа. Такии же образомъ мельница, устроенная на общинной или чужой землѣ и не оспоренная въ теченіи года, остается въ вѣчномъ владѣніи ея хозяина. Иногда просто говорится о владѣніи «од давна, од вика, од только давна времена, како у непомну запустила». Давность получаетъ законный характеръ, когда она протекла «мирно, безъ оповида, утиска или противщины, безъ парницы» (парны, суда), когда никто «не противио, уставлао, ни оповидао». (32, 79, 84, 114, 144, 172, 271, 279).

4) *Укрѣпленіе правъ на вещи.* Ученіе Полицкаго Статута о правахъ на вещи касается вопроса, не только о пріобрѣтеніи, но и объ укрѣпленіи имущественныхъ правъ. Запрещая самоуправство, Статутъ принимаетъ за правило, что никто не можетъ лишиться своего права безъ суда (несморе се из држанна изнети безъ правде), — каждый въ правѣ защищать свое држанье законными средствами судебной защиты (4, 114, 170). Но для того, чтобы држанье имѣло за собой «велику правъ», оно должно основываться на давности или актахъ, установленныхъ закономъ ради укрѣпленія имущественныхъ правъ, — на *листахъ*, *письмахъ*, *сентенціяхъ* и другихъ письменныхъ актахъ. Со времени учрежденія канцлиріи, составленіе главнѣйшихъ актовъ получило оффиціальныи характеръ. Изъ книгъ (*кватурина*) канцлиріи выдавались письма, *столочки* листы и пр., со взысканіемъ за нихъ положенныхъ пошлинъ въ пользу общиннаго канцлира. Болѣе важные акты, напр. сентенціи, печатались на «бунбажии». Листы законные, «достойни и подобни», отличались отъ листовъ *кривыхъ*. Въ случаѣ предъявленія по одному и тому же дѣлу нѣсколькихъ актовъ, Статутъ требуетъ «видати и разгледати, кои су листове *болъ и подобнильи* и *старильи* и с *болъи редомъ* учинени». Болѣе дѣйствительными актами считаются тѣ, по которымъ «улизено у држанье», послѣдовало дѣйствительное

вступленіе во владѣніе имуществомъ. Право, укрѣпленное законнымъ актомъ, приобретаетъ строгій юридическій характеръ, считается «у виее тиво и добро», — владѣлецъ приобретаетъ на свое имущество «велику правъ», никто «неморе из тогя условати ни прити» (72, 144, 145, 271). — Учрежденія, сходныя съ полиціи квадрирами и листами, находимъ въ другихъ славянскихъ памятникахъ. Душановъ Законникъ говоритъ о *хрисовуляхъ* (царскихъ грамотахъ, дававшихся городамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ), *книахъ царевыхъ* и *судимыхъ*, въ которыхъ записывался «судъ», т. е. всѣ судебныя дѣла и акты, въ особенности приговоры судей; *книа* (приговоръ) выдавалась судьей также тому, кто по суду былъ оправданъ (русская правая грамота). Книги и хрисовули считались не дѣйствительными, если неправильно составлены и «разоряють» Законникъ (См. Законникъ, 39, 93, 114, 116 — 118, 141, 184). У чеховъ *dsky* и *listiny* (zakladaci, datovací) принадлежатъ очень древнему времени. Листы (частные акты) являются съ конца X вѣка; они очень долго были главными актами укрѣпленія имущественныхъ правъ. *Dsky* — оффиціальныя книги, составлявшіяся при надворномъ и земскомъ судахъ первоначально для записки всякихъ оффиціальныхъ актовъ; съ конца XIII вѣка въ *dsky* стали записывать все, что въ происходило на судѣ, вмѣстѣ со всякими частными записями по дѣламъ гражданскимъ. *Dsky* раздѣлялись на *dvorske* и *zemské*, послѣднія — на *menšie* (для записки актовъ по меньшимъ дѣламъ) и *velikie* (по дѣламъ, касавшимся большихъ панскихъ мѣнѣй, въ особенности по отчужденію, *trham*, и такъ назыв. *spolkam*). По различію актовъ, *dsky* раздѣлялись также на *rógonné* (для записки судебныхъ позвовъ), *trhové* (или просто *dsky*, для записки всякихъ частныхъ листовъ и договоровъ) и *ramainé* (въ нихъ вносились для вѣчной памяти дѣла, касавшіяся всей земли). *Vypisy* — извлечения изъ книгъ, выдававшіяся частнымъ лицамъ (Palacky Archiv. I. 56. II. 510. Wiktorin Kogn. ze Wsehrd Knihy dewatery, 356 — 360. Ирѣчка Sl. pr. I. 151. II. 230 — 232). Подобнымъ образомъ, въ Польшѣ урядовые и частные акты становятся извѣстными уже въ X вѣкѣ. Съ XIII вѣка являются *книги*, соответствующія *дскамъ* чешскимъ. Къ такимъ книгамъ принадлежали: *metruka*, составлявшаяся въ королевской канцеляріи, *akta* или *kniagi wiecowe* (для внесенія приговоровъ вѣчевыхъ или вальныхъ судовъ), книги *zemskія* и *prodskія*. (Bandtkie-Stezyński Hist. pr. pol 453 — 460. Мацѣйов. Pamięt. 303 — 305). У насъ также изстари извѣстны были акты укрѣпленія имущественныхъ правъ. Интересныя указанія на нихъ находимъ въ особенности въ Псковской грамотѣ, различающей акты частные (*грамота*, *рядница*, *порядня* или *подрядня*, *рукописаніе*, *запись*, *доска*) и судныя, (*судница* — позднѣйшая правая грамота, — *грамота безсудная*, *приставная* и пр.). Псковская доска (по мнѣнію изслѣдователей — теперешняя бирка) представляетъ много аналогіи съ чешской *дской*. *Ларь* — архивъ для храненія правительственныхъ актовъ и болѣе важныхъ частныхъ грамотъ, въ особенности *рядницъ* (письменныхъ договоровъ) и *рукописаній* (духовныхъ завѣщаній). Внесеніе въ *ларь* частныхъ актовъ придавало имъ силу какъ бы крѣпостныхъ актовъ.

с) *Наслѣдованіе имущества*. Полицій Статутъ допускаетъ открытіе наслѣдства въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: въ случаѣ преступленія или смерти владѣльца имущества, также въ случаѣ раздѣла верви. Вопросъ о наслѣдованіи можетъ

возникнуть, кромѣ того, при отчужденіи племенщины въ чужія руки. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ устанавливаются различныя порядки наследованія имущества.

1) Вопросъ объ открытіи наследства можетъ возникнуть въ слѣдъ за обвиненіемъ владѣльца имущества въ совершеніи тяжкаго преступленія. Сюда относятся убійство, невірство (измѣна), рабство и другія публичныя преступленія, когда виновный объявлялся лихимъ человѣкомъ. Въ большинствѣ случаевъ имущество движимое переходило къ общинѣ, племенщина къ ближнимъ (17, 18, 51, 188, 266); по одному закону о невірствѣ, общинѣ отдается вообще все имущество преступника — движимость и племенщина (231). Позже ближніе освобождены отъ отвѣтственности, получили право на весь «дно» преступника, безъ различія племенщины отъ движимаго имущества (169). Изложенныя правила касаются имущества племенщичей, — имущество кметей и влашничей дѣлилось между общиной и господиномъ, съ полнымъ устраниемъ ближнихъ отъ наследства (17, 18). Племенщина убійцы брата приснаго, по Статуту, переходитъ къ ближнему, къ которому она должна перейти и при обыкновенномъ порядкѣ наследованія. Кто убьетъ ближняго или вернаго, съ цѣлью завладѣть его племенщиною (которая при обыкновенномъ порядкѣ перешла бы къ нему по наследству), тотъ теряетъ свою наследственную часть, — она отдается другому ближнему «по разлогу од племена». Если убитый оставитъ однихъ дочерей, то племенщина достается имъ (47, 49, 50).

2) Самый обыкновенный случай открытія наследства — *естественная смерть* лица, послѣ котораго имущество вступаетъ въ раздѣлъ между наследниками. Статутъ различаетъ въ этомъ случаѣ два порядка — завѣщательные и законные, на которыхъ основана система наследованія имущества послѣ смерти ихъ владѣльцевъ.

Статутъ говоритъ о *тасаментѣ*, предметомъ котораго можетъ быть одна прѣя, т. е. имущество благопріобрѣтенное. При жизни каждый можетъ свободно распоряжаться имуществомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, можетъ отдать его «за душу» и пр. Если, по выраженію Статута, человѣкъ находится при смерти (ако би био човикъ на смрти) и имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей или наследниковъ, «кому него остане, тада е волянъ све од тога учинити». Тоже самое положеніе Русская Правда выражаетъ такимъ образомъ: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти» (Троиц. ст. 87). Отцу предоставляется Статутомъ и Правдой право сдѣлать распоряженіе между дѣтьми, указать — какою частью наследства каждый изъ нихъ долженъ владѣть. Въ то время, какъ Правда, по видимому, предоставляетъ все дѣло произволу отца, Статутъ прибавляетъ къ предъидущему положенію слѣдующее замѣчательное мѣсто: «него само ние триби, да едному мимо другога премъ све на смрти онде а другога са свимъ ухили, него овако, како е достоино и подобно». Выше мы показали смыслъ этого мѣста. Обычай, несомнѣнно общій для всехъ Славянъ, устранилъ произволъ отца въ минуту посмертныхъ распоряженій, да и вообще свобода завѣщаній и посмертныхъ распоряженій долго не имѣла мѣста въ старыхъ славянскихъ законодательствахъ. Если и допускались завѣщанія, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ всѣ распоряженія дѣлались въ нихъ съ согласія и при самомъ дѣятельномъ участіи законныхъ

наследниковъ. Въ одной старой хорватской *vidovi* (судовой грамоты) прямо говорится объ обычаяхъ составлять завѣщанія по соглашенію съ наследниками: «*ki testament est usinil buduci v snili moba a v plni svoei pameti, ki testament e usinil s toju dobru volju i dopuscanem vsih ki koli ns i nase hize* (кухи, дома) *pristoe, bliznih i dalnih*» (Arhiv za pov. jugosl. I. 207). Завѣщательные порядки наследованія имущества развились у Славянъ, по справедливому замѣчанію Ирѣчка, изъ «*prāv sizich*», — у насъ подъ вліяніемъ права византийскаго, у Славянъ западныхъ — права римскаго и германскаго (Ирѣч. Sl. pr., II. 280).

Подъ *бащиной* Полицкій Статутъ, какъ мы видѣли, разумѣть не одну племенину, собственно родовое имущество, *дидинство* или *стару* бащину, доставшуюся отъ предковъ (првихъ), но и *прѣию*, собственное имущество отца, приобретенное имъ собственнымъ своимъ трудомъ. Допуская личное распоряженіе отца при раздѣлѣ между дѣтьми своей прѣии, даже дозволяя отдать ее чужимъ, Статутъ говорить, что старая бащина «да ъе онде, гдѣ е и застаю», т. е. должна остаться въ семьѣ, перейти къ ближнимъ по самому закону. Право устранить ихъ отъ бащины (т. е. дидинства и прѣии) предоставляется отцу въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ (73, 75, 281).

Самый порядокъ законнаго наследованія имущества Полицкій Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Подобно Русской Правдѣ, Статутъ прежде всего опредѣляетъ положеніе вдовы, затѣмъ уже переходитъ къ дѣтямъ. Вдова (удовница), оставшаяся «пощено» (т. е. не выходя замужъ) съ дѣтьми на добру мужа, можетъ (до смерти) жить и распоряжаться «мужевѣлю» вѣсть съ дѣтьми. Если она вступить въ другой бракъ, то ничего не беретъ съ собой изъ имущества мужа, кромѣ своей доты (приданого) и багаты, т. е. части, завѣщанной ей мужемъ, — правило, почти буквально сходное съ статьями Правды: «Аже жена сядеть по мужи» и «Аже жена ворчеться съдѣти по мужи» (Тр. сп. 88 и 95). Мужниное имущество дѣлится между дѣтьми. Если умереть сынъ вдовы, вышедшей замужъ, то его имущество переходитъ не къ матери, но къ его братьямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ сестрамъ и ихъ ближнимъ (263, 264). Статутъ ничего не говоритъ о дальнейшей судьбѣ наследства, когда вымрутъ всѣ члены семьи. Въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣли силу старые обычаи народные, одинаково развитые у всѣхъ Славянъ и перешедшіе въ большинство законодательныхъ памятниковъ другихъ Славянъ (напр. Винодольскихъ Законовъ, Р. Правды и пр.).

Русская Правда и Винодольскіе Законы даютъ наследству строгій семейный характеръ: если нѣтъ дѣтей — законныхъ наследниковъ, то имущество переходитъ къ князю, считается выморочнымъ. Загребскіе Законы пошли дальше: признавая законными наследниками однихъ дѣтей, они призываютъ къ наследству когнатовъ на томъ же основаніи, какъ Правда призываетъ князя, т. е. на «правѣ выморочномъ», — если нѣтъ когнатовъ, то имущество отходитъ къ общинѣ.

По древнему чешскому праву, наследство дѣлится между братьями поровну; сестры, не выданныя замужъ, живутъ при братьяхъ, а выданныя получаютъ отъ нихъ приданое. Вдова можетъ жить съ дѣтьми, или поселиться на своей части. Дочери призываются къ наследству, когда нѣтъ въ живыхъ сыновей и ихъ нисходящихъ.

Если случится, по выражению Книги Товачовской, что «отдѣлившійся братъ не распорядится своимъ имуществомъ и *bez orbuov* (безъ наследниковъ, т. е. дѣтей) умереть, то его имущество переходитъ къ другимъ братьямъ и къ нисходящимъ, — порядокъ, рѣшительно сходный съ порядкомъ наследованія по Законамъ Загребскимъ. Выморочное имущество окончательно отходить къ князю (Ирѣчка Sl. pr. II. 278 — 280).

Тѣже самыя правила развиваетъ Душановъ Законникъ. «Ако ли (властелинъ) неима сына а има *дѣцѣрь*, да има дѣци оузети или продати или отдати свободно. Кои властелинъ имать *дѣтѣцоу*, пли не имать, и оумреть, и по нѣгове смрѣти башина поуста останеъ, аще се обрѣшетъ отъ нѣгова рода до третѣго братоучеда (племянника), ть да имать нѣговоу башиноу» (40, 136). Башина пуста Законника соотвѣтствуетъ «одумрти, пуццѣнѣ, пустовщинѣ» или «кадуку» другихъ Славянъ, а эти учрежденія, по вѣрному замѣчанію Мацѣйовскаго, вездѣ означали выморочное имущество (Hist. v. 130), первоначально переходившее у всѣхъ Славянъ къ князю или общинѣ, позже къ боковымъ родственникамъ, на одномъ и томъ же выморочномъ правѣ.

Съ такимъ значеніемъ выморочное имущество доселѣ удерживается у Черногорцевъ. Даниловъ Законникъ развилъ очень подробно систему наследственнаго права, большею частію основанную на старыхъ народныхъ обычаяхъ. Только въ постановленіяхъ о завѣщаніи Законникъ подчинился вліянію новаго времени, значительно расширилъ свободу завѣщанія. Вотъ главныя постановленія Законника по наследственному праву. У Черногорцевъ доселѣ все наследственное имущество раздѣляется на двѣ главныя части: «отчинство», соотвѣтствующее полицкой прѣпн (благопріобрѣтенное имущество отца), и «дидинство» — имущество предковское, полицкая племянщина, дидинство или старая башина. Отчинство можетъ быть раздѣлено между дѣтьми, собственно сыновьями, самымъ отцомъ, по собственному его усмотрѣнію, — отецъ можетъ дать одному сыну больше другихъ. Его распоряженіе должно оставаться ненарушимымъ. Но отецъ можетъ, по завѣщанію или другимъ образомъ, передать свое имущество чужому, вовсе минуя близкихъ. Если не будетъ отцовскаго распоряженія по имуществу, то оно, послѣ смерти отца, раздѣляется поровну (по единакомъ дѣловима) между сыновьями. Вдовѣ принадлежитъ до смерти или до втораго брака пользованіе мужнинымъ имуществомъ, — раздѣлъ наследства между сыновьями на указанныхъ основаніяхъ имѣть мѣсто только послѣ смерти матери или выхода ея замужъ. Дочери, при братьяхъ, получаютъ одно прицаное (если выдутъ замужъ). Они призываются къ наследству, когда нѣтъ братьевъ; между сестрами дѣлится наследство тоже поровну, кромѣ оцовскаго оружія, отдающагося ближайшему родственнику (нейближшиму прибужнему). Если вмѣстѣ съ дочерьми остались и сестры лица, оставившаго наследство, то дочери получаютъ двѣ части, сестры — одну. «Ако ли *остане пустою*», т. е. если вовсе не будетъ наследниковъ, то имущество (очевидно, на выморочномъ правѣ) получаетъ *наиближа ближика*, а если такового не окажется, то имущество отходить въ казну (См. Зак. §§. 48 — 57).

3) Семейное наследственное право Славянъ имѣло до такой степени строгій характеръ, семейное имущество такъ тѣсно связывалось у нихъ съ семьей и

отдѣльными ея членами, что считалось почти немислимымъ дѣломъ выходъ его изъ семейнаго круга. Оно было главнымъ хозяйственнымъ элементомъ старой славянской семьи, — безъ своей племенщины семья теряла подъ собой почву: удержаніе племенщины во владѣніи семьи было капитальнымъ интересомъ всей общественной жизни Славянъ. Оттого во всѣхъ древнихъ законодательствахъ Славянъ замѣчаемъ одно и тоже стремленіе къ удержанію племенщины въ предѣлахъ семьи, къ которой она принадлежать отъ предковъ. Полиційскій Статутъ допускаетъ отчужденіе племенщины въ стороннія руки только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: «да нис подобно, да ю камо страти ни обрати *брезь велико неволе*, него како вели стари законъ и обичаи, да ю оиди овде (по другому списку — *да ње овде*), *иди е и застао*» (73). На случай отчужденія племенщины Статутъ устанавливаетъ *право выкупа*, предоставляетъ ближнимъ *искупити* племенщину, воротить ее такимъ образомъ опять въ свою семью. Съ этой цѣлью продажу, залогъ или мѣну племенщинъ запрещается совершать тайно, «у тми, отаи» (отаѣно), мимо ближнихъ, — договоръ должно совершать «святло, билодано, понудати прво ближнега свога». Продавецъ долженъ сдѣлать о своемъ намѣреніи *оповѣдь* (оповидити) на трехъ зборахъ или предъ княземъ (три раза), говоря: то-то хочу продать, — если хочеть какой ближній купить, приступи (78). Право выкупа удерживало силу въ теченіи года. Если послѣ одного выкупа (конечно, до истеченія срока) явится претендентъ, который еще «ближе» того, кто выкупилъ племенщину, то этотъ обязанъ уступить ему свое право. Если будетъ нѣсколько лицъ «поеднако» близкихъ, то выкупъ долженъ производиться по участкамъ, дно, какъ и при раздѣлѣ племенщины (79). Тоже право выкупа имѣеть мѣсто и при мѣнѣ племенщинъ. Къ приобрѣтателю племенщины можетъ явиться близкій, говоря: братъ, я хочу дать тебѣ такой-же участокъ, сдѣлай мѣну со мной, — отъ такого предложенія нельзя было отказываться (82 — 84). Право выкупа ясно указываетъ на равноправіе членовъ семьи. Другіе памятники идутъ еще дальше, полагая что отчужденіе племенщины дѣйствительно только съ *согласія ествъ ближнихъ*. Старыя хорватскія грамоты нерѣдко говорятъ о такомъ характерѣ семьи и племенщины. Я приведу нѣсколько примѣровъ. По одной грамотѣ, какой то Иванъ Рачичъ, желая продать племенщину, явился къ судьямъ. Судьи отвѣчали: *nudi svoih bliznih i dalnih i kih pristoi*, и только послѣ того, какъ никто не захотѣлъ «*prohititi*», дозволена продажа племенщины (Arhiv. I. 202). Слѣдующій примѣръ показываетъ, что продавать племенщину вообще запрещалось безъ согласія и *дозволенія* собственной семьи. Павелъ Славковичъ просилъ судей дозволить ему продажу племенщины, говоря при этомъ, что она «*otdilena i slobodna ot brata toga i vsih ki mene pristoe*». Судьи отвѣчали: «*nudi bliznih i dalnih... ti dopuste blizni i dalni i kih pristoi, prosj nih da ti dopuste uciniti ta dar*» (Ibid. 205 — 206). При такомъ порядкѣ становится излишнимъ самое учрежденіе выкупа, потому что отчужденіе племенщины вовсе не зависитъ отъ отдѣльныхъ членовъ семьи. — Подобные же порядки были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. Мы видѣли, что Сеньскій Статутъ говоритъ о *jus proximitatis aut vicinitatis* (Arhiv. III. стр. 158, §§, 23, 26). Дозволеніе братьевъ и брател'ей на отчужденіе дѣлннъ воплнѣ извѣстно старочешскому праву; о немъ упоминають еще акты XVI вѣка (Палац. Arhiv. I. 339, 341, 347, v. zriz. zem. 517). И у насъ, по старымъ купчимъ, имѣнія переходили нерѣдко отъ стараго владѣльца *съ его дѣтьми* къ новому владѣльцу, при чемъ

пнѣнія записывались на немъ послѣдняго *смысла* *во дѣлахъ*, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что у насъ, въ старое время, семья имѣла тоже устройство, какъ и у югозападныхъ Славянъ, т. е. допускала равныя права на вотчину для всѣхъ членовъ семьи, безъ существеннаго различія между отцомъ и дѣтьми. — Выкупъ, сходный съ полицкимъ искуномъ, отчетливо развитъ Черногорскимъ Законникомъ (Даніила): кто хочетъ продать домъ, землю или иное личинство, тотъ долженъ предварительно предложить покушку своимъ близкимъ въ присутствіи свидѣтелей, а при ихъ отказѣ слѣдуетъ сдѣлать тоже предложеніе «мергипашъ», т. е. своему сосѣду (*ius vicinitatis* Семейскаго Статута), и только послѣ его отказа дозволяется продать имущество кому либо изъ своей деревни или «племени». Лица, согласившіяся на выкупъ, платятъ выкупную плату, соразвѣрную съ той, какую даютъ сторонніе покупатели (Зак. §§ 45, 46).

4) Старая задружная жизнь Славянъ имѣла въ своей основѣ законъ вѣко-жизненныхъ боговъ: «будета (дѣдина) имъ в *едно* власти, чи се *роздѣлита ровну мѣру*». Задружное имущество могло оставаться въ обществѣ, безраздѣльномъ обладаніи задруги, или вступить въ равный раздѣлъ между ея членами. Полицкій Статутъ предоставляетъ раздѣлъ вервной племенщины свободному усмотрѣнію вервныхъ братьевъ, «кимъ се *подоба* раздѣлити». Порядокъ раздѣла опредѣленъ въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ закона «од *дмленъа*».

«Гди се дмле братья близна или двома (дални), или синовя од оца, или ини ближика, кимъ се *подоба* раздѣлити: тада, ако е благо гибуѣе, тои е лмко право раздѣлити; него само ако би сода али провжикунь (даровщина) од господе, тои гре оной главы, кому е писано» ¹⁾.

«Ако ли е племенщина, има понти на главе, и има бити мласму старо огнище. и када се раздѣле право, тада има свакъ свое држати. и ако би се када послѣ подиливали али помиревали, волянъ е свакъ подиливати визда и примиревати кад му годи драго, него само свакъ е волянъ стати на своен ждрибенице» ²⁾.

«И да братья али ини двоиници докле се годиръ не раздѣле, тада имъ е све заедно: и добро и зло, и користь и шета, и дузи, кому су дужни и тко е ним дужанъ, то имъ е заедно опѣено докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свон дво» ³⁾.

¹⁾ Когда дѣлятся братья близніе или дальніе, или синовья съ отцомъ или другими близкими, желающими раздѣлиться, тогда всѣ имѣютъ равное право при раздѣлѣ движимаго имущества; а если будетъ имущество, подаренное или пожалованное правительствомъ, то оно переходитъ лично къ тому, кому записано (29).

²⁾ Племенщина должна пойти (въ раздѣлѣ) между хозяевами, а младшему должно принадлежать старое огнище. Послѣ законнаго раздѣла всякій владѣетъ своимъ (участкомъ). И если бы когда либо послѣ раздѣла или развѣрла (племенщину), то всякій воленъ всегда дѣлать и развѣрять, когда ему угодно; но всякій также воленъ оставаться на своемъ участкѣ (30).

³⁾ И пока не раздѣлятся братья или другіе участники, до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро, и зло, и користь, и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлятся. Послѣ раздѣла всякому принадлежитъ его часть (31).

Въ пространныхъ спискахъ Статута законъ о дилени оканчивается слѣдующей статьей:

«А сестре немаѣу дил, над имау брати или од ни остатки, него рухо и оброк на одаѣу» ¹⁾.

Изложенныя статьи представляютъ не больше, какъ дальнѣйшее развитіе положенія: «будета в іедно власти, чи се раздѣлита ровну мѣру». Члены верви могутъ владѣть семейнымъ имуществомъ «заедно опѣно», имѣя его «въ іедно власти», но могутъ и выйти изъ общаго обладанія племенщиной. Изъ первой статьи ясно видно, что Полицкій Статутъ допускаетъ, не только общій раздѣлъ племенщиной между всѣми ближниками, по и частныя выдѣлы отдѣльныхъ братьевъ, ближниковъ или сыновей отъ отца и другихъ ближниковъ. Въ этомъ случаѣ ближники пользуются тѣмъ же правомъ на племенщину, какъ и сельчане, членами опѣны, на землю общинную (опѣну, пополу): каждый ближикъ, какъ и каждый сосѣдъ въ общинѣ территоріальной, могъ заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати», могъ просить для себя «дила». Точно также общій раздѣлъ имущества между всѣми ближниками зависитъ единственно отъ свободной ихъ воли. Статутъ устанавливаетъ для такихъ случаевъ только общія нормы, держась въ главномъ старыхъ народныхъ обычаевъ. Имущество движимое дѣлится по взаимному соглашенію братьевъ; дарованна идетъ тому, кому лично дана господой. Племенщина раздѣляется между хозяевами (главами) по равнымъ участкамъ (дио или ждрибенице). Младшему члену союза предоставляется старое *огнище*, или, какъ говоритъ Русская Правда, «а двора безъ дѣла отень всякъ меньшему сыновя»: на старожъ огнищѣ — жилищѣ раздѣлившихся ближиковъ, заводилась новая семья или вервь младшаго брата, выдѣленнаго изъ старой отцовской верви. Право на жеребьи имѣютъ одни братья; сестры остаются при братьяхъ, обязанныхъ выдать ихъ замужъ, или по Русской Правдѣ: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но *отдасть ю замужъ братия* како си могутъ». Послѣ раздѣла всякій держитъ свое, воленъ «стати» на своемъ, жеребѣ, подлежащемъ послѣ раздѣлу, на основаніи обыкновенныхъ семейныхъ порядковъ наслѣдованія имущества. Вместе съ раздѣломъ племенщины, съ выдѣленіемъ ближиковъ на «дионици особята», прекращалось юридическое значеніе распавшагося союза ближиковъ. Съ этихъ поръ каждый знаетъ только свой дио, безъ общихъ повинностей и солидарности «заедина».

Рѣшительно тѣ же порядки держались въ чешскихъ задругахъ, называвшихся еще въ XVI вѣкѣ *rodove*, *hromady* и *spolky* (familiae aut uniones) и состоявшихъ подъ управленіемъ отца или выборнаго зрговсу (rector) изъ братьевъ, друзей и сполечянковъ (bratry, prateli, spolecnici, socii, amici и пр.). Въ старыхъ сборникахъ, напр. въ книгѣ Андрея съ Дубы, въ особенности въ *Zřízení zemské* 1500 г., находимъ много интересныхъ указаній на устройство чешскихъ задругъ. *Zřízení* говоритъ въ особенности подробно о порядкѣ раздѣла семейнаго имущества задругъ.

¹⁾ А сестры не получаютъ участковъ (изъ племенщины), когда имѣютъ братьевъ или ихъ нисходящихъ, но (берутъ) одежду и имущество, дававшееся при выходѣ въ замужество (280).

Постановленія этого устава тѣмъ болѣе важны для насъ, что они взяли изъ народныхъ обычаевъ много подробностей, мало затронутыхъ въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. Мы приведемъ главнѣйшія положенія старочешскаго права по наследству въ задругахъ.

Выдѣлъ задругарей изъ союза предоставляется свободной волею каждаго. Въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличались задруги, имѣвшія во главѣ отца, и задруги съ выборными справцами. Еще Андрей съ Дубы намѣкалъ на право сына требовать выдѣла своей части при жизни отца: отецъ *dlusem* дать сыновьямъ *diet* изъ наследственнаго и благопріобрѣтеннаго имущества, кромѣ *sedenie* (старое огнище Полицкаго Статута), женнаго вѣна, постели и другихъ вещей, взятыхъ за женой (Archiv. II. 504), которыми вступаютъ въ общій раздѣлъ по смерти родителей. По *Zrizení zemské*, требовать выдѣла не въ правѣ одинъ не женатые сыновья, — женатыхъ отецъ долженъ во всякомъ случаѣ «*vlusne opatriti*» (Zriz. § 516). Задруги, состоящіе изъ братьевъ и сполечниковъ, обязаны дѣлиться по первому требованію одного какого либо члена; кто противится раздѣлу, того можно принудить по суду (521). Все семейное имущество дѣлится поровну между сполечниками; въ общій раздѣлъ вступаетъ даже и то, что лично пріобрѣтено каждымъ сполечникомъ въ отдаленности (кромѣ имущества, внесеннаго въ задругу женою, — § 493, 519). Сполечники и братья не могутъ «*od zebe odbyti*» (a se emancipare) не отдѣленныхъ сестеръ, ни сестры не въ правѣ требовать для себя выдѣла. Они должны жить при братьяхъ или сполечникахъ, на которыхъ лежитъ одна обязанность — выдать сестеръ замужъ, назначивъ имъ вѣно (*veno, dos*) по своему усмотрѣнію. Если сполечникъ умретъ бездѣтнымъ, не распорядившись судьбой сестеръ, т. е. не выдавши ихъ замужъ, то къ сестрамъ переходятъ все его имущество; но если у него останется сынъ, то на немъ лежитъ обязанность выдать замужъ отцовскихъ сестеръ. Если съ сестрами останутся дочери сполечника, то имущество дѣлится пополамъ между тѣми и другими. Сыновья нѣсколькихъ сполечниковъ дѣлятъ между собой общее имущество не поголовно, но по праву представительства, т. е. сколько бы ни было дѣтей у одного сполечника, они всѣ вмѣстѣ получаютъ часть, какая слѣдовала ихъ отцу (§ 489). Несовершеннолѣтніе члены раздѣлявшейся задруги остаются съ своими частями при старшемъ братѣ. Въ этомъ случаѣ удерживаются задружные порядки, — въ случаѣ смерти кого либо изъ неотдѣленныхъ братьевъ, его часть отходитъ къ тѣмъ, при комъ онъ жилъ до своей смерти (§ 523).

д) *Обязательства и договоры.* Полицкій Статутъ относитъ сюда «увить, уговоръ, рокъ». Обязательства носятъ также общее названіе «такмине, дугованье, дуг и вообще стварь» (81, 123, 129, 130). Болѣе важные договоры, напр. вѣна или продажа племенщины, совершаются письменно, предъ судьями или на зборѣ. Въ особенности обязанности приставовъ состояли, между прочимъ, въ томъ, что они «чине и справаю продае и такмине и сваке ине ствари и дугованья меу дуами». Если не при всѣхъ договорахъ, то по крайней мѣрѣ при важнѣйшихъ, полагались свидѣтели, которые иногда въ качествѣ оцѣнщиковъ (цинци) опредѣляли стоимость предмета договора и пр. (83, 78, 80, 123, 129). Въ отдаленности упоминаются въ Статутѣ слѣдующіе виды обязательствъ и договоровъ:

1) *Даровщина*. О ней упоминается только мимоходомъ. Изъ статей объ имуществѣ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ видно, что дарить можно только прѣлю, напр. «за душу», по завѣщанію или инымъ образомъ. Особый видъ даровщины составляетъ *просиасиуна* — пожалованіе господю какого либо имущества частному лицу; оно совершается письменно, на имя того, «кому е писано». Въ задругѣ пожалованіе было однимъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества въ личную собственность (29, 74, 263).

2) *Замина*. Договоръ мѣны считается въ Статутѣ вполне дѣйствительнымъ, если предметомъ мѣны служить вещь, принадлежащая хозяину на правѣ собственности, также если стороны вступаютъ въ договоръ по добровольному согласію и не окажется при этомъ никакого подлога (небудући ке приварке, — не будучи ке хиньбе, али вале, валсе, невоѣле вола приварке). Дозволялось мѣняться вещами съ «придавкомъ» и безъ него, доплачивая «пинези али циномъ». Договоръ различно совершался при мѣнѣ движимыхъ вещей и племенщины. Движимыми вещами (скотомъ, лошадьми, платьемъ и пр.) дозволялось мѣняться безъ особенныхъ формальностей: если обѣ стороны помѣнялись вещами и, ушедши за тѣмъ домой, удержали ихъ у себя до слѣдующаго дня, то договоръ считался окончательно заключеннымъ. Племенщины мѣнялись «свитло и билодано»; договоръ утверждался «письмомъ али приста-ви»; при томъ, до истеченія давности, допускался при мѣнѣ, какъ и продажѣ, выкупъ племенщины ближними (81 — 84).

3) *Бунованье — продажа*. Статутъ различаетъ продажу племенщины и другихъ предметовъ. Племенщина продается на сборѣ или предъ княземъ. Въ этомъ случаѣ Статутъ строго держится старыхъ славянскихъ обычаевъ, по которымъ всякій торгъ (trh у Чеховъ было названіемъ самой сходки и договора купли — продажи) долженъ производиться на сходкѣ сосѣдей (Ирѣчка Sl. pr. II. 287 — 288). Въ Полицѣ, какъ мы видѣли, дѣлалась предварительная оповѣдь о продажѣ племенщины, съ вызовомъ ближиковъ, желавшихъ выкупить племенщину, — обычай, извѣстный древнему чешскому, русскому (напр. Псковской судн. гр.) и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Продажа считается «права и законита», если она произведена по предварительной оцѣнкѣ добрыхъ людей, — «по цинцихъ достоиняхъ, ки процине и стиму по своѣйои кушенциѣи (усмотрѣнію, совѣсти) оном, ча е таи племенщина вридна» (78 — 80. См. примѣч. къ 67 ст.). Полицкимъ цинцамъ вполне соотвѣтствуютъ чешскіе prostředníci или odhadníci (mediatores, taxatores. Ирѣч. II. 285). Продажа вещей движимыхъ предоставляется свободному договору сторонъ. Исключеніе составляли съѣстные припасы. Ихъ продажа допускалась не по договору, а по законной таксѣ, установленной Статутомъ за скотъ, козъ, свиней и другихъ животныхъ, за пшеницу, рожь и т. д. Торговля припасами производится на *жору* (маса — у бикарию), съ допущеніемъ вольныхъ цѣвъ только въ большіе праздники (по три дня — о божичу и о покладихъ. 210 — 215, 253).

4) *Наймъ*. Договоръ найма можетъ заключаться для работъ дворовыхъ и иныхъ. *Господарь* — хозяинъ, нѣмъющій у себя *наѣмниковъ* (наѣмничковъ), *кметей* и *сласовъ* (168, 189 — 191, 193 — 194). Извѣстенъ также наемъ имущества. Статутъ упоминаетъ о виноградникѣ на чужой землѣ; наемщикъ обязанъ

за землю давать хозяину «доходакъ» и торговать продуктомъ съ «повыдаля» хозяину (304).

5) *Дуль, застава (залогъ, закладъ, заставленіе)*. Этотъ договоръ соотвѣствуетъ долгу Русской Правды, долгу Душманова Законника или рижска, *licbva, základ, zastava* и *dľuh* старочешскаго права. Подъ дугомъ разумѣетъ Полицкій Статутъ заемъ чужой вещи, съ обязанностью возратить ее въ срокъ, вмѣстѣ съ условленнымъ вознагражденіемъ, а подъ заставою и залогомъ — ссуду, обеспеченную закладомъ движимой вещи или «заставленіемъ» недвижимой. Должникомъ (*дужликъ*) считается тотъ, «тко е дужанъ», кредиторомъ — «кому су дужни». Закладу и заставѣ назначается всегда срокъ (рокъ). Въ заставу дозволяется обращать землю, вообще племенщину. Владѣлецъ, заставившій свою землю, удерживаетъ право на «доходакъ» съ нея, именно на половинну «очества», т. е. всѣхъ поземельныхъ платежей и поборовъ, уплачивавшихся кметями въ пользу господина. При этомъ Статутъ соразмѣряетъ доходакъ съ такой или иной системой обработки земель, существовавшей въ Полпцѣ. Если земля обрабатывается *na no*, т. е. по системѣ половничества, то положено давать хозяину заложеной земли четвертую часть (четверто) всѣхъ доходовъ; при обработкѣ «на третье» — давать «шесто» и т. д. Долгъ, не обеспеченный заставой, по истеченіи срока взыскивается изъ движимаго имущества должника, а при его недостаткѣ — изъ племенщины; должникъ вправѣ удержать за собой одно оружіе и одежду (халинь) жены (71, 78, 134, 137 — 139).

6) *Зарука, изступъ*. Полицкій Статутъ, подобно древнему русскому праву, раздѣляетъ поруку на два рода: заруку *судебную*, имѣвшую мѣсто въ дѣлахъ по убійству и другимъ дѣламъ и состоявшую въ ручательствѣ за другаго, обязаннаго явиться на судъ въ положенное время, — и *изступъ*, имѣвшій мѣсто въ другихъ случаяхъ, напр. при уплатѣ долга и пр. Разъ поручившись за другаго, нельзя было отказываться отъ поруки и сосиднявшихъ съ ней обязанностей (иступъ неима одступа); но никто не можетъ ручаться «од невозможнаго» (112, 113, 129).

7) Наконецъ договорное начало лежало въ основаніи вервныхъ дружинъ, имѣвшихъ характеръ *товариществъ*, поземельныхъ ассоціацій. Происхожденіе верви изъ взаимнаго договора дioniиковъ одного села ясно доказывается слѣдующимъ мѣстомъ Статута: «какъ бы дioniици од села, сви се ставиши, *договорили се опѣно заедно* (заединъ), и тако бы могли учинити у своему селу ча имъ драго» (100). Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не объ учрежденіи новой территориальной общины опѣйна: дioniики и до договора жили въ общинѣ; стало быть, имъ не для чего договариваться о своей опѣинѣ, тѣмъ болѣе, что Статутъ, какъ мы уже видѣли, рѣшительно не допускаетъ полнаго разрушенія общинъ. Договорный характеръ товариществъ имѣли задруги и у другихъ Славянъ. Ирѣчекъ весьма основательно относитъ къ ученію о договорѣ товарищества (*spolek*) старочешскія *zstupky, spolky* и *hromady*, соответствующія полицкимъ дружинамъ или сербскимъ задругамъ (Slov. pr. II. 280). Вся ошибка Ирѣчка заключается въ положительно невѣрномъ воззрѣніи его на происхожденіе такихъ громадъ и сполковъ. По мнѣнію Ирѣчка, они являются

главнымъ образомъ при король Янъ, при которомъ много имѣній начало отходить въ казну по праву выморочному; какъ бы въ предупрежденіе этого дѣла, клонившагося къ ослабленію старыхъ родовъ (семей), послѣдніе стали соединяться въ задруги (въ нихъ не имѣеть мѣста выморочное право). Объясненіе Ирѣчка кажется намъ не совсѣмъ основательнымъ. Въдъ роды, которымъ грозило выморочное право короля, всегда имѣли подъ рукой много другихъ, болѣе подручныхъ средствъ, вовсе не прибѣгая къ клонотливому дѣлу товарищества: бездѣтный владѣлецъ могъ свое имѣніе продать, могъ по завѣщанію передать его въ друга руки или инымъ способомъ не допустить его до передачи въ казну князя. Дѣло въ томъ, что Ирѣчекъ смотритъ на старочешскую задругу съ точки теоріи родового быта и, встрѣчая позже факты, не подходящіе къ этой теоріи, старается увѣрить, что сполки и грошды XIV — XVI вѣковъ принадлежатъ новому времени, имѣютъ мало общаго съ родами старого времени. Напротивъ, памятники ясно говорятъ, что вся разница между старыми и новыми задругами Чеховъ состояла лишь въ томъ, что въ прежнее время они свободно развивались, путемъ однихъ обычаевъ, — въ новое время законодательство стало налагать на нихъ руку: опредѣлявъ болѣе точно основной характеръ задругъ (но началамъ договорнымъ, имѣвшимъ силу и въ прежнее время), законодательство подчинило ихъ контролю общественной власти, наир. поставило учрежденіе и раздѣленіе родовъ и сполковъ въ зависимость отъ правительства и пр. (См. напр. въ Zgiz. zem. § 62, гдѣ говорится о родахъ, учреждавшихся по договору и съ королевскаго «рѣшенія»). Самая суть дѣла одинакова въ старыхъ и новыхъ родахъ и сполкахъ. Можно говорить, что съ Яна сполки умножаются (въ слѣдствіе политическихъ и иныхъ причинъ), но имѣтъ никакихъ оснований отвергать тождественность ихъ съ старыми родами.

III. *Уголовное право.* Полциій Статутъ даетъ богатый матеріалъ для изученія старой системы уголовного права Славянъ. Встрѣчаемъ институты позднѣйшаго происхожденія; но рядомъ съ ними удерживаются и институты глубокой древности, какова мечь, потокъ и пр. Мы сдѣлаемъ общій обзоръ ученія Статута объ уголовномъ вѣнненіи, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

A. Преступленіе имѣеть различныя названія. *Кривина, узрокъ и стварь* — самыя употребительныя термины, соответствующіе понятію преступленія. Сюда относятся также *крижъ* или *зрижа*, *худоба*, *нечистола*; наиболее тяжкія преступленія обозначаются въ особенности терминами *зло* и *позлобица* (8, 17, 21, 27, 39, 52, 62, 67, 99, 129, 169). Преступникомъ считается *кривацъ*, «онъ, ки е кривъ». Иногда преступникъ называется *непослужа*, *злой човикъ*. Лихимъ людямъ древняго русскаго права соответствуютъ *злей луде*, *невирикъ*, *очить музубиръ* (вѣдомый лихой человекъ). Находимъ и спеціальныя названія — *гусарь*, *разбойникъ*, *лупежъ* и т. д. (10, 16, 21, 24, 169, 256, 266, 267).

Ученіе объ уголовномъ вѣнненіи гораздо болѣе развито сравнительно съ Венгдольскими Законами. *Злой узрокъ* принимается, какъ главный признакъ вѣннености преступленія (62). Убійство въ свадѣ отличается отъ убійства преднамѣреннаго, совершеннаго «закономъ ашашимскимъ (разбойнически), вола на приварке, али ну заседши» (56); шкода случайная, учиненная «нехотѣ», отличается отъ шкоды

умышленной, произведенной «хоте али захвалив се» (182). Въ учени о личныхъ преступленіяхъ, въ особенности объ обидахъ, считается важнымъ обстоятельствомъ, — за кѣмъ былъ первый почитъ: «да ли ови, ки *мочамъ*, негова е *кривина*»; «они, кон наприа чини *затачъ*», тотъ и платитъ пеню (23, 33, 34, 62); впрочемъ, если обиженный, на котораго сдѣлано нападеніе, отвѣчалъ такой-же обидой, то это засчитывалось ему «у *закну*» (62). Дѣлается различіе между покушеніемъ и исполненіемъ злаго умысла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказывалось одно покушеніе, если при этомъ были другія обстоятельства, усиливашія виновность лица; напр. поднятіе руки, палки или оружія для боя на сборѣ или предъ княземъ (158, 156). Въ повторенномъ преступленіи Статутъ видитъ болѣе тяжкое дѣйствіе, чѣмъ въ преступленіи, учиненномъ впервые (246). Съ другой стороны, не вполнѣ выяснено различіе между главнымъ зачинщикомъ и простыми помощниками, какъ это видно напр. изъ постановленій объ *измѣнѣ*: «ако би тко у томъ (*измѣнѣ*) помогало али *завъ* ства за брацтво, али за *ину* признавъ, да *му е дружъ*», подлежать одинаковому наказанію съ главнымъ преступникомъ. Точно также при умищаньи (похищеніи жень), помощникъ наказывается наравнѣ съ главнымъ преступникомъ, — «только ономъ, ки би *ту* умака, толико оному, ки би *му* помага». Различіе между зачинщиками и пособниками принимается во вниманіе только въ учени о *татѣбѣ*: «ко за *лупежа* (тата) *узговоръ*, ко *лупежу* у чей *поможе* ричѣу али *диломъ*», тотъ подлежитъ меньшей пенѣ сравнительно съ самымъ татемъ (92, 247, 258). Статутъ опредѣляетъ степень наказуемости преступленій, смотря по ихъ причинамъ (зачъ е тои учинено и *почемъ*, с *кога* *узрока* и на *косемъ* *дугованью*, — 39, 42 65 и пр.), мѣсту ихъ совершенія (гди е и у *ком* *мѣсту* учинено, — 42), по личнымъ отношеніямъ преступника къ обиженному (47, 48, 218) и свойствамъ и тяжести самыхъ преступленій. Статутъ предписываетъ — при назначеніи наказаній «прозрити и *процинтити*, ка е рана од *кое* *жеща* (*жесточе*), али *луца* (*лутѣ*), али од *сирти* *сумшерна*, али од *кое* се *праве* *веће* *болести* и *тешкоће* и *траћенна* (*утратъ*), *вола* *ликарне* (*лѣкарствъ*) али *шкоде*, али *паке* *гди* се *згоди*, да се *виде* *кости*, али *плућа* (*легкія*), али *можчани* (*мозгъ*), али *ине* *ствари* од *живота*», — «има се *разабрати*, како е и по *кон* *начинъ*, и с *комъ* *узрокомъ* и *тко* е *чловикъ* (*преступникъ*) и *ке* *врота*, и *жеска* *глава* (*обиженная*) од *ке* е *правн* и од *кога* *гласа* и од *кое* *работе*» (64, 218; ср. 36, 38 — 40).

Полицкому Статуту извѣстны случаи полной невмѣняемости преступленій. Сюда относится пойма преступника на мѣстѣ преступленія, когда онъ не отдавался добровольно, или для обиженного настояла необходимость личной обороны. Такимъ образомъ, остается безнаказаннымъ убійство тата, пойманнаго на кражѣ, «*ком* *креде* али *силомъ* *води*», — убійство гусара (разбойника), «*ки* га *хоће* *дерати*, а *ови*, *ки* се *брани*, *убие* га» (21, 23, 65). Въ учени объ убійствѣ и обидахъ имѣетъ важное значеніе различіе между преступленіями, учиненными «*закнито* и *незакнито*»: *придна* *крвъ* безнаказанно допускала кровную месть, какъ и за обиду дозволялось отплатить равной обидой (52, 53, 57, 62).

Отвѣтственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на самого виновнаго, но и на другихъ лицъ. Община отвѣчала за своихъ членовъ, семья — за дѣтей. Въ случаѣ преступленія члена семьи и задруга, *всѣхъ* *дѣти* *терати* *праве*

наследованія въ движимомъ имуществѣ преступника, а иногда и недвижимомъ, — наказанія личныя не касались другихъ членовъ семьи: «тво гредє главоъ, да є дужинь, а има челоде да ни дужна главо» (17).

Слѣдуетъ замѣтить наконецъ, что Полицій Статутъ допускаетъ возможность преступленій и со стороны животныхъ. Въ немъ упоминается слѣдующій случай: если чья либо собака ранитъ человѣка на дорогѣ, такъ что раненный умретъ или какой либо членъ его останется искалѣченнымъ, то хозяинъ собаки, приведа ее къ «щетнику» или его дѣтямъ, съ словами: «ото ти твои криваць», можетъ вѣннъ «бити простъ» отъ всякой отвѣтственности. Если хозяинъ собаки не дѣлаєтъ этого, то раненный можетъ обратиться къ нему съ словами: «твое же брашно, учини ми тов зло», требуя отъ него вознагражденія. Тоже самое касается коня и всякаго другаго животнаго (208, 209).

В. Система преступленій имѣетъ довольно законченный видъ. Ихъ можно свести въ слѣдующія шесть группъ:

- 1) Преступленія съ публичнымъ характеромъ: неврство, разврха, застава, робство, новщина (проти опѣнина) и преступленія по службѣ.
- 2) Преступленія церковныя (и волшебство).
- 3) Преступленія частныя — противъ права на жизнь: убійство и разбойство (адамшиство).
- 4) Преступленія частныя — противъ правъ личныхъ: заря, раны, свада, бой, заточъ, модрица, скубана и срамота.
- 5) Преступленія частныя — противъ правъ семейственныхъ: разбанине жєске, грѣхъ неподобни (содомски) и уничаніє жєтъ.
- 6) Преступленія частныя — противъ правъ имущественныхъ: крєа и лупещина (жеусобщина); сила, надворє, новщина, самосєгъ, сича, по паша, щєта и шкода.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ родѣ исчисленныхъ преступленій. Начнемъ съ публичныхъ преступленій.

1) *Преступленія публичныя.* Сюда относятся три главныя рода преступленій и проступковъ: преступленія съ государственнымъ характеромъ (неврство, разврха, застава и робство); преступленія и проступки, входившіє въ понятіє «новщины, ча фя проти опѣнина» (учрежденіє града, царны, торговны, уничтоженіє путей, незаконный торгъ янномъ, припасами и пр.); преступленія по службѣ (кагунарєй, приставовъ и пр.).

а) Подъ государственными преступленіями въ собственномъ смыслѣ Статутъ разумѣетъ преступныя дѣйствія противъ «господы и мѣста нащєга», куда относятся: измѣна, нарушение земскаго мира, сопротивленіє власти и такъ называемое робство. Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ, большею частію, принадлежатъ позднѣйшему времени.

Неврство. Наимѣншомъ (несириншомъ и трыдцатуромъ кєлєншкємъ) считается

тотъ, кто «проповидае више полчию, — тко разбѣае али противно ча учини и одличн куван зборъ Полциъ, — тко придава сам себе и мисто наше иному господиу, него оће (хочеть) ини племевги люди полчианци». Полчианциъ обещается невриникомъ и въ такомъ случаѣ, когда ояъ, будучи на службѣ вѣтъ Полциъ, «учини господару кою невпру али срамоту, али га ображно, али му ино кое зло учинио». Съ главнымъ невриникомъ вполне уравниваются и его помощники: «ако би га тко у том помагао али занъ стао за брацтво али за ину приазанъ, да му е другъ». Измѣнникъ наказывается сожженіемъ; имущество его подвергается грабежу въ пользу общины. За простое неповиновеніе вѣчевой одлукѣ грозитъ денежная пеня (въ 25 либрѣ). Скрывшійся преступникъ наказывается потокомъ, «да се изрече ванъ, веће да ни полчианциъ». Закономъ XVII стол. положено было вписывать измѣнниковъ въ Статутъ: «да ѣе невриник, и да има главом платити, и од ѣнегове куће да се нима никад примет у збор ни у ниѣдино више братинско ни сл ромашко», — самъ измѣнникъ наказывался смертной казнью, его семья лишалась права посылать своихъ кућниковъ на зборъ и вѣча (91 — 94, 169, 231, 276, 282).

Невриниками «госпоцкими» считаются по закону 1576 г. лица, производившія смуту — *разерзу* (сметну, лиге, перте), изъ которой можетъ возникнуть нарушеніе земскаго мира. Домъ виновнаго сжигается (да му се'куча ужеже); самъ преступникъ предается смерти (188).

Застава — насиліе въ присутствіи князя и судей, въ особенности сопротивленіе ихъ власти (тко би поменую силу пружи се прид кнезом и суци). Застава наказывается наравнѣ съ неврствомъ (231 — 233).

Въ понятіе *робства* входятъ слѣдующіе случаи: «ако ки коли би с Турци пошли на вонску али с мартолоси, — ки годи би полчианциъ, ке хоѣь врсте буди, робно с Турци али с мартолоси, али се придао Турком, али у Турке пошао хоте, од свое воле, али да поѣде у Турке али у аѣдуке, али да би се нашло, до коѣми поможе продавати али куповати чеѣлад, али друге коѣе му драго врсте, ке би могле наудити пуку али господи»¹⁾.

§) Къ преступленіямъ *проти опћини* относятся: учрежденіе новыхъ гаевъ и путей, также уничтоженіе старыхъ дорогъ безъ дозволенія общины; введеніе и взиманіе дарныи и торговли (русское мыто); заведеніе гравовъ. Сюда относятся также продажа вина, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости сверхъ положенной таксы и не въ установленныхъ для того мѣстахъ; особенно строго запрещается продажа на торгу мяса «немоѣяго» и мертвечины, или мрлины (100, 202, 212, 215, 235, 251 — 252). Постановленія, опредѣлившія исчисленные предметы, болшею частію принадлежать позднѣйшему времени.

¹⁾ Т. е. если бы кто пошелъ на войну съ турками или мартолосами, — если бы какой либо полчианциъ какого-бы то ни было ословіа разбойничалъ (производилъ морскіе разбой) съ турками или мартолосами, или передался туркамъ, или намѣревался пойти къ туркамъ по своей воли, — или если-бы поѣхалъ къ туркамъ или гайдукамъ, или если-бы открылось, что кто либо помогалъ продавать или покупать челядь или людей другихъ сословій, чѣд могло бы повредить народу или правдоу (17, 18, 20, 266).

γ) Изъ преступленій во службѣ Статутъ упоминаетъ о нещякѣ катувара на збора безъ законной причини и неисполненіи приставомъ своей приставщины (127, 270). Безъ сомнѣнія, и другіе главарі подлежали высканіямъ, при неисполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Подъ проклятыми разужются люди, находящіеся «у проклетству», отлученные отъ церкви и общенія съ людьми, преимущественно за преступления противъ вѣры. На ряду съ проклятыми стоятъ «очити ожуринки» — лица, не бывшіе у исповѣди и св. таинъ, также «вишбицы, чаровницы и вражарицы» (вражалецы, ворожеи) — люди, занимавшіеся волшебствомъ. Проклятые и ожуринки, въ случаѣ смерти, лишаются христіанскаго погребенія; чаровницы, впервые обвиненныя, подлежатъ обыкновеннымъ наказаніямъ, а при вторичномъ обвиненіи сожигаются (27, 28, 246).

Невпрство, застава и другія преступления съ публичнымъ характеромъ принадлежатъ къ институтамъ позднѣйшаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ Статутъ многое могъ заимствовать изъ чуждыхъ источниковъ. Не то нужно сказать о преступленияхъ частныхъ: большинство относящихся сюда статутowychъ постановленій несомнѣнно коренится въ старыхъ народныхъ обычаяхъ. Разсмотримъ прежде всего сущность убійства и другихъ преступленій противъ правъ личныхъ.

3) Изъ частныхъ преступленій Статутъ ставитъ на первомъ планѣ убійство и отдѣльные его виды — самоубійство, удушеніе дѣтей и разбой.

Убойство (крв). Статутъ представляетъ въ ученіи объ убійствѣ капитальное различіе отъ Русской Правды и большинства другихъ славянскихъ памятниковъ въ томъ отношеніи, что въ немъ убійство не опредѣляется сословными началами, имѣвшими мѣсто въ ученіи объ убійствѣ почти по всѣмъ средневѣковымъ законодательствамъ. Статутъ положительно говоритъ: «ако ли би грихом убио поличанья поличанья у Полицныхъ али инди, *еднако носи*» (51), т. е. убійца подлежитъ одинаковому наказанію, гдѣ бы ни былъ убитъ и къ какому бы сословию ни принадлежалъ убитый. Въ то время, какъ напр. Русская Правда устанавливаетъ различную виру за убійство княжскихъ мужей, людиновъ и т. д., Статутъ Полицкій одинаково наказываетъ убійцу, не смотря на то, принадлежитъ ли убитый къ племенитымъ людямъ, или къ кметамъ и другимъ общественнымъ разрядамъ. Нужно вообще замѣтить, что въ уголовномъ правѣ Статута весьма мало развиты сословныя различія. О нихъ говорится въ статьѣ — о срамотѣ, соответствующей исполнѣ статьѣ Правды объ усѣ и бородѣ: срамота, нанесенная племичу, наказывается различно, смотря по тому, кто ее нанесъ — племенитый ли человекъ, или кметичъ (62). Впрочемъ, и здѣсь Статутъ далеко не такъ точенъ въ таксаціи пеней, какъ это мы видимъ въ Правдѣ, — говоря о пени за срамоту, нанесенную племичу, онъ просто говоритъ — «томуи вече иде» (тотъ подлежитъ большому наказанію). Кроме того, влияніе сословныхъ различій отчасти замѣтно въ ученіи о кражѣ, именно о кражѣ, произведенной зависящимъ человекомъ у своего господина (162, 168, 190).

Статутъ различаетъ въ убійствѣ различные признаки и основанія виновности или безответственности преступления и болшей или меньшей тяжести самаго

наказанія убійца. Такииъ образомъ, въ Статутѣ обращается вниманіе на *братство*, т. е. болѣе или менѣе близкія семейныя связи между убійцей и убитымъ. Иначе рассматривается убійство, учиненное *изванскимъ* (чужеземцемъ) и *полочаниномъ*, и при томъ въ *свадь* (ссора) или въ *разбой*; дѣлается различіе между такъ называемой *мертвой кровью* (мртва кровь), т. е. убійствомъ на мѣстѣ ссоры, и *кровью живою* (когда прибитый умираетъ послѣ ссоры), — между убійствомъ по злему умыслу и въ состояніи *необходимой обороны* (убійство разбойника и грабителя), также при *поимкѣ татя* на мѣстѣ преступленія и вообще при поимкѣ всякихъ *лихихъ людей* (невириковъ, лицъ, учинившихъ рабство и пр.). Статутъ говоритъ наконецъ объ *удавленіи дидяти* матерью и о *самоубійцахъ*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Статутъ даетъ указанія на множество институтовъ глубокой древности. Общинное устройство Полицы, съ его явевелирующими порядками, не дало развиваться сословнымъ вліяніямъ въ дѣлѣ гарантіи жизни отдѣльныхъ лицъ. Тамъ же нужно искать корни такихъ институтовъ, какъ убійство, учиненное *изванскимъ* и *полочаниномъ*, братомъ вервнымъ, дальнимъ или близкимъ, — институтъ общинной и семейной вражды (дикой виры Правды), кровной мести и т. д. Вліяніе новаго времени можно видѣть лишь въ постановленіяхъ о самоубійцахъ и удавленіи дѣтей.

У народовъ, стоящихъ на ступени патриархально — родового быта, убійца отца, матери, главы рода, наказывается гораздо строже, чѣмъ убійца братьевъ и другихъ членовъ рода. Подобное же различіе, хотя и на иныхъ основаніяхъ, строго развито въ уголовномъ правѣ эпохи позднѣйшей государственности. Не то видимъ тамъ, гдѣ семья развивается въ формѣ задругъ, по типу общинъ территориальныхъ. Ничѣмъ не отличая юридическаго положенія семейнаго старшины отъ другихъ братьевъ и задругарей, законодательство одинаково гарантируетъ ихъ въ случай убійства и другихъ обидъ. Полицій Статутъ, воплотивъ развитыиъ ученіе о семейной общинѣ, не даетъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы законъ дѣлалъ различіе между убійствомъ и обидами, наносимыми отцу или господарю вервнкой дружины и другимъ вервнымъ братьямъ. Законъ «од синов и отацъ» (281) говоритъ только о частной дисциплинарной мѣрѣ, которою *можетъ* воспользоваться отецъ, въ случаѣ обиды со стороны дѣтей; въ случаѣ поднятія на него руки, при неуваженіи и пр., отцу предоставляется напр. завѣщаніемъ устранить такихъ дѣтей отъ наслѣдства, и только. Здѣсь, очевидно, нисколько не идетъ дѣло объ уголовномъ наказаніи, назначавшемся общественной властью. Говоря въ 47 — 50 статьяхъ объ убійствѣ *ближнихъ* и *вервныхъ*, *братьевъ* присныхъ и *неаремъ* *присныхъ*, Статутъ разумѣетъ здѣсь вообще близкихъ (отца, сына, брата и т. д.), или просто братьевъ, т. е. членовъ семьи въ строгомъ смыслѣ и членовъ вервнкой дружины. Убійца брата приснаго, говоритъ Полицій Статутъ, «ча недаи бог, неима веѣ бити полочанинъ». Онъ подвергается потоку; племянница его отходитъ къ другому ближнему, которому она можетъ принадлежать по наслѣдству. Здѣсь говорится о скрывшемся убійцѣ; если онъ послѣ показывался въ Полциѣ, то «га имаю тирати сва Полица у негову главу», — убійца подлежитъ общинной мести. Напротивъ, убійца брата «не прем приснаго» подлежить мести, смотря по тому, на сколько онъ близокъ къ убитому по братству (коликому е био близу у братству), т. е. смотря по тому, убить ли дальній, или вервннй братъ (47 — 50).

Статуть различаетъ, дагге, убійство *изванскою полицаномъ* и наоборотъ, также убійство *изванскою изванскимъ* или *полличина полицаномъ*.

Въ дѣлахъ между изванскими и полицанами допускается кровная месть, какъ общее правило, въ дѣлахъ же между одними полицанами — только въ крайнихъ случаяхъ. Если полицанинъ убьетъ изванскаго «за придну кровь», т. е. мстя за прежнее убійство, то «за тоя имаю Полица стати», — община защищаетъ своего полицанина — отместника. Напротивъ, убійство «незанято», безъ предыдущей причины, «е ствар онога, ки кровь учини» (община не въ правѣ его защищать). Точно также изванскій можетъ убить полицанина «за придну пизму» и община не въ правѣ за то ему мстить (тирати). Если изванскій убьетъ или ранитъ изванскаго въ Полицѣ, то община не вмешивается въ это дѣло (за то се Полица неимпачаю), — убійство судится и наказывается по національному праву изванскихъ (52 — 54).

Что касается убійства между полицанами, то въ обыкновенныхъ случаяхъ кровная месть замѣняется системой денежныхъ выкуповъ и другихъ наказаній. Местъ допускается только въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

Если бы случилась, говоритъ Полицкій Статуть, «мртва кровь *од нас меу нами*», т. е. между полицанами, то хочеть старый законъ, чтобъ была тому цѣна 240 либаръ (55). Местъ допускается только въ особенныхъ случаяхъ и противъ «очятыхъ музувировъ» (явныхъ лихихъ людей). Убійство остается безъ всякихъ послѣдствій, если вынуждено состояниемъ необходимой обороны: не считалось преступлениемъ убійство разбойника, «ки га хоѣе дерати, а ови, *ки се брани, убие га*» (21, 57). Не подвергалось никакой ответственности убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступления, — право мести въ этомъ случаѣ имѣеть мѣсто, главнымъ образомъ, при *сопротивленіи* вора, не отдававшагося добровольно въ руки настигшихъ его на кражѣ; при томъ, право такое предоставляется, не только обиженному, но и всякому другому полицану (21, 58). Наконецъ не вѣнялось въ вину убійство *явныхъ лихихъ людей* (очити музувири, злѣе луди), напр. измѣнниковъ, уличенныхъ въ робствѣ и пр. (напр. 24 и др.).

Убійство въ *свадѣ* (ссора), «свадив се и скарав се» (ако би се тро с ким свадно, тере убио едни другога), отличается отъ убійства въ засадѣ, по злему умыслу, въ разбоѣ. Убійство въ первомъ случаѣ наказывается денежной пеней, во второмъ — смертной казнью (21, 55, 56). Въ свою очередь, убійство въ *свадѣ* можетъ быть *мртва* или *жива кровь*, смотря по тому, убитъ ли кто либо на мѣстѣ (ако ли би га убио на мисти), или смерть послѣдовала вскорѣ послѣ свадьбы (жива кровь). Мртва кровь оплачивалась двойной пеней, или такъ называемой мртовой враждой (или дви вражди); кровь жива — пеней одинарной, живой враждой (55, 57, 58, 65), — институты, напоминающіе виру Правды, платившуюся вслѣдствіе поимки убійцы при трупѣ и отличавшуюся отъ такъ называемой поклепной виры.

Статуть напоминаетъ наконецъ объ особыхъ видахъ убійства: объ *удавленіи дитяти* матерью и о самоубійствѣ. Мать, виновная въ удавленіи дитяти, какъ бы это ни случилось (ка би дите удавила волом како годирь хоѣе на свиту али ким хоѣе путем али начином), должна быть «по сваки путь огнем самгана» (178). Са-

поубійды (кто би сам себя учинио смерть), подобно проклятымъ, лишаются христіанскаго погребенія (28).

Разбойство (ашашинство). Подобно Русской Правдѣ, Статутъ опредѣляетъ сущность разбоя, какъ особаго вида убійства. Подъ разбойствомъ разумется убійство, соединенное съ насильнымъ отнятіемъ чужаго имущества. Въ понятіе разбоя входятъ слѣдующіе случаи: «ако ли би убио тко кога закономъ *ашашинскимъ* (разбойнически), вола изъ приварке, али му *заседиши* (изъ засады); али га убио при комъ благу, али за кою користь, али га одрю (ограбить) убивши» (56); «ако ли би тко кога убио *нашад на неову кулу*» (59); вообще если кто убьетъ другаго при грабежѣ — «разбиваю и *дераю на пугу* (на дорогѣ) вола *иньди*, али му *зассо*» (65). Разбой изъ засады отличается отъ разбоя дорожнаго (*сила*) и разбоя, учиненнаго при находѣ на домъ или дворъ (*надворе*). Свои *разбойники* (*ашашинь*, *очить музусирь*) отличаются отъ *гусарь* (*гуси*) — разбойниковъ, нападающихъ извѣтъ, ночью и днемъ, воинскимъ образомъ (*гуси ночна* и *очита*, *воиска*, — см. 21, 196). Убійство разбойника дозволяется вездѣ и во всякое время, особенно если онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; въ другихъ случаяхъ онъ наказывается повѣшеніемъ и четвертованіемъ. Гусары воиски наказываются по обычаямъ военнымъ (21, 56, 196).

4) *Членовооружденія, побои и друія личныя обиды*. Статутъ допускаетъ увѣчья и побои въ дракѣ (*зарель*, *касий*), ссорѣ (*свадь*), также во время грабежа и находы на чужой домъ. Зарва и свада могутъ происходить съ нанесеніемъ ранъ и обидъ или безъ нихъ (23, 33, 65, 66). Наиболее тяжкими преступленіями считаются увѣчья — *очма* и *груботы*: изувѣченіе пѣлой руки, ноги, глаза; отсѣченіе или поврежденіе пальцевъ ручныхъ и ножныхъ, зубовъ и другихъ членовъ (37 — 46). *Раны* опредѣляются самымъ подробнымъ образомъ: раны большія отличаются отъ малыхъ ранъ и простыхъ царапинъ (*модрица*); обращается вниманіе на свойство оружія, которымъ произведены раны; раны подъ одеждой отличаются отъ ранъ на открытомъ мѣстѣ, въ особенности на лицѣ (*на образу*), или на *спидокрочу* (т. е. мѣстѣ, полузакрытомъ платьемъ). Статутъ требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнки увѣчий и ранъ чрезъ добрыхъ людей и цинцевъ (23, 34 — 36, 39, 61, 64). Отъ груботы и ранъ отличается *бой* — нанесеніе простыхъ побоевъ. Побои женщинъ оплачиваются возвышенными пениями, какъ и поднятіе руки или оружія на господина, также побои на зборѣ и въ присутствіи князя (35, 61, 63, 66, 155, 156). Изъ другихъ видовъ личныхъ обидъ упоминаются: *скубана* (ако би тко ухитио и скубао за власе), наносимая плечамъ и лицамъ другихъ сословій, — *затачь* (толчки) и *исость* (ругательство). Всѣ обиды считаются болѣе тяжкими, если они нанесены кому либо на зборѣ и предъ княземъ (33, 34, 62, 154). Увѣчья и обиды носятъ общее названіе *груботы* и *срамоты*. Самыя большія пени назначаются за сичу и груботу, въ особенности за поврежденіе руки и другихъ главныхъ членовъ: назначенная за нихъ «живая вражда» (120 лѣб.) вполне соответствуетъ полвири Правды, — живая вражда составляетъ половину мертвой (240 лѣб.), т. е. простой виры Правды. Кромѣ денежныхъ пеней, допускаются и членовредительныя наказанія; напр. кметю, виновному въ поднятіи руки на господина, грозитъ лишеніе правой руки (37, 64, 82, 156).

5) Къ преступленіямъ противъ *правъ семейственныхъ* относятся: убиеніе разбитыя женщины и неподобный грѣхъ.

Подъ *разбитыемъ женскимъ* разумѣется изнасилованіе женщинъ («яко бы тво рабнаѣ и силова женьску главу прежь не воле»). Изнасилованіе наказывается *мертвой кровью*, т. е. обиженная можетъ потребовать головы разбойника, или ограничиться однимъ выкупомъ, равнымъ вирѣ за убійство. Если будетъ изнасилована женщина замужняя или обрученная (мужата или рукована), то мертвая кровь платится мужу и самой обиженной. Незамужней женщинѣ предоставляется право требовать отъ своего разбойника, чтобъ онъ женился на ней, или (если онъ женатъ) доставилъ ей всѣ средства къ жизни, приличной ея состоянію. За изнасилованіе блудницы платится, за обиду, меньшая пеня (въ 25 либрь). См. 176, 217 — 221.

Подъ «неподобнымъ» грѣхомъ Полицкій Статутъ разумѣетъ *грѣхъ содомскъ*. Виновныхъ въ такомъ «нечистомъ» грѣхѣ предписывается сожигать безъ всякаго помилованія (177).

Убиеніе — насильное дохищеніе женщинъ. Закономъ 1605 г. предоставляется общинѣ право мести надъ виновными: «да му иде опѣина на куѣу и да му развали куѣу». Имущество виновнаго подлежитъ грабежу въ пользу общины (247).

6) Изъ преступленій противъ *имущественныхъ правъ* упоминаются: кража, грабежъ и другіе виды насильнаго присвоенія чужаго имущества, истребленіе и порча вещей.

Креа (лупство, лупцила, меусобица). Креа Полицкаго Статута соответствуетъ татбѣ Русской Правды. Татба имѣетъ, по Статуту, характеръ вполне развитаго института. Въ немъ находимъ очень интересныя данныя по отдѣльнымъ деталямъ этого института, — опредѣлительно рѣшаются главнѣйшіе вопросы касательно *лица* преступника, *предмета*, *мѣста* и *времени* совершенія татбы. По всѣмъ этимъ вопросамъ Статутъ преслѣдуетъ одну главную цѣль — опредѣлить условія болѣе или меньшей *наказуемости* преступленія. Сравнительно съ Правдой, Статутъ излагаетъ ученіе о татбѣ въ болѣе объобщенномъ видѣ; въ немъ меньше казуистическихъ постановленій, составляющихъ отличительную черту Правды и другихъ старославянскихъ законодательствъ.

Лупежь (тать Правды) — общее названіе вора. Ученіе Статута о лицѣ преступника весьма важно для насъ, потому что Статутъ въ этомъ случаѣ даетъ указанія на порядки глубокой старины, когда вся общественность первичныхъ народовъ построилась на розни и враждебности автономическихъ союзовъ — родовъ, общинъ, семей. Лицо, не принадлежавшее къ союзу, считалось въ немъ безправнымъ, чуть ли даже не врагомъ; только свой пользовался въ общинѣ юридическими гарантіями. Въ уголовномъ правѣ это отражалось въ признаніи мести противъ лицъ, не принадлежавшихъ къ общинамъ, въ случаѣ совершенія ими какихъ либо проступковъ противъ чужаго союза и отдѣльныхъ его членовъ. Съ ослабленіемъ общинной розни, начало мести сдвигается и вовсе устраняется, уступая мѣсто

новыя началы и порядки, соответствовавшыя изменившимся условіямъ общенія. Полицкій Статутъ въ ученіи о татьбѣ, какъ и объ убійствѣ, представляетъ слѣды стараго порядка, ясно указываетъ на старую рознь общинъ, съ ихъ мстью и самоуправствомъ во взаимныхъ между собой отношеніяхъ. Все ученіе Статута о татьбѣ строится на различіи между *изванскими* и *поличчанами*, уличенными въ совершеніи татьбы. Объ изванскихъ Статутъ немного распространяется: дупежъ «*од инуде*» (т. е. изъ другаго мѣста, изванскій, не поличчанинъ), пойманный и уличенный въ совершеніи татьбы въ Полицѣ, «има се ли по сваки пут обисити» (165). Въ отношеніи къ изванскому Статутъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на условія, при которыхъ совершено имъ преступленіе; достаточно съ его стороны самое незначительное воровство для того, чтобы онъ подвергся полной мести полицкой общины, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Полица относилась къ не-членамъ своей общины съ точки старой розни и враждебности союзовъ.

Болѣе подробно говорится о татьбѣ *поличчанъ*. Правда, и въ отношеніи къ нимъ дѣлается различіе между татьбой, совершенной виѣ и въ самой Полицѣ; но здѣсь мечь и смертная казнь, болѣею частію, замѣняются денежными выкупами. Статутъ возникаетъ во всѣ подробности предмета, опредѣляетъ разнообразныя условія совершенія преступленія, виѣствъ съ системой соответственныхъ имъ наказаній.

Статутъ, во 1-хъ, дѣлаетъ различіе между обыкновеннымъ воровъ и *воромъ по ремеслу*, относя послѣдняго къ разряду явныхъ ляхихъ людей (256). Главный преступникъ отличается отъ *помощниковъ* (ко за дупежа узговори, — ко дупежу у чем поможе ричѣу али дилом), которые подлежатъ меньшей отвѣтственности сравнительно съ главнымъ коноводомъ (258).

Во 2-хъ, отвѣтственность за татьбу можетъ быть различной, смотря по *покрепѣ* — предмету татьбы. Различается кража домашнихъ вещей, инанья, — кража скота (живнни), огородныхъ овощей, винограда, жита и проч. (11, 58, 163, 257).

Въ 3-хъ, иначе отвѣчаетъ за татьбу свободный и зависимый человекъ: кмети и наймиты, за кражу у своихъ господъ, подлежатъ болѣе отвѣтственности, чѣмъ за кражу у другихъ лицъ (168).

Въ 4-хъ, поличчанинъ подлежитъ различному наказанію, смотря по *времени* и *мѣсту* совершенія татьбы. Татьба ночная отличается отъ дневной: «ча се отме у ноћи, то е една стварь, а ча се отме у дне, то е друга стварь» (203). Различная отвѣтственность падаетъ на преступленія, совершенныя поличчаниномъ виѣ Полицы и въ ней самой, и при томъ — въ своемъ селѣ или чужомъ, назъ «прага», дома (кѣйтная татьба Правды), двора, огорода или въ виноградникѣ и на полѣ (жита и пр.). Кража въ своемъ селѣ по преимуществу называется *меусобицной*, какъ и самъ тать — *дупежь* — *меусобаць*, или просто *меусобаць*; кража виѣ своего села носитъ специальное названіе *лупецины* (*лупецтва*), — самый воръ называется *лупецемъ* (8 — 11, 21, 58, 163 — 166).

Наконецъ въ 5-хъ. татьба имѣетъ различныя послѣдствія, смотря по тому,

воинъ ли преступникъ въ моментъ совершенія преступленія, или противъ него предъявленъ поклепъ (21, 58), — начало, вполне известное Русской Правдѣ и другимъ славянскимъ законодательствамъ.

На основаніи исчисленныхъ началъ, Статутъ устанавливаетъ слѣдующую систему *наказаній* за различные виды татьбы поличнаго. Ихъ можно свести къ тремъ главнымъ группамъ:

а) Тать, пойманный при лицѣ, можетъ быть тутъ же убитъ (во пса мѣсто, по выраженію Правды), если онъ сопротивляется, — и подвергается повѣшенію, если добровольно отдается въ руки того, кто его настигъ на преступленіи.

б) За лупещину (кражу въ чужомъ селѣ) назначается *приамшина* (или *пособа*) — вознагражденіе обиженному за «щету», состоявшее въ дачѣ «за кокошь (курницу) козы, за козу вола и т. д., при чемъ цѣнность пособы возвышается тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе и цѣннѣе воровская вещь; если цѣнность поличнаго превыситъ положенную норму (100 либровъ), то виновный наказывается повѣшеніемъ. Кроме приамшины, тать платитъ «господскую и сельскую глобу», т. е. денежную пеню въ пользу общины и господъ, смотря по цѣвѣ поличнаго. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ поличанинъ, уличенный въ татьбу внѣ Полицы, какъ и наймитъ, обокравшій своего хозяина, платитъ дуплицу (двойную пеню). Помощники при татьбѣ платятъ только господскую глобу (163, 164, 168, 203, 257, 258).

γ) За меусобщину, безъ различія между лицомъ и поклепомъ, назначается повѣшеніе, — наказаніе, угрожающее вообще явнымъ татямъ, также кметямъ, обокравшимъ своихъ господъ (166, 168, 256).

Грабежь (*сила, надворе*) и *присвоеніе чуждыхъ вещей* (*новщина, самосезъ*) составляютъ второй видъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдельныхъ лицъ.

Сила и *надворе* означаютъ вообще насильное отнятіе, или *грабежь чуждого имущества*. Обозначая всякаго рода насиліе, сила специально входитъ въ понятіе грабежа, произведеннаго *на дорожѣ* или въ другомъ мѣстѣ, изъ засады, или открытымъ нападеніемъ на чужое имущество («яко ли би тко кога разбиѣао али *дерао* на путу вола нильди, али му засео, небуѣи му кривъ»). Сила въ этомъ смыслѣ вполне соответствуетъ чешскому нарочу (*nárok, lauprez*. См. Ирѣчка Sl. рг. II. 257). Отъ силы, или грабежа дорожнаго (внѣ дома), отличается такъ называемое *надворе*, т. е. грабежь, произведенный посредствомъ находа или наѣзда на чужой дворъ или дошъ («нашад на куѣу»). Сила и надворе оплачиваются различными пенями. За грабежь внѣ дома полагается денежная пеня (100 либръ общины и столько же обиженному); напротивъ, надворе по старому закону наказывалось «крывью» (смертной казнью). Статутъ принялъ «полагли законъ», установивъ денежную пеню, какъ и за дорожный грабежь. Виновный обязанъ также возвратитъ хозяину все пограбленное имущество (59 — 60, 65, 70).

Новщина, позлобца и *самосезъ* означаютъ вообще вторженіе въ чужія права. Новщина можетъ быть противъ общины и частныхъ лицъ. Въ отношеніи къ имуществу, здѣсь можно разумѣть институтъ, сходный съ чешскимъ *hrdost* и *vyboj* —

насилное вторжение въ чужой добытокъ, соединенное съ растратой и порчей (hrđost) или грабежомъ (vuboј) чужаго имущества. Новщиной называется, напр., пастьба скота въ чужомъ лѣсу или на полѣ, вместе съ истребленіемъ лѣса и хлѣба. Самосегомъ и вообще позлобницей, новщиной, называется также насильственное пользование чужой племенщиной или другимъ имуществомъ, съ устраненіемъ отъ него законнаго его хозяина. За новщину по имуществу назначается денежная пеня — 25 либрь. (15, 32, 97, 99).

Послѣдній родъ преступленій противъ правъ имущественныхъ составляютъ: «сяча, попаша, щета и шкода» — истребленіе и порча чужихъ вещей.

Въ ученіи Статута объ истребленіи и порчѣ вещей стоитъ на первомъ планѣ уничтоженіе границъ и межъ (ки би границу «истукаѳо» туѳу отаѳнимъ начномъ, али границу «истлациѳо» през допушѳена правде, али паке толикоѳе ако би тко «сикаѳо» и чиниѳе границе нове отаѳно по своѳоѳ воли през допушѳена правде). Виновный въ такой «худобѣ» лишается руки и части своей племенщины, равной присвоенному имъ участку чужой земли (241).

Подъ «щетою и шкодою» разумѣется вообще порча и уничтоженіе чужихъ вещей. Полицкій Статутъ говоритъ въ особенности о шкодахъ, произведенныхъ скотомъ и другими домашними животными и птицами въ чужомъ огородѣ, виноградникѣ и на полѣ (собственно *полями*). Малая шкода отличается отъ большой, ночная — отъ дневной, какъ и шкода большаго животного отъ шкоды малаго (дробнаго). Малое животное, занятое на шкодѣ и попашѣ, дозволяется убить на мѣстѣ; за большое платится его хозяиномъ цѣна за каждую шкоду. Ночная щета оплачивается вдвое противъ обыкновенной. Что касается шкоды, учиненной человекомъ, то по Статуту виновный вообще долженъ сдѣлать за нее вознагражденіе — «да му плати и учини задовољно». Если шкода произведена случайно (нехоте), то она удовлетворяется по согласію сторонъ (има му бити разумакъ); за шкоду, учиненную съ умысломъ, «хоте али захвалив се», виновный несетъ большую пеню, «има тежу покору поднести» (85 — 90, 106 — 107, 182 — 185, 216).

С. Система наказаній Полпцкаго Статута представляетъ замѣчательную смѣсь институтовъ различныхъ порядковъ и временъ. Удерживая кровную месть, имѣвшую мѣсто главнымъ образомъ въ дѣлахъ между изванскими и полицанами, Статутъ допускаетъ бандъ или «покору» (159, 182, 188), въ двойной формѣ: денежныхъ выкуповъ (*вражда* и *осудь*) и наказаній публичныхъ (*глава*, *сича* и др.) въ строгомъ смыслѣ этого слова. Композиціи исключали собой публичныя наказанія и на оборотъ: кто подвергался смертной казни или членовредительному наказанію, тотъ не платилъ ни осуди, ни вражды. Послѣднія имѣли значеніе денежныхъ «выкуповъ». Статутъ иногда выражается такимъ образомъ: «тко ли би кметиѳ опсовао свога господина, дужанъ е да му се езикъ уриже али «се искупп» либаръ .р.» (68); 110 или: «тере се ови одстао и правъ се нашао, тада му се има они «искупити пуномъ вражомъ» (159). Всѣ сколько нибудь важныя преступленія преслѣдуются, по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ законодательствъ, самыми строгими наказаніями — смертной казнью, членовредительными наказаніями или огромными денежными выкупами, — начало устраниенія уже многиѳ издѣлао

Полицейскому Статуту. Назначение наказаний иногда мотивируется такимъ образомъ: «а томъ затори, нека се вяткорь жеучини такове худобе и нечистоће чинити» (чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати, какъ выражается наше Уложение XVII вѣка). — О мести мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о наказаніяхъ публичныхъ и денежныхъ пеняхъ.

а) *Публичные наказанія* касаются лица и имущества преступника. Сюда относятся слѣдующія наказанія:

1) *Смертная казнь* (глава). Преступникъ, осужденный на казнь, «дужанъ главомъ или обашеньемъ», — «има га обисити али разквартати, — преза свакога милосрђа али умоленна има бити сажганъ огнемъ». Сожженіе было тягчайшимъ видомъ смертной казни и назначалось за измѣну, вторичное изобличеніе въ волшебствѣ, за содомскій грѣхъ и удушеніе дѣтей. Четвертованіемъ преслѣдуются по преимуществу разбойники и лихіе люди. Обыкновенная казнь, въ видѣ повѣшенія, назначается за разрху, заставу, робство, убійство присныхъ братьевъ, изнасилованіе женщинъ и за болѣе тяжкіе виды татьбы — меусобщину, надворе и лупещину, совершенную изванскимъ вообще, а полицаниномъ въ другомъ селѣ (если цѣна полицаниго превышаетъ 100 либровъ). Обишенье грозитъ полицанину и въ другихъ случаяхъ, когда онъ пойманъ на мѣстѣ татьбы, а кметю, — за татьбу у своего господина (17, 18, 47, 56, 58, 91, 163, 165, 166, 168, 177, 178, 188, 217, 246).

2) *Лишеніе политическихъ правъ*. По законамъ позднѣйшаго времени, въ особенности XVII вѣка, нѣкоторыя преступленія, главнымъ образомъ измѣна, влекли за собой недопущеніе въ судьи и вѣчники, не только самаго преступника, но и лицъ, принадлежавшихъ къ его кућѣ (276 — 278, 282).

3) *Членосредительныя наказанія* (сеча). Статутъ упоминаетъ объ отсѣченіи руки (за поднятіе оружія для боя на оборѣ или предѣ вивземъ, за порчу межъ и за побой господина кметемъ) и урѣзанія языка (за ругательство господина кметемъ). Приставъ, оказавшійся кривымъ, лишался по старому закону трехъ ребръ, «чвъсиди три ребра» (63, 68, 126, 156, 241).

4) *Изгнаніе* (изречене, прогнане). Преступникъ, особенно уходившій въ другую землю, извергался общиной изъ своей среды. Измѣнникъ, убійца роднаго брата и всякій явный злодѣй (музувирь), по выраженію Статута, «да изрече вань, неима веће бити полицанимъ». Изгнанники такіе называются «ослуже, тко би прогванъ за свокъ узрокъ». (47, 129, 231).

5) *Грабежь*. Смертная казнь и другія личныя наказанія болышою частію соединялись съ конфискаціей имущества преступника въ пользу общины. Иногда подвергалось грабежу только движимое имущество, иногда и недвижимая. Грабежь имѣетъ также самостоятельное значеніе выдачи преступника на волю произвола общины (потокъ Правды: «пушћамо опћини, да ванъ руку ставе, — иде опћина ва кућу и да развали или ужеже му кућу» (17, 18, 166, 188, 247, 256).

6) *Проклятіе* (проклетство). Это наказаніе назначалось по церковнымъ дѣламъ

и состояло въ запрещеніи сообщества (опѣтити и живити) съ людьми, кромѣ своей собственной семьи. Лица, умершія въ проклятіи, лишались христіанскаго погребенія (27, 28).

б) *Денежныя пени* носятъ общее названіе *глобы* и *цѣны* (цѣна) и раздѣляются на два главные вида — *вражду* и *осудъ* (о глобѣ и цѣвѣ см. 55, 251, 257; о враждѣ — 14, 37, 38 и др.; объ осудѣ — 2, 9, 15 и пр.). Объ пени назначаются въ различномъ количествѣ и за различныя преступленія. Вражда соответствуетъ вирѣ Русской Правды и означаетъ по преимуществу пеню за убійство; осудъ равнозначительна съ русской продажей — пеней по другимъ преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ.

Подобно Правдѣ Ярославовой, допускающей однообразную виру (40 гривеничу) безъ различія по состоянію убитыхъ, Польскій Статутъ устанавливаетъ за убійство въ свадѣ однообразную «цѣну» въ 240 либровъ. Въ другихъ статьяхъ такая цѣна спеціально называется *мртва кровь* или *мртва вражда*. Кромѣ убійства въ свадѣ, мертвая вражда назначается за разбой и отсѣченіе или поврежденіе обѣихъ рукъ, ногъ или глазъ (38, 55, 65). Отъ мертвой вражды отличается *жива вражда или кровь* (120 либр.), которой оплачивалось увѣчье руки и другихъ главныхъ членовъ тѣла, также скубана между племичами (37, 62). Живая вражда, очевидно, соответствуетъ полувирию Правды, назначавшемуся также за увѣчье. Половина живой вражды платится за палець ручной или ножной (40). Наконецъ Статутомъ положено наказывать криваго пристава, вмѣсто членовредительнаго наказанія, полагавшагося по старому закону, платежемъ двойной мертвой вражды (127).

Осудъ платилась за остальные преступленія, не влекушія за собой публичныхъ наказаній. Она раздѣляется на слѣдующіе семь видовъ:

1) *Осудъ* въ 200 либровъ — за грабежъ, безъ убійства (65).

2) *Осудъ* въ 150 либровъ — за отсѣченіе и изувѣченіе носа и другихъ членовъ, если послѣдствіемъ будетъ обезображеніе лица, «огрубленіе образа, грубота и рана» (44, 45).

3) *Осудъ* въ 100 либровъ — за отсѣченіе ушей, если послѣдствіемъ будетъ глухота, — за бой на зборѣ или предѣ княземъ, — за побой, наносимые женщиной при находѣ на домъ, — за псость господина со стороны его кмета и за надворе (46, 66, 68, 70, 155).

4) *Осудъ* въ 50 либровъ — за обыкновенныя раны на лицѣ или рукъ, за поврежденіе зуба или ушей (безъ глухоты), за побой женщины и за поднятіе руки или палки для боя на зборѣ и предѣ княземъ (36, 43, 46, 66, 155).

5) *Осудъ* въ 25 либровъ (такъ назыв. *слонъ осудъ*) — за раны въ мѣстахъ, покрытыхъ одеждой, за сваду, затачь, изнасилованіе блудницъ и за всякую новшину въ чужомъ имуществѣ (15, 33, 34, 36, 68, 176). Такая же пеня платится за несповиновеніе вѣчевымъ приговорамъ (94).

6) *Осудъ* въ 10 либровъ (*осудъ езични*) — за псость на зборѣ (68, 154).

7) *Осудъ* въ 5 либровъ — за маловажныя побои, раны и царапины, за псость, также за незаконную продажу съѣстныхъ припасовъ (35, 68, 212).

Исчисленные пени уплачивались самимъ преступникомъ. *Дикая вира*, вполне известная Статуту, имѣла мѣсто главнымъ образомъ при платежѣ вражды, именно въ такихъ случаяхъ, когда самъ преступникъ скрывался или инымъ образомъ уклонился отъ наказанія. Община платитъ виру по преступлениямъ, обложеннымъ не только враждой, но и смертной казнью (напр. по разбою и меусобищамъ). Платежъ дикой виры не снималъ ответственности съ преступника: пойманный послѣ платежа виры, онъ подвергался заслуженному наказанію (9, 14, 56 — 58, 65, 68).

Вражда и осудъ слѣдовали пополамъ оправданной стороной и общинѣ или судьямъ. Подъ общиной иногда разумѣется вся Полица, иногда же отдѣльное село. Нѣкоторыя пени, напр. съ сельскаго лупежа, производившаго кражу въ огородѣ, виноградникѣ или на нивѣ, дѣлились между селомъ, господой и обиженнымъ. Въ части, слѣдовавшей князю, имѣлъ опредѣленную долю ($\frac{1}{4}$ часть) общинный приставъ (9, 127, 151, 200, 257). Въ 153-й статьѣ, опредѣляющей общій порядокъ раздѣла всѣхъ пеней, вообще говорится, что одна половинна осуди платится оправданной стороной, другая — судьямъ, т. е. князю съ (заключенными) судцами, если дѣло судилось предъ ними, — судцамъ-ротникамъ, общинѣ (если судъ производился предъ зборомъ) и т. д.

IV. *Процессъ*. Полицкій Статутъ положительно противопоставляетъ частной (въисудебной) расправѣ *правду и оправу*, которую «питаю, уставляю и разгледаю» судья по законамъ полицкиимъ (6, 15, 16, 32, 143, 195 и пр.). Кромѣ немногихъ случаевъ, указанныхъ нами выше, частная месть и расправа считалась кривдой, не допускаемой закономъ. Никто не могъ «самъ себѣ правде чинити». Статутъ отсылаетъ обиженного къ суду: «пойди къ правди» Статута тождественно съ положеніемъ Душанова Законника — «да ище правдомъ по закону» (Зак. Душ. 127, 128). — Въ основѣ статутныхъ постановленій по судопроизводству лежатъ несомнѣнно старыя народныя обычаи и порядки. Подобно всѣмъ старославянскимъ законодательствамъ, Статутъ не устанавливаетъ большаго различія между процессомъ гражданскимъ и уголовнымъ, одинаково построеннымъ на *обвинительныхъ началахъ*. Процессъ Статута, какъ и Винодольскихъ Законовъ, отличается замѣчательной простотой и несложностью формъ. Нѣкоторыя особенности старославянскаго процесса, напр. ордалин, сводъ и слѣдъ, неизвѣстны Полицкому Статуту. Ничто не мѣшаетъ впрочемъ допустить, что эти учрежденія, встрѣчавшіяся въ старое время у южныхъ Славянъ (Законникъ Душановъ говоритъ напр. объ испытаніи водою и желѣзомъ, также о сводѣ, какъ объ изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ), были когда-то въ обычаяхъ и у Поличанъ; быть можетъ, ихъ касался древнѣйшій, не дошедшій до насъ Статутъ. Въ Статутѣ XV вѣка сгладились старыя рѣзкія особенности процесса по отдѣльнымъ дѣламъ; напр., мѣсто ордалий заступила рота съ очистниками — учрежденіе, получившее въ Статутѣ самое широкое развитіе, безъ ограниченій, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ, Законникѣ или Винодольскихъ Законахъ. — Мы разсмотримъ главнѣйшія постановленія Полицкаго Статута, относящіяся къ судопроизводству, скажемъ о сторонахъ, предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, доказательствахъ и постановленіи судебныхъ приговоровъ. Бездѣлныя встрѣтимъ множество положеній, въ одинаковой мѣрѣ развитыхъ другими

славянскими законодательствами, — постановлений, несомненно коренящихся въ общеславянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

а) *Стороны*. Статутъ даетъ табушимся общее названіе «страгъ» (125, 133, 144 и пр.). Истцомъ считается тотъ, «ки позива или ире, — ки добива правду, — кому е криво» (6, 7, 16, 132); отвѣтчикъ — «ови, кога позиваю, ки одговара, ки е кривъ, узречен», — вообще «криваць» (7, 15, 24, 158). Каждая сторона, въ отношеніи къ другой, называется «супроа» (протавникъ), «супарижъ» (113) — *szpierz, sūper, супоръ* и *сутяжца* другихъ славянскихъ памятниковъ. Подобнымъ образомъ старосербское право говоритъ вообще о парцахъ и странѣ, въ частности объ истцѣ — «ки се пре или зове на соудъ», объ отвѣтчикѣ — «кон е позива или сыгръшино»; *истаць* означаетъ иногда отвѣтника, а иногда и истца (Николичъ Спом. 13, 129. Пучича Спом. 79. Mikl. Mon. 29, 411). По старочешскому и польскому праву *róvod* и *strona powodowa* — истецъ, какъ *rohnaný* (*otproviedac*) и *strona winna* — отвѣтчикъ (Arch. I. 450. 460).

По вопросу о допущеніи отдѣльныхъ лицъ на судъ въ качествѣ истца и отвѣтника, Статутъ выставляетъ слѣдующее основное правило: «правда се свакому има *еднако* дилати» (120), т. е. другими словами, предъ судомъ всѣ равны, — право судебной защиты одинаково для всѣхъ. Каждый племячъ, кметъ и лица другихъ состояній могутъ отыскивать свои права общимъ судебнымъ порядкомъ: «да га они могу позвати и прити прид кнезом, али прид суци, али прид сборомъ» (8). Все различіе людей зависящихъ отъ племячыхъ и редовниковъ заключалось въ томъ, что они, въ значеніи отвѣтниковъ, подлежали прежде всего суду господскому, отъ котораго могли за тѣмъ обратиться къ правдѣ жупской (см. ниже, объ апелляціи).

Статутъ говоритъ о судебномъ положеніи сиротъ, также отдѣльныхъ семей (семей, задругъ и общинъ), рѣшительно въ духѣ всѣхъ славянскихъ законодательствъ.

Сироты, находящіяся въ «сиротинствѣ», только съ совершеннолѣтія (18 лѣтъ) вступаютъ въ общее положеніе по вопросу о судебной защитѣ. До того времени сиротъ «ниткоръ неморе с правдом поприти га али здвигнути нанъ нове парбе, кога би сиротинство затекло»; имъ предоставляется на волю — дать ходъ дѣлу, или отложить его до своего совершеннолѣтія (200). Почти буквально сходное правило развило чешское право. По закону Вацлава 1395 г., до возраста сиротъ никто не можетъ «vdavati» (Archiv. I. 58). Нѣсколько иначе говорится о томъ же предметѣ въ Душановомъ Законникѣ: «сирота, коя нѣсть яка прѣти или отпирати, да дае прѣца (уполномоченнаго), кои кѣ отпирати за ню» (62).

Задруга призывается Статутомъ на судъ, какъ юридическое лицо, владѣющее племячничной, и какъ союзъ, несущій судебную отвѣтственность за своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ господарь считается представителемъ цѣлаго союза, обязаннымъ являться на судъ по всякому позву, обращенному къ задругѣ (137). У Сербовъ время Душана на судъ являлся господарь дома или одинъ изъ братьевъ; позвы подавались обыкновенно на ния «старіега брата» (Душ. Зак. 56).

Интересныя указанія на судебное положеніе чешскихъ задругъ даютъ старыя чешскіе сборники, въ особенности Zrizeni zemske 1500 г. Книга stareho pana z Rozcibberka говоритъ: если будетъ много истцовъ «z jednoho chleba», то они разсматриваются «jakoby jeden rövod» (Archiv. I. 452). Въ качествѣ истца и отвѣтчика можетъ, по Zrizeni, являться отецъ съ дѣтьми; rodove, prateli и spolecnici посылаютъ отъ себя на судъ своихъ старшинъ, — зргавса (rector) имѣетъ въ этомъ случаѣ значеніе простаго уполномоченнаго со стороны своей задруги (Zrizeni. §§. 61 — 63, 66).

Полицій Статутъ иногда призываетъ на судъ территориальную *общину*. Село и жупа выступаютъ обвинителями противъ татей и лихихъ людей: «кога нађе село али жупа, да га придаду господи» (256, 257). Въ силу круговой поруки, община могла являться также отвѣтчикомъ по дѣламъ своихъ провинившихся членовъ, — могла вмѣстѣ съ тѣмъ защищать на судѣ свои собственные права и интересы (по землевладѣнію и пр.). Такіе же порядки равно извѣстны сербскому, чешскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Законникъ Душановъ говоритъ о селахъ и околинахъ, несущихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебную отвѣтственность за отдѣльныхъ лицъ; общины являются также истцами и отвѣтчиками во взаимныхъ спорахъ «мею собомъ» (52, 68 и пр.). На такихъ же основаніяхъ старочешское право иногда призываетъ на судъ «mesta a obce» (Zriz. §§ 70, 71, 161, 162).

Стороны могутъ лично являться въ судъ, но могутъ и посылать вмѣсто себя уполномоченныхъ, подъ названіемъ *прокаратуровъ*, соответствующихъ сербскимъ и дубровническимъ парцамаъ, внодольскимъ одговорникамъ (одвѣтникамъ) или чешскимъ поручникамъ и речникамъ (рогусникъ, гесникъ). Полицій Статутъ допускаетъ уполномоченныхъ по судебнымъ дѣламъ, въ особенности въ случаѣ болѣзни истца или отвѣтчика, или когда тяжущійся, явившись на судъ, покажетъ — «не умни сам говорити» (7 — 9, 15, 118).

б) *Предварительныя судебныя дѣйствія*. Въ Полиціомъ Статутѣ, подобно всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, дѣлается строгое различіе между двумя главными актами вчинанія процесса: поимкой преступника при лицѣ, на мѣстѣ преступленія, и тужбой — простымъ обвиненіемъ, безъ поимки подсудимаго при лицѣ.

Полицій Статутъ даетъ огромное процессуальное значеніе факту поимки преступника при лицѣ. Наказывая лицованнаго преступника безъ особеннаго изслѣдованія дѣла, Статутъ принимаетъ въ этомъ случаѣ за основаніе одно изъ главныхъ положеній славянскаго процесса — признаніе поимки при лицѣ полнымъ доказательствомъ вины преступника. Положеніе такое особенно ярко выступаетъ въ Статутѣ: запрещая самосудъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, онъ считаетъ его дозволеннымъ, когда преступника «стигао и ухитио лицемъ». Судя относятся слѣдующія статьи:

«Ако ли е чловикъ, ки има господара, оному е правда, да нема човикъ сам себе плавати и одвазети, нею само ако би стигао и ухитио лицемъ, иди лулежъ невово води или носи, волањ би свое вазети». «Ако ли би се крео отац,

гди годи га господарь *стима*, волянъ му е све вазети и нега свезати како неврна»
«Ере ли свакоѣако ако би се лупежъ *улитио у крви*, има се обисити»¹⁾).

Частная расправа допускается, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ людямъ зависимымъ, пойманымъ при лицѣ. Лицованный преступникъ изъ племячей немедленно отводился предъ судей, которые безъ особеннаго изслѣдованія дѣла и при-суждали виновнаго къ наказанію. Статутъ не говоритъ, чтобъ при этомъ необходимо была предварительная оповѣдь лица сосѣдямъ (кличъ Винодольскихъ Законовъ). «Оповиданье» имѣеть мѣсто только при открытіи какой либо шкоды со стороны животныхъ (87 — 90). Поимка при лицѣ вообще имѣеть одинаковое значеніе во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ, — считалась «обличеніемъ» виновнаго; судебный приговоръ опирался на показанія истца, прѣдъявлявшаго преступника съ подличнымъ сосѣдямъ или просто однимъ судьямъ (Ирѣчка Sl. pr. I. 183 — 185).

Если преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, то процессъ установлялся путемъ *парны* или *тужбы*. Оба термина иногда обозначаютъ не больше, какъ синонимы, применяются къ гражданскимъ искамъ и уголовнымъ обвиненіямъ; иногда же подъ парной разумѣется одинъ искъ или тужба по гражданскимъ дѣламъ, какъ и подъ тужбой — собственно обвиненіе въ уголовномъ преступленіи лица, не пойманнаго при лицѣ (6, 8, 10, 15, 16, 69 и пр.). Въ послѣднемъ смыслѣ тужба Полицкаго Статута равнозначительна съ тужбой Душанова Законника и Винодольскихъ Законовъ, съ нарокомъ или соченьемъ чешскаго права и поклепомъ Правды. Значеніе тужбы имѣеть, по Полицкому Статуту, также *узречело* и *узрокъ* (158, 159). Для дѣйствительности тужбы требуется, чтобъ она была «права». Кто «неправо тужно, узрекао (порекано), озлогласно, или зло урекао», и не докажетъ (не достигаетъ) поклепа, тотъ по общему правилу подлежитъ тому же наказанію, какое грозило обвиненному при дѣйствительности поклепа. Если въ данномъ случаѣ послѣдній подлежалъ смертной казни, то ложный обвинитель долженъ былъ отъ нее выкупиться (се искупити) уплатой полной вражды (69, 126, 127, 159). — Есть еще нѣсколько общихъ положеній, ближе опредѣляющихъ сущность парны и тужбы. Таковы положенія: разъ начатой искъ слѣдуетъ довести до конца (достигнути); до истеченія одного дѣла (докле се онои прва правда неврши) нельзя поднимать новаго иска: «да вне подобно, да правда узореть гре, али да една парна другу смета». Статутъ дозволяетъ вчинать тужбу (уголовное обвиненіе) въ теченіи гражданскаго иска, если одна сторона въ это время совершила какое либо насиліе надъ другой (32). Наконецъ Статутъ положительно запрещаетъ «прити» по всякимъ дѣламъ по истеченіи земской давности, какъ и возобновлять парну, когда

¹⁾ Если воръ есть человекъ, имѣющій господина, то онъ подлежитъ суду, — никто не можетъ самъ собою требовать удовлетворенія и наказывать. Исключеніе представляетъ тотъ случай, когда (воръ) достигнуть и пойманъ при лицѣ, когда онъ ведетъ или несетъ (воровскую вещь); тогда (обиженный) можетъ взять свое. — Если бы это крадъ тамъ, гдѣ настать его хозяинъ, то (хозяинъ) можетъ взять у него все и связать его, какъ неврнаго (вмѣнника). — Во всякомъ случаѣ, если воръ пойманъ на крадѣ, онъ подлежитъ новѣнствію (58, 162, 190).

она пришла уже въ полное забвеніе, — «ако би се прва парна од толико давна времена како у непому запустила» (32, 114).

Изъ предварительныхъ судебныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ формальному суду, Полицкій Статутъ упоминаетъ объ оповѣди, осмотрѣ и позвѣ, опредѣляя сущность ихъ рѣшительно въ духѣ славянскаго права.

1) *Оповѣдь* равнозначительна съ винодольскимъ указаніемъ, чешскимъ *opovedání* (opovidání) и párok, заповѣдью и закличемъ древняго русскаго права, повелѣнемъ польскимъ и литовскимъ. Статутъ упоминаетъ объ оповѣди только въ статьяхъ о порчѣ чужихъ вещей, напр. о попаншѣ, щетѣ и пр. Но нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла мѣсто въ процессѣ и по другимъ дѣламъ, въ особенности уголовнымъ. У всѣхъ Славянъ изстари было въ обычаѣ — въ случаѣ какой либо шкоды и преступленія немедленно заявлять о томъ общинѣ, звать сосѣдей на мѣсто шкоды, для предъявленія, имъ объ учиненномъ преступленіи. Показанія сосѣдей принимались послѣ въ число главныхъ судебныхъ доказательствъ, на которыхъ опирался истцовъ поклепъ. Тотъ же обычай записанъ и Полицкимъ Статутомъ. Господарь поля или огорода, замѣтивъ у себя шкodu, долженъ былъ «оповѣдити га придѣ *свидочболъ*», или — «*иним* (т. е. стороннимъ людямъ, сосѣдамъ) усвидочити», и за тѣмъ искать удовлетворенія за шкodu (87 — 90, 110, 161). Свидочба и нимъ, очевидно, соответствуютъ чешской *осадѣ* и литовской *копѣ* — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (стороннихъ) людей, созданныхъ обиженнымъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и убыткахъ (Ирѣчка I. 182. II. 22).

2) *Разгледь* — другой процессуальный актъ, слѣдовавшій за оповѣдью. Сущность его одна и таже съ чешскимъ *ohlédání* или *opatrení* (Ирѣч. II. 233). Разгледь означаетъ судебный осмотръ, составлявшій существенную часть, въ особенности уголовного процесса, до наступленія окончательнаго разбирательства дѣла со стороны судей. Для осмотра истецъ испрашивалъ у судьи пристава, который и отправлялся на мѣсто съ тяжущимися и добрыми людьми (*осадою* чешскаго права). Разгледь полагалась при нѣущественныхъ шкодахъ, особенно при тужбѣ объ увѣчьяхъ, ранахъ и пр. Главная роль на разгледѣ принадлежала истцу, указывавшему — «из чеса га пре», и добрымъ людямъ, производившимъ на разгледѣ въ особенности оцѣнку шкоды и убытковъ. При осмотрѣ ранъ добрые люди, въ качествѣ цѣлителей (оцѣнщиковъ) и свидоковъ, должны были «процянити» (промыслити, видѣти, разгледати, сагнути и примирити) раны по закону и обычаю, какъ и по своему усмотрѣнію и совѣсти (ничъ по закону и обичаю, ничъ по домысли и кушенции). Добрые люди опредѣляютъ: зачь е тоя учиясно и по чемъ, гди е и у комъ мисту», — «ка е рала од кое жеща (жесточе), али лућа (люгѣ), али од смрти сумвенна (смертельна), али од кое се приме веће болести и тешкоће и траћена, вола ликарије али шкоде, али паке гди се згоди, да се виде кости, али плућа (легкія), али мождани (мозгъ), али ние ствари од живота, — тон се све има сагнути и примирити» (36, 39, 40, 42, 61, 64). Подобнымъ образомъ, при тужбѣ въ нацаслованинѣ, слѣдуетъ предварительно «разабрати» — какъ учинено преступленіе, «по кон начинъ» и при какихъ обстоятельствахъ, — кто преступникъ и обиженная, какого «врсте, гласа и работѣ» (218). При попаншѣ и другой щетѣ должно также «стимати»

(оцѣнять) убытки (108). Добрые люди, въ присутствіи пристава, производятъ по совѣсти оцѣнку (процѣне и стѣпью) отчуждаемой племенщиной, опредѣляютъ дѣйствительную ея цѣнность (80, 123). Показанія на судѣ пристава, присутствовавшего при осмотрѣ, уравниваются съ письменными доказательствами (124).

3) *Позовъ* состоялъ въ формальномъ вызовѣ отвѣтчика къ суду. Въ старое время вызовъ у всѣхъ Славянъ былъ частнымъ дѣломъ истца. Онъ самъ заботился о привлеченіи отвѣтчика къ суду, съ правомъ при его сопротивленіи налагать на него руку. Такой порядокъ извѣстенъ былъ у старыхъ Чеховъ; его слѣды находимъ въ Русской Правдѣ и древнихъ литовскихъ памятникахъ. Частный характеръ позова не совсѣмъ также утратился въ Полицкомъ Статутѣ. Въ немъ позовъ производится самымъ истцомъ; приставъ присутствуетъ при этомъ какъ бы для того, чтобы придать больше силы и дѣйствительности позову истца. Впрочемъ, присутствіе пристава считалось необходимымъ только при строго формальныхъ позовахъ (законныхъ), имѣвшихъ мѣсто по болѣе важнымъ дѣламъ. — Статутъ излагаетъ очень подробныя постановленія о порядкѣ позововъ, о срокахъ судебныхъ явокъ по позовамъ, о законныхъ причинахъ неявки и о самыхъ послѣдствіяхъ неявки истца или отвѣтчика. Ученіе о позовѣ заключается статьями о причинахъ отсрочки формальнаго суда.

Статутъ различаетъ позовъ *простой* и *законный* (позовъ по закону и обычаю). Первый имѣлъ мѣсто по маловажнымъ дѣламъ, когда мѣсто и время суда опредѣлялось самими сторонами (116). Въ искахъ по племенщинамъ и другимъ важнымъ дѣламъ позовы обыкновенно производились по *закону и обычаю*, т. е. предъ извѣстными судьями, по установленнымъ въ законѣ срокамъ и съ соблюденіемъ другихъ формальностей (32, 123 и пр.).

Въ большинствѣ случаевъ предоставлялось самому истцу вызывать отвѣтчика предъ тѣхъ или иныхъ судей, приглашать его на тотъ или иной *оброкъ*, — предъ ротниковъ, князя или на зборѣ: судъ на зборѣ и назывался *третьимъ оброкомъ* (7). Только въ двухъ случаяхъ самъ Статутъ точно предѣляетъ оброки позововъ: въ искахъ по племенщинамъ всегда слѣдовало вызывать отвѣтчика на судъ предъ княземъ, во время его путей (115), какъ и кметъ, имѣвшіе своихъ господъ, всегда возмещались на судъ владѣльческой (16).

При позовѣ по закону, истецъ испрашивалъ у судей пристава и отправлялся съ нимъ къ отвѣтчику для объявленія ему судебного позова. Позовъ могъ имѣть мѣсто на дому отвѣтчика, какъ и при князѣ или на зборѣ, гдѣ истецъ находилъ своего отвѣтчика. Въ последнемъ случаѣ истецъ могъ и безъ пристава объявить свой позовъ и тутъ же просить у князя или збора немедленнаго суда (134). Если позовъ нужно было объявить на дому, то истецъ предварительно обращался къ судьямъ съ просьбой: «дайте ми пристава». Судьи отряжали пристава ротнаго или простаго; если дѣло подлежало суду нѣсколькихъ судей, то истецъ бралъ пристава отъ каждаго судьи (135, 136). Въ искахъ по долгамъ дозволялось предварительно посылать пристава къ отвѣтчику, съ простымъ напоминаніемъ ему о долгѣ; если отвѣтчикъ тутъ же не платилъ его, то послѣ устанавливался формальный позовъ (136). Не видно, чтобы позовы совершались въ присутствіи стороннихъ людей, какъ это требовалось по старочешскому и литовскому праву.

Порядокъ объявленія позова былъ слѣдующій. Явившись съ приставомъ къ отвѣтчику, истецъ объявлялъ ему позовъ, говоря: «позываю те на тая оброкъ, именовавши, да ми имашь одговорити на оно, ча буду на те говорити». Отвѣтчикъ долженъ былъ «одговорити» на позовъ, или же могъ сказать: «позываю мене по закону», т. е. могъ потребовать назначенія законнаго срока для явки въ судъ (116). Если отвѣтчикъ былъ въ отсутствіи, то позовъ объявлялся остальнымъ членамъ куліи. Позовъ долженъ быть заявленъ своевременно, чтобъ позванный могъ «приспяти на правду» (137).

Вмѣстѣ съ объявленіемъ позова, истецъ назначалъ *рокъ* (срокъ) явки на судъ. Позывать по закону дозволялось «три кратъ», не больше трехъ оброковъ (6, 116). Третій срокъ назывался *отворни*; на него стороны непременно должны были явиться, подъ угрозой потери «правды» (7). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Статутъ точно опредѣляетъ время судебной явки. Звать предъ судей-ротниковъ можно было за три дня до начала каждаго мѣсяца; для апелляціонныхъ позововъ назначался мѣсяць со времени объявленія аппелляціи (13, 19).

Обеспеченіемъ явки отвѣтчика на судъ въ назначенный срокъ служила *зарука* (изступъ) сторонняго лица, ручавшагося за другаго въ своевременной явкѣ его въ срокъ. Поручка давалась въ присутствіи пристава (112, 113, 129). Полиціе заручники вполнѣ соответствуютъ емцамъ Русской Правды и старыхъ сербскихъ памятниковъ (Зак. Душ. 75. Пуцича Спом, I. 99. 100. 101. II. 112).

Истецъ, назначившій срокъ судебной явки, самъ долженъ былъ непременно явиться на мѣсто суда и ждать (устои) здѣсь отвѣтчика; въ противномъ случаѣ позовъ считался недействительнымъ. По другой статьѣ, сторона, прибывшая на мѣсто, должна «чекати до мрака (ждать до сумерокъ) и наложити огань и звати другу страну» (6, 148). Отвѣтчикъ, за каждую неявку безъ законныхъ причинъ, подлежитъ штрафу; послѣ самовольной неявки на третій позовъ, онъ «губи правду», — дѣло рѣшалось по доказательствамъ одного истца (6, 11, 19, 138). Къ законнымъ причинамъ неявки на судъ Статутъ относитъ: неможность, собственно болѣзнь при смерти (въ обыкновенныхъ случаяхъ отвѣтчикъ могъ вмѣсто себя послать прокаратура), также нахождение въ далекомъ пути, когда отвѣтчикъ не могъ во время явиться на позовъ. Статутъ допускаетъ, кромѣ того, другіе «подобни узроки» неявки сторонъ на судъ (127, 138, 148).

Результатомъ позова была явка сторонъ къ суду. Отвѣтчикъ могъ немедленно «одговорити» на заявленіе истца о предметѣ суда (из часа га пре), но могъ и просить *отсрочки* формальнаго разбирательства дѣла. Къ причинамъ, по которымъ дозволяется отсрочивать судъ, относятся: 1) присканіе отвѣтчикомъ прокаратура; если онъ не найдется къ назначенному сроку, то запрещалось отлагать судъ на другой срокъ, — вести дѣло долженъ былъ самъ отвѣтчикъ; 2) необходимость собрать доказательства, не бывшія въ рукахъ отвѣтчика при первой явкѣ въ судъ; 3) вообще «нзавитъ, ѡли или хитрость» — какое либо незаконное дѣйствіе противника, приостанавливавшее немедленное открытіе суда. Судьямъ дозволяетъ Статутъ отсрочивать судъ и въ другихъ случаяхъ (7, 117, 119, 120, 147).

с) *Судебныя доказательства*. Судебный приговоръ долженъ основываться на

тѣхъ *правъ* (доказательствахъ), которыя представляютъ сами стороны. Доказательства могутъ имѣть полную силу, могутъ считаться «врядни, веровани, боли или подобни»; представивъ такія доказательства, тяжущійся «добывалъ себѣ правду». Сторона, которая не будетъ «справна и купна с правми своими», теряетъ правду. Великиѣ правомъ считались письменные акты и показанія свидѣтелей — очевидцевъ и поротниковъ; улики считались малымъ правомъ, требовали еще подтвержденія другими доказательствами (119, 144 — 147, 230 и пр.). Статутъ говорить о слѣдующихъ родахъ судебныхъ доказательствъ: о письменныхъ актахъ, свидочбѣ, ротѣ, лицѣ и простыхъ уликахъ.

1) *Письменные акты (правъ письмени)*. Мы уже сказали выше объ отдѣльныхъ родахъ актовъ. Здѣсь сдѣлаемъ замѣчаніе только о процессуальномъ значеніи листовъ, писемъ и другихъ актовъ и записей. Акты считаются въ Статутѣ полнымъ доказательствомъ, причисляются къ числу «врядныхъ и верованихъ правъ». Никто не въ правѣ представлять противъ листовъ другія доказательства, «неухиливъ прво и неразбивъ листа за кривою». На ряду съ законнымъ актомъ, всякое другое доказательство можетъ имѣть одну подкрѣпительную силу, или, какъ выражается Статутъ напр. о присягѣ, рота можетъ быть только «в полагъ листа, а не проти листу правому». Если тяжущіеся будутъ имѣть одинаковые акты, то ихъ нужно «видити и разгледати», — дѣло судей опредѣлять — какіе листы «боли и подобни и старити и с болни редом учинени и улизено ли по нихъ у држанье» (72, 83, 119, 124, 144, 145).

2) *Свидочба (свидочаство)*. Въ понятіе свидочбы входятъ показанія свидоковъ и поротниковъ.

Свидоки — простые свидѣтели — очевидцы, которые «видили очима» обстоятельства, требовавшія разбирательства на судѣ. Замѣчательно впрочемъ, что Статутъ далеко не съ такими подробностями говорить о свидѣтеляхъ, какъ это дѣлаютъ напр. Винодольскіе Законы. Объ обыкновенныхъ свидѣтеляхъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. о частныхъ сторонникахъ истца или отвѣтчика, въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни слова. Свидоками, дающими свидочбу или свидочаство, въ немъ называются только *добрыя люди*, сосѣди, которымъ дѣлалась оповѣдь о преступленіяхъ и шкодахъ и которые также призывались для разгледити и цѣнки ошкоды, ракъ и пр. Въ значеніи такихъ же свидоковъ являются въ Статутѣ и приставы: предъ судьями они производили свидочаство, по приглашенію сторонъ давали показанія по каждому дѣлу въ значеніи тѣхъ же добрыхъ людей и свидѣтелей (8, 39, 61, 110, 123, 124, 144, 161, 230). Такимъ образомъ, Полицкій Статутъ вполне удерживаетъ воззрѣніе на свидѣтелей, какъ на судебныхъ органовъ, — воззрѣніе, вообще лежавшее въ основѣ ученія славянскаго права о свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ болъшей или меньшей степени развитое во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ.

Гораздо подробнѣе говорится о другомъ родѣ свидѣтелей, называвшихся *поротниками* (иногда *поротоу, поротемъ, люди и човики*) и соотвѣтствовавшихъ чешскимъ помочникамъ и очистникамъ (10, 11, 22, 146 и пр.). Существенное отличіе поротниковъ отъ свидоковъ состояло въ томъ, что они не были очевидцами,

не касались никаких обстоятельств судебного дела, но, подобно очистникам других законодательств, присягали вместе съ сторонами, подкрѣпляли ихъ присягу, утверждая этимъ справедливость тужбы истца или очищая своимъ словомъ невинность обвиненнаго. Частіебъ, — назначеніе поротниковъ полиціиныхъ состояло въ присяжныхъ показаніяхъ на судѣ по вопросу о личности сторонъ: подобно чешскимъ очистникамъ, утверждавшимъ «dobru aneb zlu povestъ» сторонъ, поротники могли показать противъ подсудимаго, «да вне *честанъ* ни *вистанъ*» (158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ истца.

Ученіе Статута о поротникахъ не представляетъ такихъ ограниченій, какія установлены напр. Русской Правдой и Винодольскими Законами. По всему видно, что Статутъ излагаетъ ученіе о поротникахъ въ томъ первычномъ его видѣ и тѣхъ формахъ, въ какихъ оно въ старое время развивалось въ правѣ всѣхъ Славянъ. Поротники допускаются по всѣмъ возможнымъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ — по крови, татѣбѣ, личнымъ обидамъ, по спорамъ и тяжбамъ изъ-за племенщины и движимыхъ вещей, по долгамъ и всякимъ другимъ стварямъ (10, 11, 22, 150). Поротники не имѣютъ мѣста — по уголовнымъ дѣламъ, когда преступникъ пойманъ при лицѣ, а по дѣламъ гражданскимъ, когда представлены положительными доказательствами, въ особенности листы, не признанные «кривыми». При неавѣтѣ отвѣтчика на позовъ, истецъ вообще не имѣлъ надобности представлять другихъ доказательствъ, кромѣ однихъ поротниковъ (10, 144).

Въ качествѣ поротниковъ могутъ быть призваны на судѣ *луди*, *човики* — стороннія лица, тѣже добрые люди, которые, какъ выражается точнѣе Статутъ, «ниѣ од его (истца или отвѣтчика) кули али приватеѣлъ» (11), не находятся въ близкихъ или пріятельскихъ связяхъ съ сторонами. Такое же положеніе вполнѣ извѣстно чешскому праву: *Zřizení* допускаетъ въ очистники тоже только лицъ, не жившихъ съ сторонами въ одной семьѣ и задругѣ и не бывшихъ у нихъ въ числѣ служебниковъ (*Zřiz.* §§ 36 и 279). Съ другой стороны, поротниками, какъ и добрыми людьми, могли быть въ Полицѣ только действительные члены общины; на этомъ основаніи Статутъ положительно запрещаетъ, въ дѣлахъ между полиціанами, призывать поротниковъ изъ изванскихъ (22).

Число поротниковъ было различно, соразмѣрялось съ важностью дѣлъ, по которымъ они призывались въ судѣ. По убійству или кражѣ домашней (изподъ прага) рота производилась самъ — 12-ть; по полевой татѣбѣ призывалась порота «самшестъ». По маловажнымъ дѣламъ считались достаточными три и даже одинъ поротникъ (4, 146).

Лица, призванными поротниками, собирались вместе съ сторонами на «парномъ мѣсту», назначенномъ для пороты. Здѣсь, какъ говорятъ Статутъ, «една страна води поротнике, а друга носи моѣи с пристави и заклетвомъ», или по другой статьѣ — «ови, ки носи моѣи, има ихъ дати приставу, ки заклина» (147, 149). Майковъ видитъ здѣсь тотъ случай пороты, когда поротниковъ представляетъ только одна сторона, а другая приноситъ съ собой свои «моѣи», т. е. документы, подлинность которыхъ подтверждается клятвенно приставомъ (Судъ присяжн., стр. 54). Толкованіе Майкова намъ кажется рѣшительно произвольнымъ. Действительно,

въ приведенныхъ статьяхъ говорится о поротникахъ, «водимыхъ» одной стороною; но моѣи и заклетву нельзя объяснить такъ, какъ объясняетъ Майковъ. У него дѣло представляется какъ-то странно: одна сторона приносила документы, а другая приводила поротниковъ, — для судей, значить, предстоялъ выборъ — признать ли правой сторону съ документами, или сторону съ поротниками. Ничего подобнаго не могло быть въ дѣйствительности. Мы видѣли, въ какія отношенія ставить Статутъ «письмени прави» къ другимъ доказательствамъ, въ особенности къ ротѣ (слѣдов. и къ поротникамъ): противъ актовъ никто не могъ выставлять пороту и вообще опровергать акты можно было только актами. Дѣло въ томъ, что Майковъ не понялъ смысла статутныхъ статей о поротникахъ. Статутъ развиваетъ въ нихъ одну изъ деталей института поротниковъ, показываетъ, въ какихъ формахъ и съ какими обрядами производилась порота. Моѣи, очевидно, не документы, выставлявшіеся одной стороною противъ поротниковъ другой. Порота вовсе не имѣла мѣста при документахъ противной стороны; значить, въ моѣяхъ нужно видѣть не документы, а нѣчто иное. Моѣи упоминаются, не только въ Полицкомъ Статутѣ, но и въ старыхъ сербскихъ грамотахъ. Въ одной грамотѣ 1400 г. говорится объ обычаѣ «ставить роту на моѣехъ». Сербскіе края имѣли привычку — при всякомъ пожалованіи иждивѣи частнымъ лицамъ испрашивать у мѣстныхъ жителей (осидниковъ) удостовѣреніе о принадлежности земель краю, — удостовѣреніе, такое и утверждалось ротою на моѣяхъ (Miklos. Mon. 248). Порядокъ исполненія такой роты и опредѣляется Полицкимъ Статутомъ въ приведенныхъ выше статьяхъ. Обрядъ пороты начинался тѣмъ, что стороны и поротники съ приставомъ являлись на мѣсто роты; здѣсь одна сторона «води» поротниковъ, другая «носи» моѣи. Когда наступало время роты, тогда моѣи, принесенныя сторонами, передавались приставу, который и заклиналъ поротниковъ, т. е. тѣхъ, кто становился на роту (присягу). Въ моѣяхъ, на которыхъ ставилась рота, очевидно нужно видѣть не больше, какъ одну изъ обрядовыхъ принадлежностей пороты, равнозначительной въ этомъ случаѣ съ стариннымъ русскимъ цѣлованьемъ (собственно крестоположеньемъ). Лучшее объясненіе полицкихъ моѣей можно находить въ книгѣ Винодольскихъ Законовъ и въ крестоположеньи Псковской судной грамоты. Винодольскіе поротники, какъ мы видѣли, давали клятвенныя показанія, въ присутствіи дворскаго челоуѣка (пристава Полицкаго Статута), касаясь рукой книги (евангелія). Въ Псковѣ также извѣстенъ былъ очень сходный обычай — крестное цѣлованье или крестоположенье: спорная вещь полагалась у креста, предъ которымъ ротившіеся и произносили свою клятву. Въ такомъ же смыслѣ мы объясняемъ и полицкую пороту съ моѣями. Въ моѣяхъ нужно видѣть книгу, крестъ, или, что еще вѣроятнѣе, мощи или иной священный предметъ, предъ которымъ присягали поротники.

Заклетва также не означаетъ клятвеннаго подтвержденія приставомъ подлинности документовъ, какъ думаетъ Майковъ. Значеніе заклетвы, какъ нельзя лучше, объясняется слѣдующимъ весьма интереснымъ мѣстомъ одной сербской грамоты 1325 г.: по случаю спора о принадлежности земли между игумномъ Аѳонской Горы и братьями Гардамилами, король порѣшилъ: «да поведу 12 старинникъ жуплянъ доверенныхъ челоуѣкъ, да се закльну страшнымъ заклетіемъ». И посла краlestвомѣи (говорить грамота) Градислава Воишика пристава и придоше старинници на меду (межу) и закле ихъ приставъ тако: «да нѣсте проклетѣи од Господа

Бога и пречистіе Матере Божіе и ваши долове и дѣтца ваша, како не кете криво, куде е медіа». И они се закеше страшнимъ заклетіемъ вси въедино и указаше медіу (Мацѣйов. Historia. VI. 407). Заклетва Полицкаго Статута означаетъ собственно форму присяги (роты), произносившейся поротниками. Ихъ заклиналъ предъ могами приставъ, какъ ясно говорятъ 147 и 149 статьи Статута. По заклетвѣ ротился, давалъ присягу *воика* (воѣка), т. е. сторона, которая «води» поротниковъ (вожакъ — тотъ, кто ведетъ пороту); за нимъ присягали и всѣ поротники. Дѣло рѣшалось, смотря по тому, какъ исполнена присяга, т. е. согласно ли съ заклетвой пристава, «ватакмили по заклетви у правъ», или нѣтъ (149).

Полицкій Статутъ записалъ еще другую, весьма оригинальную подробность, объясняющую юридическое значеніе поротниковъ. Въ только что рассмотрѣнныхъ статьяхъ трактуется о поротѣ одной стороны. Но Статутъ допускаетъ также *обоюдную пороту* тяжущихся, даетъ въ одно и тоже время истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться, т. е. очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклепа. Пороту одной стороны можно было «узврнути, вратити»; т. е. если напр. истецъ представилъ шесть поротниковъ и присягнулъ съ ними, то иногда дозволялось и отвѣтчику обратиться къ своимъ поротникамъ, своей поротой какъ бы возвращая пороту истца, дѣлая ее недѣйствительной. Статутъ не во всѣхъ случаяхъ допускаетъ обоюдную пороту. Возвращать роту вообще запрещается въ дѣлахъ по татѣбъ: «И неморе се из покреѣе рота узврнути. И лупежъ, ки би приа поротнике (представленныхъ истцомъ), ние законъ, да море узврнути роту ниткоре пзъ лупежине» (10, 160). Можетъ быть, обоюдная порота не допускалась также по убійству и другимъ болѣе тяжкимъ преступленіямъ; но объ этомъ нѣтъ нигдѣ ясныхъ указаній. Въ случаяхъ, когда допускалась обоюдная порота, она считалась дѣйствительной только тогда, когда давалась въ слѣдъ за поротой противника: «тко неврати роте на парном (првом) мѣсту, послѣ е неморе вратити по закону» (10). Кромѣ того, самымъ сторонамъ дозволялось отказаться отъ своего права обоюдной пороты, говоря одинъ другому: «возми себи роту или ю мени пусти» (145, 149). Во всѣхъ случаяхъ, когда не имѣла мѣста обоюдная порота, дѣло рѣшалось по односторонней присягѣ той или другой стороны съ поротниками. Напротивъ, вопросъ усложнялся при допущеніи пороты обоюдной. Статутъ упоминаетъ о ней въ двухъ мѣстахъ. Въ искахъ вещныхъ (из блага) истецъ можетъ отприсягнуть самъ-шесть, а если рота опять возвращена, то истецъ присягаетъ самъ-треть (11). Еще болѣе сложнымъ представлено дѣло въ другой статьѣ — о поротникахъ процесса по племенщинамъ. Если одна сторона присягнетъ съ 12-ю поротниками, то другая можетъ воротить роту, т. е. тотчасъ же присягнуть съ столькими же поротниками; первая сторона опять должна присягать, но уже съ «половицомъ» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ половицомъ — самтреть; при новомъ возвратѣ — самдругъ. И эта порота можетъ быть возвращена; тогда первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «виром рѣни, т. е. пронаести обыкновенную божбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое слѣласть противникъ, то дѣло рѣшалось «простомъ ричью» первой стороны (146).

Порота соединялась съ соблюденіемъ различныхъ формальностей присяги.

Дѣло рѣшалось въ пользу того, кто съ поротниками исполнилъ присягу по заклетвѣ правильно: «ако ли присегу сви, и вонка и поротници, *по заклетви у правь*, тои о таи правда добита». И наоборотъ — дѣло считалось провганимимъ, если не только всѣ, но и даже одинъ поротникъ не присягнулъ, или хотя бы и присягнулъ, но съ ошибками, вообще не согласно съ заклетвою пристава (149). Въ другомъ мѣстѣ просто говорится, что тотъ теряетъ дѣло, кто не «одстой» наложенной на него пороты, особенно если заклетва обнаружитъ, что онъ «ниче честанъ ни встанъ» (158, 159). Замѣтимъ въ заключеніе, что показанія поротниковъ имѣли огромное процессуальное значеніе. Кто согласился на пороту и результаты ея оказались въ пользу противной стороны, тотъ не могъ больше прибѣгать къ помощи никакихъ другихъ доказательствъ, — дѣло рѣшалось въ пользу его противника. Еще больше: подобно приговору присяжныхъ судей, приговоръ, основанный на показаніяхъ свидѣтелей — поротниковъ, считается въ Полицкомъ Статутѣ окончательнымъ. Дѣла съ поротниками, разъ оконченными, не подлежали новому перевершенью, путемъ апелляціоннаго переноса ихъ въ другую судебную инстанцію, — приговоры по такимъ дѣламъ немедленно приводились въ исполненіе. Все это, какъ нельзя больше, вытекаетъ изъ слѣдующаго положенія Статута: «када из часа ѳур приме поротнике, ли неморе се апелати» (236). Такимъ образомъ, о полицкихъ поротникахъ мы должны повторить сказанное нами выше о поротникахъ виводольскихихъ: безапелляціонно осуждая или оправдывая подсудимаго, они сближались съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ не сторонниками тяжущихся, но добрыми людьми, игравшими роль очень важныхъ судебныхъ органовъ. Осужденіе и оправданіе поротниковъ—свидѣтелей существенно разнилось отъ приговора поротниковъ—судей лишь тѣмъ, что первые не касались вовсе даннаго дѣла, подлежащаго судебному разбирательству, давали свидѣтельскія показанія лишь о личности сторонъ, утверждая «*добри аветъ ли поветъ*» ихъ (ниче честанъ ни встанъ), — поротники судьи, напротивъ, винкали въ самое существо суднаго дѣла, указывали на правоту или виновность подсудимаго въ каждомъ данномъ случаѣ.

3) *Рота*. Полицкій Статутъ раздѣляетъ присягу на подтвердительную, дававшуюся истцомъ въ подтверженіе своей пары или тужбы, и на очистительную, посредствомъ которой обвиненный свергалъ съ себя тужбу, очищая свою невиновность. Въ обоихъ случаяхъ рота могла производиться съ поротниками и безъ нихъ. Полную доказательную силу имѣла рота, когда не было другихъ положительныхъ доказательствъ, въ особенности письменныхъ актовъ. Кроме того, рота могла имѣть значеніе вспомогательнаго доказательства, допускалась напр. въ подтверженіе листовъ, если они не считались «задовольни», не вполне удовлетворяли требованіямъ полныхъ доказательствъ. Статутъ, какъ мы видѣли, допускаетъ роту обоюдную и одностороннюю. Последняя имѣла мѣсто въ такомъ случаѣ, когда на предложеніе одной стороны: «возьми дѣло себѣ на роту (на душу по сербскимъ грамотамъ), или пусти ее мнѣ», соглашалась другая, — дѣло въ такомъ случаѣ рѣшалось по одной присягѣ послѣдней стороны. Наконецъ, тяжущіеся могли вовсе отказаться отъ роты, ограничиваясь другими доказательствами или просто показаніями по совѣсти (144, 115, 149, 159, 230).

4) *Лицо и улки*. Лицо, какъ мы уже замѣчали, считалось вводитъ рѣшитель-

иный доказательствомъ, явно изобличившимъ виновнаго при лицѣ, на мѣстѣ преступленія. Отъ лица отличались простыя улики — знаки отъ побоевъ, рамы, полчиное (покреѣа) и пр. При уликахъ необходимы были еще другія доказательства. Статутъ вообще требуетъ оновѣди и разгледн полчиного со стороны добрыхъ людей и свидѣтелей (см. выше).

d) *Судебный приговоръ*. Статутъ даетъ нѣсколько указаній на порядокъ судоговореній, вмѣстѣ съ постановленіемъ и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ:

Говорене — судоговореніе, словесное препирательство тяжущихся предъ судьями. Говорене состояло въ томъ, что истецъ предъявлялъ свой искъ, на который давала отвѣтъ противная сторона, — истцу предоставлялось право *говорени* противъ отвѣтника, а этотъ долженъ былъ ему *одговарати*. Судоговоренія начинались тотчасъ послѣ явки сторонъ на судъ. На спросъ позваннаго: «ча е и гди е тон, из часа на не говоримъ», истецъ долженъ былъ «повидити, из часа говорн». Путемъ такихъ переговоровъ стороны «улизу у парну». Порядокъ судоговореній Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Явившись на судъ, стороны должны «сдѣати другому одговарати, сваки отпикаючи и отежуи прави (доказательства) свое. Ови, ил пѣта (печець), говори: држимъ мое, али моихъ правихъ, ча пристом мене, хотво бихъ е правдомъ да би была мени моя племенщина: а ови, ил држи, тон одговара: наче ѣа држимъ племенщину мою и моихъ старивихъ, кою самъ ивно и држао од вина, али говоре: да самъ купно али недворно закономъ закупичини, а не држимъ ни носидумъ твога ни твоихъ правихъ, недалъ бог!» (7, 118, 134, 144). Стороны «допирали» предъ судомъ одна другую доказательствами, представлявшимися въ подтвержденіе или отрицаніе показаній сторонъ. Дѣятельность судей, присутствовавшихъ при говореніи и допираніи сторонъ, состояла въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ (цѣтаю и разгледю) доказательствъ обѣихъ сторонъ и въ постановленіи *одлуки, ссимиленіа* (судебнаго приговора). Статутъ ни слова не говоритъ, какъ постановлялась одлука. Видно только, что въ своей одлукѣ судья объявляли подсудимаго оправданнымъ или виновнымъ (правъ или кривъ) и подвергали его соответственному наказанію. Сторона, оправданная по суду, «добуде или достигне правду»; кто на судъ «не одстои, не допре», тотъ считается кривымъ, губить правду (5, 13, 15, 72, 94, 130, 134, 159).

Одлука судей выдавалась оправданной стороной. Противникъ долженъ былъ исполнить (запунити и извршити) приговоръ (13, 238). Исполненіе приговора (*милочисанье*) зависѣло прежде всего отъ уговора (чешская *uhova*) сторонъ. Если уговоръ не состоялся, то оправданная сторона могла обратиться къ вранудительнымъ кѣранъ (129, 130, 134), могла испросить у судьи пристава, который и принуждалъ отвѣтника къ исполненію приговора. *Закладъ* былъ главной кѣрой исполненія одлукъ и вообще соответствовалъ чешскому *vzvodu* и рачованію или польскому *zukunftu*. До окончательнаго удовлетворенія истца, имущество (движимое, а при его недостаткѣ — и племенщина) отвѣтника оцѣнявалось и отдавалось во владѣніе истца; съ истеченіемъ срока закладъ обращался въ полную его собственность. Статутъ допускаетъ также со стороны виновнаго *одбой* — открытое сопротивление приставу, огражденному судомъ для исполненія приговора. Въ этомъ случаѣ виновный платитъ штрафы (*осуъ одбойни*); кроме того, въ помощь предъ-

ставу отрягается воевода съ товариществомъ (дружествомъ). Иногда противъ сопротивлявшейся стороны выходила вся община, которой дозволялось грабить провинившагося, даже разваливъ и сжечь его домъ (130, 134, 139 — 144, 247, 248, 256 и пр.). Участіе воеводы и общины въ исполненіи судебныхъ приговоровъ вполне сходно съ повѣтовымъ взрушеньемъ старопольскаго процесса, установившимся при явномъ упорствѣ отвѣтчика и состоявшимъ въ грабежѣ его имущества, съ цѣлью принудить его къ удовлетворенію судебного приговора. Подобныя же принудительныя мѣры были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. По старосербскимъ памятникамъ, кромѣ грабежа, дозволялось лишать свободы (связати и држати) провинившагося, пока онъ не удовлетворитъ истца (Николичъ. Спом. 128).

Приговоръ приводился въ исполненіе, коль скоро стороны не заявляли суду о своемъ недовольствѣ приговоромъ. Сторона, считавшая приговоръ не правильнымъ (ако би му ча криво или неподобно учинио, -- ако му мне задовољно напуни правду учинио), могла объявить судьямъ, что ихъ одлука «не угодна, не би куштеньтао». Въ такихъ случаяхъ Статутъ допускаетъ апелляцію (*апела, апво*), переносъ дѣла къ другимъ судьямъ для новаго его перевершенья. Въ Статутѣ найдены слѣдующія правила объ апелліаціи. «Здвигнути и апелати» предъ другихъ судей можно только послѣ постановленія приговора. Апелляція считается недействительной, если пропущенъ апелляціонный срокъ (мѣсячный, со дня постановленія приговора). Нельзя апеллировать «из силе али зле воле». Общинный прокаратуръ не можетъ апеллировать безъ общины, т. е. не представивъ «самошест луди», подтверждающихъ справедливость апелліаціи. Апела не имѣетъ мѣста въ процессѣ по дупещинамъ, а по другимъ дѣламъ, когда приняты были свидѣтели — ротники. Подложные кметы пользуются правомъ апелліаціи отъ господскаго суда не иначе, какъ послѣ выхода отъ господина. Апеллировать дозволяется отъ суда княжаго и вѣчеваго; но нѣтъ и намёка на возможность апелліаціи отъ судей — ротниковъ. Отъ збора идетъ апелліація на другой сборъ, также къ князю или къ судьямъ — ротникамъ; точно также отъ суда княжаго можно переносить дѣла предъ ротниковъ или на сборъ, а въ нуждѣ и къ князю сплитскому (5, 13, 16, 121, 122, 237 — 240).

* * *

Сочиненіе мое въ бѣльшей части своей было уже отпечатано, когда я получилъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ сочиненій по хорватской исторіи и литературѣ. Нѣсколько данныхъ относительно стараго хорватскаго права, сообщаемыхъ въ особенности въ сочиненіи *S. Ljubic'a Ogleđals književne poviesti jugoslavjanske* (Rieski. 1864), я изложу здѣсь въ видѣ дополненія къ общему обзору хорватскихъ памятниковъ. Кромѣ того, глубокой знатокъ славянской старины, профессоръ В. И. Григоровичъ дозволилъ мнѣ помѣстить въ своемъ сочиненіи сообщенныя имъ указанія и замѣтки о значеніи нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ и терминовъ, встрѣчаемыхъ имъ въ Винодольскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ.

Говоря на 5-й стр. (по Райчу) о книгѣ законовъ Сильвестра, я слѣдовалъ показаніямъ одного изъ мѣстныхъ знатоковъ южнославянскаго права, именно Крстича,

который, въ своемъ обзорѣ старосербскаго права, считаетъ вполне достовернымъ извѣстіе Ранча о древнѣйшемъ сборникѣ хорватскихъ законовъ, составленномъ при Сильвестрѣ. Между тѣмъ, Шварцъ, въ своей исторіи Хорватовъ (*Io. Svar, Ogledalo Iliruma, iliti dogodovstina Ilirah, Slavinah, straznji put Horvatah zvanih. I — IV. U Zagrebu. 1839 — 42*), перечисляя старыхъ хорватскихъ князей, нигдѣ ни слова не говорятъ ни о какомъ Сильвестрѣ. Обстоятельство это, впрочемъ, нисколько не можетъ служить опроверженіемъ сказаннаго мной о сборникѣ или книгѣ законовъ X вѣка. Дѣйствительное существованіе этого памятника, къ сожалѣнію не дошедшаго до нашего времени, вполне подтверждается показаніями стараго хорватскаго лѣтописца (*metodios*). Кромѣ указаній памятниковъ IX и X вѣковъ на древнѣйшіе хорватскіе законы и статуты (*leges, statuta et privilegia*), Любичъ приводитъ изъ хорватскаго лѣтописца очень любопытное извѣстіе о томъ, что «*na sobogu hlievanskom mnoge dobre zakone postavise, ke bi mnogo govoriti, da ako tko hoće parupo znati naredbu, ku ucinise... vazmi knjige, ke pri Hrvatih ostase i pri njih se nahode*» (*Ljubic Ogledalo, 104; ср. 114*). Это извѣстіе относится Любичъ къ концу IX вѣка, именно времени Мутимира.

Любичъ, далѣе, касается позднѣйшихъ уставовъ хорватскихъ. Кромѣ сборниковъ, указанныхъ мной въ введеніи, ему извѣстны еще слѣдующіе статуты далматскаго Приморья:

- Statuta Civitatis *Fluminis*.
- Statuta Civitatis et insulae *Vegliae*.
- Statuto di *Cherso et Ossero*.
- Statuta Civitatis *Arbae*.
- Statuta Civitatis *Scardonae*.
- Statuta Civitatis *Budae*.
- Statuta *Tersactensia*.

Кромѣ Статутовъ *Cherso*, отпечатанныхъ въ Венеціи въ 1640 г., остальные доселѣ хранятся въ городскихъ архивахъ и частныхъ библіотекахъ. Составленные на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ въ теченіи XIII и XIV столѣтій, они по словамъ Любича имѣютъ въ основѣ своей по большей части славянскіе источники.

Винодольскимъ Закономъ посвящаетъ авторъ нѣсколько общихъ замѣтокъ. По словамъ Любича, этотъ памятникъ составленъ старѣйшинами Винодола и особенно важенъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о демократическомъ духѣ винодольскихъ князей и о силѣ и свободѣ общины. Вліяніе общины простиралось въ значительной степени даже на церковь и духовенство (католическое) и, что не мѣнѣ замѣчательно, отражалось въ общинномъ устройствѣ рода Франгепановъ — старыхъ народныхъ князей, жившихъ по народному обычаю въ задругѣ, на манеръ всякихъ частныхъ лицъ. Члены задруги носили общее названіе князей (*knezi*) и, въ качествѣ обыкновенныхъ задругарей, подчинялись старшему князю, управлявшему своей задругой въ значеніи ея старшины (*domacina*). Владѣтельныя права и частное имущество Франгепановъ находились въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи княжеской задруги. На такихъ же основаніяхъ Франгепаны владѣли со второй половины XIII вѣка Винодоломъ, Кркомъ и другими хорватскими землями. Замѣтимъ

кстати, что задружные порядки вообще были въ обычѣ во всѣхъ слояхъ хорватскаго народа. Даже дворъ старыхъ хорватскихъ кралей (напр. Крезимира Великаго) устроился по образцу простой задруги: дворскій *ded* или *djad*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ общее значеніе задружнаго старосты, *domacina*. Указанія на подобные же порядки можно найти и у другихъ Славянъ.

Наконецъ, Любичъ говоритъ о государственномъ устройствѣ хорватской земли до подчиненія ея Коломану, опредѣляетъ значеніе и устройство задругъ, общинъ, жупъ (жупаній) и наконецъ цѣлой хорватской земли. Задруга устроилась вообще по типу общины (территориальной). *Domacin* — задружный старшина — избирался задругой на томъ же основаніи, какъ и община избирала своего старшину. Жупа — союзъ нѣсколькихъ общинъ, съ однимъ общинъ главой (жупаномъ). Во главѣ цѣлой земли стоялъ великій жупанъ, князь, позже король.

Великіе жупаны и крали избирались народомъ на общихъ вѣчахъ. При Крезимирѣ Великомъ утвердилось начало наследованія королевской власти. Наслѣдникъ назывался *svietli vojvoda* (*dux illustris*). Дворъ хорватскаго князя состоялъ изъ нѣсколькихъ чиновъ, отправлявшихъ при князѣ различныя должности. При Мутимирѣ (въ концѣ IX вѣка) въ составъ двора входили слѣдующія лица: *dvorski zupan* (*Palatii Juranus* или *Palatinus*, *dvornik* или *padvornik*) — княжескій наѣстникъ; *Capellanus Ducis*, отправлявшій также должность княжяго дьяка (*cancellar*); *posteljniki dvorski* (*camerarius* или *cubicularius regis*); *peharnik* (*piascenarius juranus*); *konjusnik* (*cavallarius juranus*); *buzdovanar* или *buzdovnik*, мечникъ (*massecharius juranus*); *oružanik* или *stitonosa* (*armiger juranus*); *nadzornik manastira* (*superpositus monasteriis*). Позже дворъ усложняется. При Крезимирѣ Великомъ старшій дворскій жупанъ назывался *dvorswi knez* или *udvornik* (*curialis comes* или *comes curiae regiae*). За тѣмъ слѣдовали: *dvorski sudac* (*regalis curiae iudex* или *causidicus regis*) — главный органъ королевскаго суда; *dvorski biskop* (*regalis episcopus*), отправлявшій также должность канцлера (*aulae regiae cancellarius*), — ему подчинялись, какъ епископу, — *dvorski zupnici* (*sacellarii regio sacello praepositi*) и *kapelani*, а какъ канцлеру — *biljeznici* (*notarii*) и *pisari* (*scribae*). Четвертое мѣсто занималъ *dvorski ded* или *djad*, *naddvornik* (*majordomus, starosta*). Нижнія должности при дворѣ занимали постельники, конюшіе, щитовоши и проч. Дворскіе чины составляли княжій совѣтъ и сопутствовали князю во время его разъѣздовъ по землѣ.

Власть княжеская была ограничена народной сходкой. Въ концѣ IX вѣка сходки раздѣлялись на *drzavno vieće* и *zabor* (*narodna skupstina*). Сходки перваго рода составляли жупаны, которые въ присутствіи князя рѣшали обыкновенныя государственныя дѣла. Болѣе важныя дѣла представлялись на соборъ, составившійся не изъ однихъ вельможъ (*velikasi*), но изъ всего народа (*ruk*). На такихъ соборахъ Хорваты избирали князей, бановъ и жупановъ; здѣсь рѣшались дѣла о войнѣ и мирѣ, составлялись законы для всей земли хорватской, разрешались важнѣйшія судебныя дѣла и пр. Вообще въ компетенцію собора входило все, что касалось интересовъ цѣлой земли. Въ такомъ значеніи хорватскія вѣча удерживались и позже; *congregationes* XIII и слѣдующихъ вѣковъ цѣлкомъ коренятся въ старыхъ вѣчахъ и соборахъ.

Въ областяхъ — жупахъ и общинахъ, были свои отдѣльные сходки (жупскія, градскія и обкинскія или сельскія), на которыхъ разсматривались и рѣшались дѣла, касавшіяся жупъ, градовъ и общинъ. Къ областнымъ старшинамъ относились: бавы, жупаны, сатники и общинные старѣйшины. По грамотамъ временъ Крезимира В., бавъ считается послѣ короля первымъ областнымъ главой, дѣйствуетъ въ значеніи его намѣстника. Жупаны — старшины отдѣльныхъ жупъ; имъ подчинялись *podzupani*, *satnici* и другія должностныя лица. Жупаны управляли своими жупами вообще свободно, подчинялись только народу и королю, какъ общему народному главѣ. Главной обязанностью жупановъ было отправленіе суда. Дѣла и споры меньшей важности подлежали суду общинныхъ старѣйшинъ (*obcinski staresina*). Судъ присяжныхъ (порота), по словамъ Любича, былъ «*najdragocieniji biser javnosti i sudbenosti hrvatske*».

Указанія на внутренній бытъ Хорватовъ въ различныя эпохи исторической ихъ жизни можно находить, кромѣ сочиненій, перечисленныхъ мной въ введеніи, еще въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ по хорватской исторіи и литературѣ, которыя и привожу здѣсь въ добавленіе къ сдѣланному мной перечню: *Katancsich, De Istro* (Budae 1798; *Carrara, Chiesa di Spalato* (Spalato 1844); *Fabianich, Memorie storico-letterarie di alcuni conventi della Dalmacia* (Ven. 1845); *Kacic, Razgovor ugodni naroda Slovincskoga* (u Becu, 1836); *Kalon, Historia critica regum hungariae stirpis Arpadianae* (I — VI. Budae. 1778 — 82).

Заключу свои добавочныя замѣтки объясненіемъ нѣкоторыхъ терминовъ, встречающихся въ Винодольскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ замѣчаніями, сообщенными мнѣ В. И. Григоровичемъ. «Улети блюеня» (въ введеніи къ Винодольскимъ Законамъ) значить *облегчить блюденіе*. «Архипрвад» (тамъ-же) — *Archipresbyter*. «Вернез» (1 ст. Вин. Зак.) — *Währung*. «Боланач» (*ib.*) — *boloneso, moneta*. «Нере гда он сам пошле» (3 ст.), — *когда он сам* (епископъ) *совершаетъ обряды*, «послюеть» (священнодѣйствуетъ). «Перман» (5 ст.) — отъ *ferma, la condotta per far servigi, — parlando di soldati engagement, enrôlement*. «Мошуне» (10 ст.) — *мошна, мошенничество*. «Стихъ реди» (16 ст.) — *stigma* (помазаніе, знакъ), *ordinis*. «Бусовить» (25 ст.) — у Гундуляча *busiti — scovare, aufscheuchen, busone la trompela*; Бусовить Винодольскихъ Законовъ — *биричъ, герольдъ* (ср. Слово о плѣку Игоря, изд. Тихоуравова — бусово, бусови). «Личба» (39 ст.) — *denunciatio publica*. «Ключар» (42 ст.) — *Beschlusser* (гадатель?). «Конобъ» (*ibid*) — ср. слѣд. мѣсто минеи. Новгородской Софійской бібліотеки, л. 13: «Конобныхъ варени и прѣстомъ оутятіе и свѣштныхъ опаленіе терьпѣль еси»; можетъ быть, конобъ соотвѣтствуетъ *котлу* Душанова Законника и *водль* Р. Правды. «Ликуф» (45 ст.) — *лихва*. Раченне» (75 ст.) — *βροχαια, fascina*. «Ошастно» (33 ст.) — ср. ошѣстникъ, *отшѣстникъ*. «Остачене» — ср. сътъчненіе, *συτχρισς*. «Матене». — отъ *мыштеніе* (съ перемѣной ь — въ а, шт — въ т). «Придна кровь» (Полиц. Стат.) — *честная* кровь (убійство). Замѣчу отъ себя, что Бусевить, въ указанномъ значеніи, извѣстенъ кркскому статуту: «*da bude zvan (na vice) vas plk po busovici*» (Ark. II. стр. 292).

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

Въ сочиненіе мое, печатавшееся слишкомъ мелкимъ шрифтомъ, вралось множество опечатокъ. Укажу важнѣйшія изъ нихъ :

Стр.	Строка	Напечатано :	Слѣдуетъ читать :
I	10	(снизу) законодательствѣ	законодательствѣ
II	10	» обтнпѣ	оптнпѣ
III	1	» Curzubaе	Corculae
IV	11	» Frajo	Franjo
VI	11	(сверху) Zandru	Zadru
VI	18	» Werbosz	Werbocz
VII	16	(снизу) Jesafata	Jozafata
IX	3	(сверху) Knj'ga	Knjiga
IX	14	» drzanvoga	drzavnoga
IX	3	(снизу) feadi	feudi
X	11	» Fresne	Fresne (Du Cange)
XI	15	(сверху) Harváth	Horváth
XI	9	(снизу) Pojestnica	Povjestnica
1	13	(сверху) въѣѣ	въѣѣ
2	7	» жушана	жушана
2	10	» Sigraga	Sidraga
2	11	» Гадска	Гадка
2	26	» или Rama	и Rama
5	16	» Арбе	Раба (Arba)
6	7	(снизу) generale	generalis
8	12	» reotoris	rectores
9	3, 4, 10	(сверху) officialis, rectoris, hominis	officiales, rectores, homines
11	8	» Травы	Трогира (Trau)
12	2	» въ Утнѣѣ	въ Удино (Вадимѣѣ)
12	8	» Травѣ (Trohir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Травы	Трогиру (Trogir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Трогира
12	17	(снизу) Арбе, Пола, Спалато	Раба, Пола, Силита
21	2	(сверху) pereppis	pereppe
36	5	(снизу) дикая	дикая
38	8	(сверху) княщихъ	княжихъ
39	9	(снизу) вчиняться	вчиняться
40	12	» княча	кнча
45	2	» школахъ	шкодахъ
48	5	(сверху) епископу	епископу
49	5	» krodzieŝ	kradzieŝ
52	14	(снизу) Белы	Беллы
53	10	(сверху) civis	cives
53	11	» hospitis	hospites
53	2, 5, 15	(снизу) jobadiones	jobagiones
54	1	(сверху) convocacionis	convocaciones
54	12	» judicis	judices
54	15	» assessoris	assessores
55	15	(снизу) cognatos	cognati
55	4	» gerede	haerede
57	7	(сверху) majoris et causae pecuniatis	maiores et causae pecuniales.
59	11	(снизу) testis	testes
62	12	» comitis	comes
70	4	(сверху) имѣтъ	имѣютъ
76	3	(снизу) odgovorno	odgovorno
77	11	» сербовы	себровы
80	10	(сверху) воѣломъ	воломъ
82	6	» общинѣѣ	общихъ